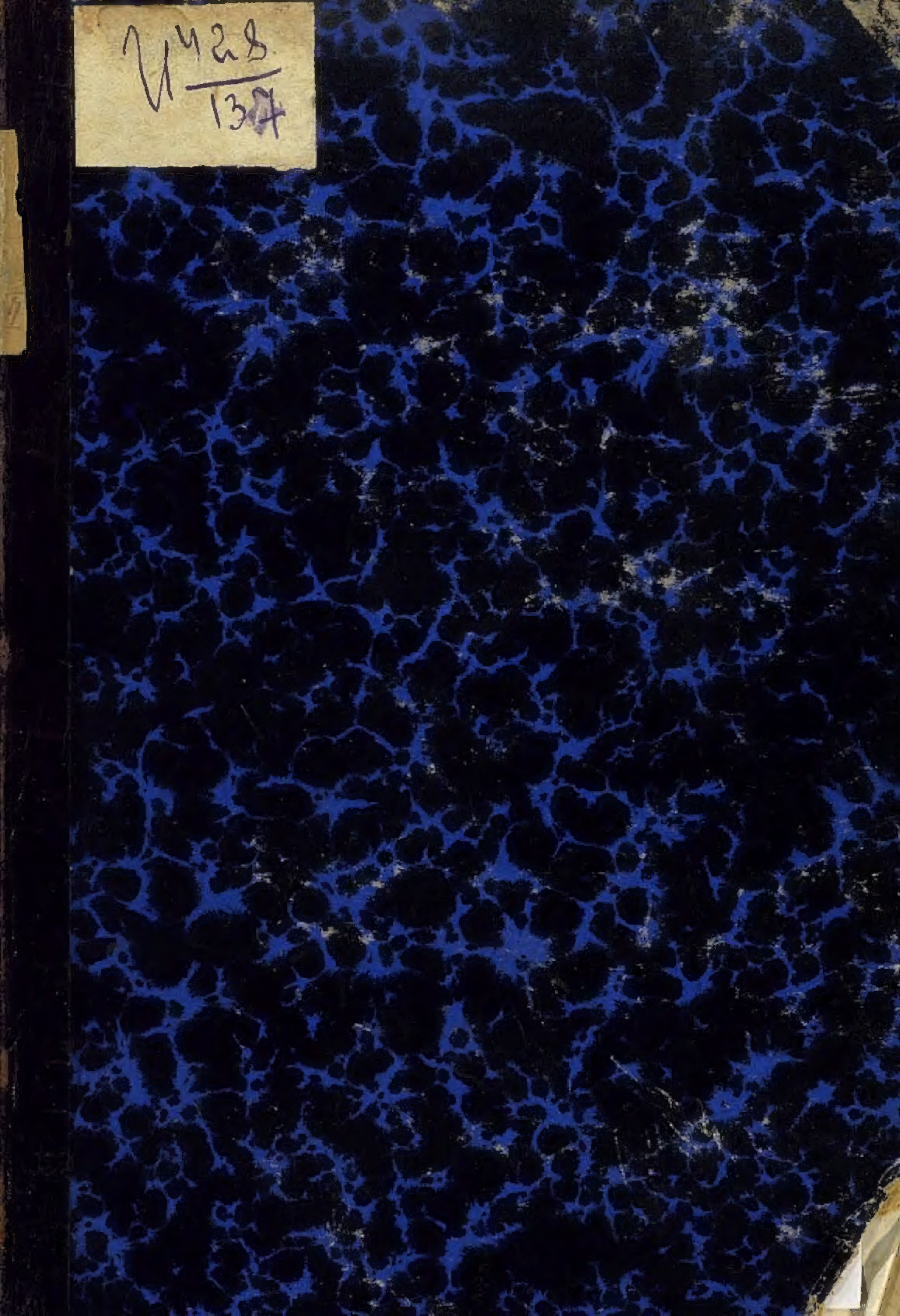

А. И. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРІИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Пушкинскій періодъ).

Пушкинъ А. С., біографическій очеркъ. Пушкинъ. Пушкинъ и Московскій университетъ. Коншинъ, Н. М. 1793 — 1859 г. Чаадаевъ, П. Я. Новые матеріалы о П. Я. Чаадаевѣ. Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгуновъ.

Т. II.

Изданіе 2-е дополненное.

МОСКВА.
1903.
Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО"
[illegible]оховая, № [illegible], домъ Бенкендорфъ.
Отдѣленіе: С.-[illegible]етербургъ, Екатерининская, д. № 6.

2007237572

А. С. ПУШКИНЪ.

Біографическій очеркъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ род. 26 мая 1799 г. въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня въ Москвѣ, на Нѣмецкой улицѣ. О своихъ предкахъ по отцу онъ пишетъ въ 1830—31 г.: «Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), выѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославовича Невскаго... Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ[1]) Пушкинъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ I сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ уличенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ поса-

---

[1]) Ошибка: надо читать—Гаврило Григорьевичъ.

женъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцемъ. Родильницу привезли домой полумертвою и положили на постель всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли [1])».

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ (1771—1848), какъ и старшій братъ его, поэтъ Василій Львовичъ (1770—1830), не имѣлъ по характеру ничего общаго съ дѣдомъ. Получивъ блестящее по тому времени образованіе, т. е. овладѣвъ не только прозаической французской рѣчью, но и стихомъ, и поглотивъ все выдающееся во французской литературѣ XVII и XVIII вѣковъ, онъ на всю жизнь сохранилъ страсть къ легкимъ умственнымъ занятіямъ и къ проявленію остроумія и находчивости во всякихъ jeux de société; зато также всю жизнь онъ не былъ пригоденъ ни къ какому практическому дѣлу. Онъ былъ еще въ малолѣтствѣ записанъ въ измайловскій полкъ, потомъ переведенъ въ гвардейскій егерскій и очень тяготился несложными обязанностями гвардейскаго поручика. Женившись въ ноябрѣ 1796 г., онъ подалъ въ отставку и сталъ пользоваться совершенной свободой, сперва въ Петербургѣ, гдѣ 20 декабря 1797 г. родился у него первый ребенокъ, дочь Ольга (впослѣдствіи Павлищева), а потомъ (съ 1799 г.) въ Москвѣ и въ подмосковномъ имѣніи своей тещи, сельцѣ Захаровѣ. Управленіе домомъ онъ всецѣло предоставилъ женѣ, а завѣдываніе имѣніями—управляющимъ и приказчикамъ, которые обкрадывали его и разоряли мужиковъ. Сергѣй Львовичъ терпѣть не могъ деревни, если

[1]) Изд. фонда V, 148—9.

она не походила на подгородную дачу; проживая изрѣдка въ собсвенныхъ имѣніяхъ (въ иныя онъ ни разу и не заглядывалъ), онъ, когда не было гостей, проводилъ все время въ кабинетѣ, за книгами. Дома вспыльчивый и раздражительный (когда обстоятельства принуждали его подумать о хозяйствѣ или дѣтяхъ), съ посторонними онъ бывалъ веселъ, оживленъ и внимателенъ. По выраженію Анненкова, у него не было времени для собственныхъ дѣлъ, такъ какъ онъ слишкомъ много занимался чужими. Онъ до старости отличался пылкимъ воображеніемъ и впечатлительностью, доходившею до смѣшного. Обыкновенно расточительный и небрежный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ временами становился мелочно разсчетливымъ и даже скареднымъ. Онъ былъ способенъ острить у смертнаго одра жены; зато иногда отъ пустяковъ разливался въ слезахъ. Никому не хотѣлъ и не могъ онъ внушить страха или ненависти; но за то никому не внушалъ и уваженія; пріятели любили его, и собственнымъ дѣтямъ, когда они подросли, онъ часто казался жалкимъ и самъ настойчиво требовалъ отъ нихъ, чтобы они опекали его, какъ маленькаго ребенка. Его любимая поговорка: que la volonté du ciel soit faite вовсе не была выраженіемъ искренней вѣры и готовности подчиниться волѣ Провидѣнія, а только фразой, которою онъ прикрывалъ свой эгоистическій индифферентизмъ ко всему на свѣтѣ. Мать поэта, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ (1775—1836) была на четыре года моложе мужа, но несравненно сильнѣй его характеромъ. Основателемъ ея фамиліи былъ «арапъ Петра Великаго», по происхожденію абиссинскій князекъ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Онъ умеръ въ 1781 г. генералъ-аншефомъ и александровскимъ кавалеромъ, оставивъ 7 человѣкъ дѣтей и болѣе 1400 душъ. Это была мягкая, трусливая, но вспыльчивая абиссинская натура, «наклонная къ невообразимой необдуманной рѣшимости [1])». Сыновья унаслѣдовали его вспыльчивость: крѣпостныхъ людей, возбудившихъ ихъ гнѣвъ и ими наказанныхъ, «выносили на простыняхъ». Двое изъ нихъ, Иванъ и Петръ (котораго поэтъ посѣтилъ въ его деревнѣ въ 1817 г.), достигли высокихъ чиновъ, но при этомъ Петръ писалъ совсѣмъ безграмотно. Третій братъ, родной дѣдъ поэта, Осипъ (онъ же и Януарій), женатый на дочери тамбовскаго воеводы Пушкина, Марьѣ Алексѣевнѣ, женился потомъ

[1]) Анненковъ, Пушкинъ въ александровскую эпоху, стр. 5.

вторично, поддѣлавъ, говорятъ, свидѣтельство о смерти жены. Марья Алексѣевна жаловалась государынѣ, и права ея были возстановлены. Послѣ этого она поселилась въ деревнѣ съ своей единственной дочерью Надеждой, подъ покровительствомъ своего шурина и крестнаго отца дочери—Ивана Абрамовича Ганнибала, строителя Херсона и наваринскаго героя. Марья Алексѣевна была добрая женщина и прекрасная хозяйка деревенскаго, старорусскаго складу, но дочь свою она избаловала порядкомъ, «что сообщило нраву молодой красивой креолки, какъ ее потомъ называли въ свѣтѣ, тотъ оттѣнокъ вспыльчивости, упорства и капризнаго властолюбія, который замѣчали въ ней позднѣе и принимали за твердость характера [1])». Мужа своего Надежда Осиповна настолько забрала въ руки, что онъ до старости курилъ секретно отъ нея; къ дѣтямъ и прислугѣ она бывала непомѣрно сурова, и обладала способностью «дуться» на тѣхъ, кто возбудилъ ея неудовольствіе, цѣлыми мѣсяцами и даже болѣе (такъ съ сыномъ Александромъ она не разговаривала чуть не цѣлый годъ). Хозяйствомъ она занималась почти также мало, какъ и мужъ, и подобно ему страстно любила свѣтъ и развлеченія. Когда Пушкины переѣхали въ Петербургъ, домъ ихъ «всегда былъ наизнанку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословной неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами, и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана». Приблизительно такова же была ихъ жизнь и въ Москвѣ; но тамъ это не въ такой степени бросалось въ глаза: состоятельныя дворянскія семьи сплошь и рядомъ жили подобнымъ образомъ... Пушкины отличались отъ многихъ другихъ только большею, такъ сказать, литературностью; въ этомъ отношеніи тонъ давалъ Сергѣй Львовичъ, который и по собственной инициативѣ и черезъ брата Василія былъ въ дружбѣ съ многими литераторами и любителями поэзіи; въ его домѣ даже одинъ изъ лакеевъ сочинялъ стихи.

Въ раннемъ дѣтствѣ Александръ Пушкинъ не только не представлялъ ничего выдающагося, но своей неповоротливостью и молчаливостью приводилъ въ отчаяніе мать свою, которая любила его гораздо меньше, нежели сестру его Ольгу и младшаго брата Льва (1806—1852). Когда принимались слишкомъ энергично и с-

[1]) Анненковъ, тамъ-же.

править его манеры и характеръ, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ (послѣ замужества дочери она поселилась съ Пушкиными) и прятался въ ея рабочую корзинку, гдѣ его уже не смѣли тревожить. Бабушка были первой наставницей поэта въ русскомъ языкѣ; отъ нея же, вѣроятно, наслушался онъ разсказовъ о семейной старинѣ. Въ ея сельцѣ Захаровѣ или Захарьинѣ, о которомъ Пушкинъ долго сохранялъ пріятныя воспоминанія, онъ слыхалъ пѣсни и видалъ хороводы и другія народныя увеселенія (Захарово принадлежало къ приходу богатаго села Вязёма, которое было когда-то собственностью Бориса Годунова и помнило о своемъ царственномъ владѣльцѣ). Другой связью Пушкина съ народностью служила Арина Родіонова, когда то вынянчившая Надежду Осиповну, а теперь нянчившая всѣхъ ея дѣтей, женщина преданная и очень умная; она знала безчисленное количество поговорокъ, пословицъ, пѣсенъ и сказокъ и охотно сообщала ихъ своему питомцу. Только съ нею да съ бабушкой и еще съ законоучителемъ своимъ Бѣликовымъ (очень образованнымъ человѣкомъ) Пушкинъ имѣлъ случай говорить по-русски: отецъ, мать, тетки (Анна Львовна Пушкина и Елизавета Львовна, по мужу Солнцева, тоже имѣли вліяніе въ домѣ), почти всѣ гости, а главное гувернеры и гувернантки (большею частію плохіе; объ одномъ гувернерѣ, Шеделѣ, извѣстно, что любимымъ его занятіемъ была игра въ карты съ прислугой) объяснялись съ дѣтьми исключительно по-французски, такъ что и между собою дѣти пріучились говорить на томъ-же языкѣ.

Пушкинъ въ началѣ учился плохо (особенно трудно давалась ему ариѳметика) и отъ гувернантокъ испытывалъ крупныя непріятности, отравлявшія ему воспоминанія о дѣтскихъ годахъ. Около 9 лѣтъ отъ роду Пушкинъ пристратился къ чтенію, разумѣется, французскому и, начавъ съ Плутарха и Гомера въ переводѣ Битобе, перечиталъ чуть ли не всю довольно богатую библіотеку своего отца, состоявшую изъ классиковъ XVII вѣка и изъ поэтовъ и мыслителей эпохи *просвѣщенія*. Преждевременная начитанность въ произведеніяхъ эротическихъ и сатирическихъ, которыми была такъ богата французская литература той эпохи, способствовала преждевременному развитію чувства и ума Пушкина, а литературные нравы дома и особая любовь, которую Сергѣй Львовичъ питалъ къ Мольеру—онъ читалъ его вслухъ для поученія дѣтямъ—возбудили въ мальчикѣ охоту пытать свои силы въ творчествѣ опять

таки главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ. Между наиболѣе ранними его произведеніями преданіе называетъ комедію «l'Escamoteur» — близкое подраженіе Мольеру — и шуточную поэму «la Tolyade» (сюжетъ — война между карликами и карлицами во времена короля Дагоберта), начатую по образцу многочисленныхъ французскихъ пародій XVIII в. на высокій «штиль» героическихъ поэмъ. Есть еще не совсѣмъ достовѣрное указаніе на цѣлую тетрадку стихотвореній маленькаго Пушкина, между которыми были и русскія. Раннее развитіе, по-видимому, не сблизило Пушкина съ его родителями: его характеръ продолжали исправлять, ломая его волю, а онъ оказывалъ энергичное сопротивленіе. Въ результатѣ отношенія обострились настолько, что 12-лѣтній мальчикъ изо всѣхъ домашнихъ чувствовалъ привязанность только къ сестрѣ и съ удовольствіемъ ожидалъ момента, когда ему придется покинуть родительскій домъ. Сначала Пушкина думали отдать въ іезуитскую коллегію въ Петербургѣ, гдѣ тогда воспитывались дѣти лучшихъ фамилій; но 11 января 1811 г. былъ опубликованъ указъ о предстоящемъ открытіи царскосельскаго лицея, и, благодаря настояніямъ и хлопотамъ А. И. Тургенева и дружескимъ связямъ Сергѣя Львовича съ директоромъ новаго учебнаго заведенія В. Ѳ. Малиновскимъ, Пушкинъ оказался въ числѣ кандидатовъ для поступленія въ новое учебное заведеніе, которое должно было находиться подъ особымъ покровительствомъ государя. Готовясь въ лицей, Пушкинъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ у дяди Василія Львовича, и у него впервые встрѣтился съ представителями петербургскаго свѣта и литературы. 12 августа Пушкинъ одновременно съ Дельвигомъ выдержалъ вступительный экзаменъ и 19 октября присутствовалъ на торжествѣ открытія лицея. Преподавателями лицея были назначены люди прекрасно подготовленные (иные — за границей) и большею частію способные. Программа преподаванія была строго обдуманная и широкая (можетъ быть, даже излишне-широкая): кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, въ нее входили и философскія и общественно-юридическія науки. Число воспитанниковъ было строго ограничено, и они были обставлены наилучшимъ образомъ: никакихъ унизительныхъ наказаній не было; каждый воспитанникъ имѣлъ свою особую комнатку, гдѣ онъ пользовался полной свободой. Въ отчетѣ о первомъ годѣ конференція лицея говоритъ, что ученикамъ «каждая истина предлагалась такъ, чтобы возбудить само-

дѣятельность ума и жажду познанія ...а все пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха»; но этотъ отчетъ, какъ справедливо говоритъ Анненковъ, скорѣй выражаетъ идеалъ, чѣмъ дѣйствительность. Преподаватели, отчасти вслѣдствіе плохой подготовки слушателей, отчасти по другимъ общественнымъ и частнымъ причинамъ, оказались далеко не на высотѣ своей задачи и большею частію ограничивались спрашиваніемъ своихъ тетрадокъ; иные, какъ напр. любимецъ лицеистовъ А. И. Галичъ, участвовали въ пирушкахъ своихъ аристократическихъ учениковъ и мирволили имъ въ классахъ и на экзаменахъ. Даже самая свобода или, точнѣе, безнадзорность приносила нѣкоторый вредъ слишкомъ юнымъ «студентамъ», знакомя ихъ съ такими сторонами жизни, которыя выгоднѣе узнавать позднѣе. Къ тому же, на третій годъ существованія лицея скончался его первый директоръ, и почти два года (до назначенія Е. А. Энгельгардта въ 1816 г.) настоящаго главы въ заведеніи не было; преподаваніе и особенно воспитательная часть пострадали отъ этого весьма существенно. Но съ другой стороны та же свобода, въ связи съ хорошей педагогической обстановкой, развивала въ лицеистахъ чувство человѣческаго достоинства и стремленіе къ самообразованію. Если солидныя знанія и приходилось лицеистамъ пріобрѣтать своимъ трудомъ впослѣдствіи, то лицею они были обязаны охотой къ этому труду, общимъ развитіемъ и многими гуманными, свѣтлыми идеями. Вотъ почему они и относились съ такимъ теплымъ чувствомъ къ своему учебному заведенію и такъ долго и единодушно поминали 19 октября. Чтеніе римскихъ прозаиковъ и поэтовъ было поставлено въ лицеѣ довольно серьезно; классическую миѳологію древности и литературу лицеисты знали не хуже нынѣшнихъ студентовъ; литературу французскую, безъ сомнѣнія, — много лучше; а весьма серьезный интересъ къ родной словесности и охоту дѣйствовать на этомъ поприщѣ самостоятельно лицей получилъ еще въ наслѣдство отъ московскаго благороднаго университетскаго пансіона, который выслалъ сюда нѣсколькихъ учениковъ и лучшихъ учителей.

Природныя способности Пушкина быстро развернулись въ лицеѣ; онъ читалъ чрезвычайно много, и все, однажды прочитанное, помнилъ отлично; больше всего интересовался онъ французской и русской словесностью и исторіей; онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ рукописныхъ лицейскихъ журналахъ

и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка лицейскихъ новеллистовъ и поэтовъ (Илличевскій, Дельвигъ, Кюхельбекеръ и др.), которые, собираясь по вечерамъ, экспромтомъ сочиняли повѣсти и стихи. Учился Пушкинъ не очень усердно. Кайдановъ, преподававшій географію и исторію, аттестуетъ его такъ: «При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго». Куницынъ, профессоръ логики и нравственныхъ наукъ, пишетъ о немъ: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне неприлеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особенно по части логики». Тѣ изъ товарищей, которые имѣли случай узнать его впечатлительную натуру и отзывчивое, мягкое сердце, искренно любили его; но большинство, замѣчавшее только его неумѣренную живость, самолюбіе, вспыльчивость и наклонность къ злой насмѣшкѣ, считало его тщеславнымъ эгоистомъ; его прозвали французомъ, преимущественно за прекрасное знаніе французскаго языка, но въ 1811 и слѣд. годахъ это былъ во всякомъ случаѣ эпитетъ непохвальный. Раздражительность, принесенная Пушкинымъ изъ дому, получила въ лицеѣ новую пищу вслѣдствіе такого отношенія товарищей; по живости характера Пушкинъ самъ наталкивался на ссоры, а такъ какъ онъ, несмотря на огромныя способности и остроуміе, не отличался быстрой находчивостью, то далеко не всегда могъ оставаться побѣдителемъ даже въ словесныхъ турнирахъ, что очень огорчало и раздражало его. Предаваясь неумѣренной веселости днемъ, Пушкинъ часто проводилъ безсонныя ночи въ своемъ № 14 (здѣсь прожилъ онъ всѣ 6 лѣтъ ученья), то обливаясь слезами и обвиняя себя и другихъ, то обдумывая способы, какъ бы измѣнить къ лучшему свое положеніе среди товарищей.

Въ 1814 г. Сергѣй Львовичъ Пушкинъ вновь поступилъ на службу—въ Варшавѣ, по комиссаріату (чиновникомъ онъ оказался, конечно, крайне небрежнымъ), а его 15-лѣтній сынъ впервые выступилъ въ печати (съ стихотвореніемъ: «Другу стихотворцу» въ № 13 Вѣстника Европы за подписью Александръ Н. К. ш. п.), что впрочемъ въ то время для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній вовсе не было необыкновенной честью; Пушкинъ писалъ только усерднѣе и лучше другихъ. Несмотря на подъемъ

патріотическаго чувства, которое было естественнымъ слѣдствіемъ событій 1812—1814 г.г., первые поэтическіе опыты Пушкина направлялись не въ эту сторону, а являлись подражаніемъ лучшихъ представителей любовной и вакхической лирики и отчасти легкой сатиры. Изъ римскихъ поэтовъ Пушкинъ, естественно, былъ ближе всего къ Горацію; изъ французскихъ — подражалъ преимущественно Парни, изъ русскихъ —Батюшкову, Жуковскому, Василію Пушкину и др. Но и въ этихъ «полудѣтскихъ пѣсняхъ на чужой голосъ» мѣстами слышится будущій великій поэтъ то въ искренности чувства, то въ оригинальности мыслей и ощущеній, то въ силѣ и смѣлости отдѣльныхъ картинъ и стиховъ, то наконецъ въ оригинальномъ выборѣ образцовъ для подражанія. Въ этихъ пробахъ пера нельзя не замѣтить и умѣнья усвоивать отъ каждаго образца лучшее и быстро отдѣлываться отъ его недостатковъ. Такъ, псевдоклассическій арсеналъ боговъ и полубоговъ, слишкомъ богатый въ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина, скоро уступаетъ мѣсто умѣренному употребленію давно утвердившихся и всѣмъ понятныхъ формулъ; славянскія тяжеловатыя выраженія въ родѣ: пренесенный, взмущенны воины, расточилъ враговъ, черный вранъ стрежетъ, быстро рѣдѣютъ и употребляются только въ наименѣе задушевныхъ его пьесахъ.

Въ высшей степени поразителенъ фактъ, что одно изъ произведеній 15-лѣтняго лицеиста, который три года назадъ думалъ по-французски, сдѣлалось почти народною пѣснью и, начиная съ 20-хъ годовъ, перепечатывалось на лубочныхъ листахъ; это такъ наз. «Романсъ» («Подъ вечеръ осенью ненастной»), отъ котораго потомъ, по забывчивости, отказывался самъ авторъ.

Характерную черту того вѣка представляетъ проявленіе чувственности въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ поэта-отрока, каковы: «Къ Натальѣ», «Къ молодой актрисѣ», «Красавицѣ, которая нюхаетъ табакъ» и др.

Если раннее появленіе въ печати не могло выдвинуть Пушкина изъ среды товарищей (первое стихотвореніе Дельвига появилось еще раньше пушкинскаго), то экзаменъ 8 января 1815 г. поставилъ его далеко впереди всѣхъ другихъ и сдѣлалъ его извѣстнымъ за стѣнами лицея. На этомъ экзаменѣ, какъ объ этомъ знали заранѣе, присутствовалъ Державинъ. Пушкину велѣли прочесть собственное стихотвореніе: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», написанное

(по совѣту Галича) въ державинскомъ, даже отчасти ломоносовскомъ духѣ (но мѣстами съ истиннымъ чувствомъ, сильно и красиво выраженнымъ) во славу Екатерины, ея пѣвца и ея побѣдоноснаго внука. Державинъ былъ растроганъ, хотѣлъ обнять поэта (который убѣжалъ по юношеской конфузливости) и, говорятъ, публично призналъ въ Пушкинѣ достойнаго себѣ наслѣдника. «Воспоминанія», за полной подписью автора, были напечатаны въ «Россійскомъ Музеумѣ», который въ томъ же году съ гордостью помѣстилъ и еще нѣсколько стихотвореній юнаго поэта.

Съ этого времени на Пушкина начинаютъ смотрѣть иными глазами какъ его товарищи, такъ и его самолюбивые родители, только что переселившіеся въ Петербургъ на постоянное житье. 16-лѣтній юноша, кое-какъ исполняя свои уроки, всецѣло отдается поэзіи, какъ призванію, тѣмъ охотнѣе, что черезъ отца и дядю онъ имѣетъ возможность познакомиться лично съ наиболѣе симпатичными ему писателями; къ нему въ лицей заѣзжали Жуковскій и Батюшковъ, ободряли его и давали ему совѣты; особенно сильно и плодотворно было вліяніе Жуковскаго, съ которымъ Пушкинъ быстро и близко сошелся уже лѣтомъ 1815 г. Въ самомъ лицеѣ положеніе Пушкина измѣнилось довольно замѣтно: многіе профессора видятъ въ немъ будущую знаменитость; товарищи распѣваютъ хоромъ нѣкоторыя его пьесы, въ лицеѣ же положенныя на музыку.

Въ своихъ довольно многочисленныхъ стихотвореніяхъ 1815 г. Пушкинъ уже сознаетъ силу своего таланта, высказываетъ глубокую благодарность музѣ, которая скрасила ему жизнь божественнымъ даромъ, мечтаетъ о тихой жизни въ деревнѣ, при условіи наслажденія творчествомъ, но чаще представляетъ себя эпикурейцемъ, ученикомъ Анакреона, питомцемъ нѣги и лѣни, поэтомъ сладострастія, и воспѣваетъ пиры, которые, безъ сомнѣнія, были гораздо роскошнѣе и многочисленнѣе въ его воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Уже въ этотъ періодъ въ Пушкинѣ начинаетъ вырабатываться способность истиннаго художника—переселяться всецѣло въ чуждое ему міросозерцаніе, и онъ переходитъ отъ субъективной лирики къ объективной (см. стихотвореніе «Къ Лицинію») и даже къ эпосу («Бова», «Казакъ»). Судя по сохранившемуся отрывку его Лицейскихъ записокъ [1]), написанное имъ въ этомъ году представляетъ только малую часть задуманнаго и даже начатаго: онъ

[1]) Изд. фонда V, 2.

обдумываетъ героическую поэму изъ русской старины («Игорь и Ольга»), начинаетъ комедію и пишетъ повѣсть («Фатама или разумъ человѣческій») въ родѣ фантастико-тенденціозныхъ повѣстей Вольтера, котораго онъ изучалъ весьма серьезно. Стихъ Пушкина становится еще болѣе изящнымъ и легкимъ. Образность его выраженій можетъ доходить до небывалой въ нашей новой словесности степени (см. напр. стихотвореніе «Мечтатель»); но мѣстами (хоть и рѣдко) особенно въ похвальныхъ псевдоклассическихъ стихотвореніяхъ (напр. «На возвращеніе Государя изъ Парижа») даже свѣжая, оригинальная мысль поэта еще не умѣетъ найти себѣ яснаго выраженія.

Въ 1816 г. извѣстность Пушкина уже настолько велика, что старѣющійся лирикъ Нелединскій-Мелецкій, которому императрица Марія Өеодоровна поручила написать стихи на обрученіе великой княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, прямо направляется въ Лицей и заказываетъ пьесу Пушкину, который въ часъ или два исполняетъ заказъ вполнѣ удовлетворительно. Извѣстные свѣтскіе поэты (кн. П. А. Вяземскій, А. А. Шишковъ) пересылаютъ ему свои произведенія и любезности, но онъ отвѣчаетъ имъ, какъ равный. Дмитріевъ и Карамзинъ съ большою похвалою отзываются объ его дарованіи (Карамзинъ лѣтомъ этого года жилъ въ Царскомъ Селѣ, и Пушкинъ сталъ у него въ домѣ своимъ человѣкомъ); съ Жуковскимъ, котораго послѣ смерти Державина считали первымъ поэтомъ, Пушкинъ уже сотрудничаетъ («Боже, царя храни»). Кругъ литературнаго образованія Пушкина значительно расширяется: онъ перечитываетъ русскихъ поэтовъ XVIII в., начиная съ Тредьяковскаго; онъ знакомится съ нѣмецкой литературой (хотя и во французскихъ переводахъ). Анакреонтическіе мотивы начинаютъ въ его стихотвореніяхъ уступать мѣсто романтизму, навѣянному Жуковскимъ. Въ наиболѣе задушевныхъ его произведеніяхъ господствуетъ элегическое настроеніе, которое въ концѣ пьесы своеобразно заканчивается примиряющимъ аккордомъ (см. напр. «Посланіе къ Горчакову»). Вообще заключительныя строфы стихотвореній Пушкина уже теперь пріобрѣтаютъ особую полноту мысли, пластичность и поразительную звучность.

Крупный фактъ внутренней жизни поэта за это время—юношеская, поэтическая любовь къ сестрѣ товарища К. П. Бакуниной, которая жила въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ и иногда посѣщала Лицей

зимою; самые тонкіе оттѣнки этого идеальнаго чувства, то пережитые, то вычитанные у предшественниковъ, Пушкинъ мастерски выражаетъ своимъ мягкимъ и нѣжнымъ стихомъ, которымъ онъ иногда позволяетъ себѣ играть подобно трубадурамъ или мейстерзингерамъ (см. напр. стихотвореніе «Пѣвецъ»). Идеальная любовь, повидимому, не мѣшала его увлеченіямъ иного рода; но и для нихъ онъ умѣлъ находить изящное выраженіе то въ полународной формѣ романса-пѣсенки въ тонѣ Дмитріева и Нелединскаго (см. «Къ Наташѣ»), то съ привнесеніемъ оригинальной идеи (см. «Къ молодой вдовѣ»). Умныя мысли, искреннее чувство и изящные образы находимъ мы у Пушкина даже въ имянинныхъ поздравленіяхъ товарищамъ и въ альбомныхъ стихотвореніяхъ, которые онъ писалъ имъ передъ выпускомъ и копіи съ которыхъ онъ сохранилъ довольно тщательно: очевидно, и въ это время онъ никогда не брался за перо только для того, чтобы наполнить пустую страницу. Въ языкѣ его теперь чаще прежняго встрѣчаются очень смѣлыя для того времени, чисто народныя выраженія (въ родѣ: частехонько, не взвидѣлъ и пр.), до тѣхъ поръ освященныя примѣромъ одного Крылова [1]).

Благодаря лицейской свободѣ, Пушкинъ и нѣкоторые изъ его товарищей близко сошлись съ офицерами лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Это было не совсѣмъ подходящее общество для 17-лѣтнихъ студентовъ, и вакхическая поэзія Пушкина именно здѣсь могла перейти изъ области мечтаній въ дѣйствительность; но надо замѣтить, что среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ встрѣтилъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи (притомъ убѣжденнаго врага всякихъ излишествъ) П. Я. Чаадаева, который имѣлъ на него сильное и благотворное вліяніе въ смыслѣ выработки убѣжденій и характера; да и прославившійся своими проказами и «скиѳскою жаждою» П. П. Каверинъ учился въ геттингенскомъ университетѣ, и недаромъ же Пушкинъ видѣлъ въ немъ живое доказательство того,

[1]) Его Пушкинъ внимательно изучалъ уже съ 15-лѣтняго возраста. См. въ стихотвореніи «Городокъ» объ немъ: И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Таліи далъ» (о пьесѣ Крылова: Трумфъ).

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть».

[1]) См. «Посланіе къ Каверину» въ первоначальномъ видѣ.

Дружескія отношенія съ лейбъ-гусарами и свѣжая память о войнахъ 1812—1814 г.г. заставили и Пушкина передъ окончаніемъ курса мечтать о блестящемъ мундирѣ; но отецъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ, соглашался только на его поступленіе въ гвардейскую пѣхоту, а дядя убѣждалъ его предпочесть службу гражданскую. Пушкинъ, повидимому, безъ особой борьбы и неудовольствія, отказался отъ своей мечты, и скоро сталъ подсмѣиваться надъ товарищами, которымъ предстояло: «Красиво мерзнуть на парадѣ». Его гораздо болѣе прельщала надежда отдаться живымъ въ то время интересамъ литературнымъ: «погребать покойную академію [1]) и бесѣду губителей россійскаго слова [2])». Какъ живой и воспріимчивый юноша Пушкинъ рвался въ бой, но въ бой литературный; по родственнымъ и дружескимъ связямъ, а еще болѣе по личному чувству и убѣжденію, онъ былъ всецѣло на сторонѣ Карамзина и Жуковскаго и вообще всего новаго и смѣлаго въ поэзіи. Еще на ученической скамьѣ онъ былъ пылкимъ «арзамасцемъ»; въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ воевалъ съ бесѣдою и кн. Шаховскимъ и на нихъ впервые оттачивалъ свое остроуміе. «Арзамасъ», во главѣ съ которымъ стоялъ его другъ и учитель Жуковскій, оцѣнилъ талантъ и рвеніе Пушкина и заранѣе считалъ его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Въ началѣ іюня 1817 года первому выпуску лицеистовъ были произведены окончательные экзамены, причемъ на испытаніи по русской словесности А. Пушкинъ читалъ сочиненное имъ для этого случая стихотвореніе: «Безвѣріе». 9 іюня въ Лицей пріѣзжалъ государь, сказалъ молодымъ людямъ напутственное слово и наградилъ ихъ всѣхъ жалованьемъ (Пушкину, какъ окончившему курсъ по второму разряду былъ назначенъ окладъ въ 700 р. [3]). Черезъ 4 дня

[1]) Конечно, «россійскую».

[2]) См. письмо его кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.

[3]) Вотъ полностью аттестатъ Пушкина, выданный ему изъ Лицея: «Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александръ Пушкинъ, въ теченіи шестилѣтняго курса, обучался въ семъ заведеніи и оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ и Св. Исторіи, въ Логикѣ и Нравственной Физіологіи, въ Правѣ Естественномъ, Частномъ и Публичномъ, въ Россійскомъ Гражданскомъ и Уголовномъ Правѣ хорошіе, въ Латинской Словесности, въ Государственной Экономіи и Финансахъ весьма хорошіе, въ Россійской и Французской Словесности также въ Фехтованьѣ превосходные; сверхъ того занимался Исторіею, Географіею, Статистикою Математикою и Нѣмецкимъ языкомъ. Въ удостовѣреніе чего» и пр. (см. книгу г. Гастфрейнда, Пушкинъ. Документы и пр. Спб. 1900 г.).

Пушкинъ Высочайшимъ приказомъ былъ опредѣленъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и 15 іюня принялъ присягу; а въ началѣ іюля онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Псковскую губ., въ с. Михайловское, гдѣ его родные проводили лѣто. Позднѣе Пушкинъ вспоминалъ, какъ онъ тогда «обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и пр.; но—продолжаетъ онъ—все это нравилось мнѣ не долго: я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Уже за двѣ недѣли до конца отпуска Пушкинъ явился въ Петербургъ и жадно устремился въ жизнь общественную. Онъ участвовалъ въ первомъ же осеннемъ засѣданіи Арзамаса и привѣтствовалъ его стихотворною рѣчью, которая начиналась такъ:

> Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
> О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамазъ!
> Гдѣ славилъ нашъ Тиртей (т. е. Жуковскій) Кисель и Александра,
> Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра [1]).

Но Арзамасъ распадался, главнымъ образомъ вслѣдствіе отъѣзда нѣкоторыхъ изъ наиболѣе энергичныхъ его членовъ [2]), да и Пушкинъ, по живости и широтѣ своей природы, не могъ бы удовлетвориться интересами кружка, литературной партіи, хотя бы и передовой.

Жизнь, которую велъ Пушкинъ въ Петербургѣ въ продолженіе трехъ зимъ (1817—1820 г.) была очень пестрая, на глаза людей, дурно расположенныхъ къ нему — даже пустая, безпорядочная и безнравственная, но во всякомъ случаѣ очень богатая разнообразными впечатлѣніями. Онъ скорѣе числился на службѣ, чѣмъ служилъ; жилъ съ своими родителями на Фонтанкѣ, близъ Покрова, въ небольшой комнатѣ, убранство которой соединяло, по словамъ одного современника, «признаки жилища молодого свѣтскаго человѣка съ поэтическимъ безпорядкомъ ученаго». Дома онъ много читалъ и работалъ надъ поэмой: «Русланъ и Людмила», задуманной еще въ лицеѣ, а внѣ дома жегъ «свѣчу жизни» съ обоихъ концовъ. Часто онъ проводилъ вечера и цѣлыя ночи съ самыми неистовыми представителями тогдашней «золотой молодежи», посѣщалъ балетъ, участвовалъ въ шутовскомъ «оргіальномъ» обществѣ «зе-

---

[1]) Кассандра Блудовъ, говорившій иронически-похвальную рѣчь предсѣдателю «бесѣды» Захарову, который вскорѣ послѣ этого дѣйствительно скончался.

[2]) Внутренняя причина прекращенія дѣятельности Арзамаса—невозможность приняться за настоящее дѣло, въ видѣ изданія журнала.

леной лампы», изобрѣталъ замысловатыя, но невинныя шалости и всегда готовъ былъ рисковать жизнью изъ-за ничтожныхъ причинъ. «Младыхъ повѣсъ счастливая семья», гдѣ проводилъ время юный поэтъ, состояла, однако, изъ людей развитыхъ и въ умственномъ и въ эстетическомъ отношеніи: на ихъ веселыхъ ужинахъ смѣло высказывались и разносторонне обсуждались политическія и экономическія теоріи, волновавшія передовыхъ людей той эпохи, и литературно-художественные вопросы. Съ другой стороны пылкое агрессивное самолюбіе Пушкина, усиленное ранними успѣхами, нѣкоторыя лицейскія связи и семейныя преданія (Сергѣй Льв. былъ очень тщеславенъ въ этомъ отношеніи) влекли его въ такъ наз. большой свѣтъ, на балы у Лаваля и пр., гдѣ его больше всего привлекали красивыя и въ тоже время умныя женщины.

Короче сказать, петербургская жизнь Евг. Онѣгина есть поэтически-идеализированное (очищенное отъ прозаическихъ мелочей, въ родѣ недостатка денегъ и др. неудачъ) воспроизведеніе жизни самого Пушкина по выходѣ изъ Лицея. Но существенное различіе въ томъ, что у Пушкина, помимо этихъ удовольствій, было еще серьезное дѣло, которымъ онъ мечталъ не только прославить себя, но и принести пользу Россіи. Для успѣха этого дѣла Пушкинъ, помимо «младыхъ повѣсъ» и свѣтскихъ львицъ, ищетъ общества, котораго не зналъ Онѣгинъ: общества мыслящихъ и работающихъ литераторовъ. Уже въ 1818 г. онъ является къ П. А. Катенину, взгляды котораго довольно далеко расходились съ принципами Арзамаса, съ словами: Побей, но выучи. Катенинъ, какъ признавалъ Пушкинъ впослѣдствіи, принесъ ему великую пользу: «ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли», писалъ онъ ему въ 1826 г. Изъ своихъ лицейскихъ товарищей Пушкинъ особенно часто видится съ Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ, съ которыми его прежде всего соединяетъ любовь къ литературѣ. Онъ постоянно посѣщаетъ субботы Жуковскаго; онъ—частый гость въ нѣсколько чопорномъ, но высоко развитомъ салонѣ Карамзиныхъ. Все, даже кутежи и свѣтскія развлеченія умѣетъ онъ обращать на пользу своему дѣлу: онъ наблюдаетъ разнообразные характеры и проявленія страстей; любовныя интриги даютъ этому юношѣ такое знаніе практической психологіи, до какого другіе доходятъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ.

Такое расходованіе силъ не могло не отразиться даже на крѣпкомъ организмѣ Пушкина; но и самую болѣзнь онъ эксплоатируетъ для своего духовнаго развитія: когда черезъ 8 мѣсяцевъ слишкомъ переполненной жизни онъ схватилъ гнилую горячку и долженъ былъ отлеживаться въ постели, онъ «съ жадностію и со вниманіемъ» проглатывалъ только что вышедшіе 8 томовъ исторіи Карамзина, и всецѣло овладѣваетъ ихъ сложнымъ содержаніемъ.

Но главная его работа, какъ и главное его наслажденіе,—творчество, и стихи—для него единственное средство проявленія своей внутренней жизни. Какъ далеко шагнулъ онъ въ нихъ впередъ въ смыслѣ красоты формы и силы выраженій, видно изъ невольнаго восторга друзей-соперниковъ, которые были въ этомъ отношеніи и требовательными цѣнителями. 25 апр. 1818 года кн. П. А. Вяземскій пишетъ Жуковскому: Стихи чертенка-племянника (такъ называли юнаго Пушкина пріятели Вас. Львовича) чудесно хороши. «Въ дыму столѣтій [1])—это выраженіе—городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надо намъ посадить его въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы *дыма столѣтій?* О прочихъ и говорить нечего». По мысли и по содержанію многія изъ стихотвореній Пушкина отъ этого періода справедливо считаются классическими (напр. «Къ портрету Жуковскаго», «Унынie», «Деревня», «Возрожденіе»); въ нихъ передъ нами уже настоящій Пушкинъ, величайшій русскій лирикъ, для котораго вся предшествующая наша поэзія была тѣмъ же, чѣмъ англійская драма XV—XVI вѣка, для Шекспира. Настроенія, въ нихъ выражаемыя, также разнообразны, какъ жизнь самого поэта; но къ концу періода грустный тонъ беретъ замѣтный перевѣсъ. Пушкинъ недоволенъ собой и часто объятъ тоской «за чашей ликованья». Только въ деревнѣ онъ чувствуетъ себя лучше: больше работаетъ, сближается съ народомъ, горячо сочувствуетъ его тяжелому положенію; тамъ онъ возвращается къ видѣньямъ «первоначальныхъ чистыхъ дней». Нѣкоторые друзья Пушкина цѣнили по достоинству эти многообѣщающія минуты грусти и просвѣтленія; другіе, огорчаясь его «крупными шалостями» и не придавая особаго значенія его «мелкимъ стихамъ», возлагали надежду на публи-

[1]) Въ посланіи Жуковскому. См. изд. фонда I, 194: «Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій».

кацію его поэмы. «Увидѣвъ себя, писалъ А. И. Тургеневъ, въ числѣ напечатанныхъ и слѣд. уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится [1])».

Надъ «Русланомъ и Людмилой» Пушкинъ работалъ въ 1818 и 1819 г. [2]), и, по мѣрѣ отдѣлки, читалъ поэму на вечерахъ у Жуковскаго и окончилъ ее весною 1820 г. Происхожденіе ея (еще не вполнѣ обслѣдованное) чрезвычайно сложно: все, что въ этомъ и сходныхъ родахъ слышалъ и читалъ юный Пушкинъ и что производило на него впечатлѣніе, какъ и многое, имъ пережитое, отразилось въ его первомъ крупномъ произведеніи. Имя героя и нѣкоторые эпизоды (напр. богатырская голова) взяты изъ «ународившейся» сказки о Еруслане Лазаревичѣ, которую онъ слыхалъ въ дѣтствѣ отъ няни; пиры кн. Владиміра, богатыри его взяты изъ Кирши Данилова; Баянъ—изъ Слова о полку Игоревѣ; самъ Пушкинъ указываетъ (пѣснь IV) на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго, котораго онъ дерзнулъ пародировать, и на «смягченное подражаніе Аріосту», изъ котораго взяты нѣкоторыя подробности (напр. бой Руслана съ Черноморомъ) и даже сравненія. Еще ближе связь Руслана съ знаменитою «Pucelle» Вольтера, котораго Пушкинъ уже въ Бовѣ называлъ своею музою; изъ нея взялъ онъ и самую идею обличить «міру» Жуковскаго «во лжи прелестной»; черезъ нее онъ впервые познакомился и съ манерою Аріосто и Пульчи («Великанъ Моргантъ»); изъ нея и ея образцевъ онъ заимствовалъ (тоже въ смягченномъ видѣ) ироническій тонъ, частыя отступленія, длинныя лирическія введенія и манеру авантюрныхъ романовъ мгновенно переносить читателя съ мѣста на мѣсто, оставляя героя или героиню въ самомъ критическомъ положеніи; изъ нея же взяты нѣкоторые отдѣльные мысли и образы. Чтеніе волшебныхъ сказокъ Антуана Гамильтона и рыцарскихъ романовъ, которые въ сокращенномъ изложеніи «Bibl. des romans» должны были быть извѣстны Пушкину съ дѣтства, равно какъ и близкое знакомство съ «Душенькой» Богдановича, также имѣли вліяніе на

---

[1]) Кн. П. П. Вяземскій, «П. по документамъ Остафьевскаго архива» I, 28. Масса интересныхъ и характерныхъ подробностей о жизни Пушкина въ этотъ періодъ см. въ I т. Ост. архива (Спб. 1899 г.) по указателю. Вышеприведенное письмо о П. П. 24.

[2]) 19 авг. 1819 г. А. И. Тургеневъ извѣщаетъ кн. П. А. Вяземскаго, что «явился обритый Пушкинъ изъ деревни и съ шестою пѣснью» (Ост. арх. I, 293).

«Руслана и Людмилу». Еще важнѣе и несомнѣннѣе заимствованія Пушкина изъ «Богатырскихъ повѣстей въ стихахъ» («Алеша Поповичъ» и «Чурило Пленковичъ»), сочиненныхъ Н. А. Радищевымъ (М. 1801 г.) и основанныхъ на «Русскихъ Сказкахъ» М. Чулкова (1780—1783), откуда взято и имя героини и многія подробности.

Историколитературное значеніе поэмы основано не на этихъ подробностяхъ, которыя самъ поэтъ называетъ «легкимъ вздоромъ», не на мозаическисоставленномъ сюжетѣ и не на характерахъ, которые здѣсь отсутствуютъ, какъ и во всякомъ сказочномъ эпосѣ, а на счастливой идеѣ придать художественную форму тому, что считалось тогда «преданьемъ старины глубокой», и на прелести самой формы то юношески задорной и насмѣшливой, то искренней, трогательной и глубоко продуманной, но всегда живой, легкой и въ тоже время эффектной и пластичной до осязательности. Въ такой формѣ все получаетъ новую выразительность и красоту; такъ напр. миѳъ о живой и мертвой водѣ, имѣющій, конечно, важное научное значеніе, но для не-миѳолога едва достойный вниманія, въ обработкѣ Пушкина всѣмъ показался полнымъ смысла и поэзіи. Откуда бы ни взялъ авторъ эпизодъ о любви Финна къ Наинѣ, но знаменитый стихъ: Герой, я не люблю тебя, сдѣлалъ его высокохудожественнымъ произведеніемъ. Самъ Пушкинъ считалъ впослѣдствіи свою поэму холодной (V. 120), и въ ней, дѣйствительно, мало чувства и душевной теплоты сравнительно съ «Кавказскимъ Плѣнникомъ», «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ» и пр.; но и въ этомъ отношеніи она несравненно выше всего, что было написано до нея въ томъ же родѣ. Національный элементъ въ ней крайне слабъ и весь состоитъ изъ именъ, полушутливыхъ восхваленій русской силы, да изъ нѣсколькихъ простонародныхъ образовъ и поговорокъ; но въ 1820 году и это показалось неслыханною новостью, которая привела въ восторгъ однихъ и до крайности возмутила другихъ. Добродушный, но умный юморъ поэмы, смѣлое соединеніе фантастики съ реализмомъ, жизнерадостное міровоззрѣніе поэта, которымъ проникается и читатель, ясно показали, что съ этого момента русская поэзія навсегда освобождается отъ шаблонности и холоднаго паѳоса классицизма, равно какъ и отъ напускной слезливости сентиментализма, и становится свободнымъ и искреннимъ выраженіемъ души человѣческой. Оттого эта легонькая сказка и произвела такое сильное впечатлѣніе; от-

того Пушкинъ для своихъ современниковъ и оставался такъ долго «пѣвцомъ Людмилы и Руслана», которые уже въ 1824 г. попали на театральные подмостки [1]).

Въ числѣ пріятелей Пушкина было не мало будущихъ декабристовъ, но къ союзу благоденствія онъ не принадлежалъ (не по нежеланію и едва ли потому, что друзья не хотѣли подвергать опасности его таланта: во-первыхъ въ то время никакой серьезной опасности не предвидѣлось; а во-вторыхъ политическіе дѣятели крайне рѣдко руководствуются подобными соображеніями,— а скорѣй потому, что онъ считался недостаточно для этого серьезнымъ, неспособнымъ отдаться одной задачѣ). Тѣмъ не менѣе Пушкинъ вполнѣ сочувствовалъ вольнолюбивымъ мечтамъ этого союза и смѣло выражалъ это сочувствіе и въ разговорахъ, и въ стихахъ, которые быстро распространялись между молодежью. Поэтому, при усилившемся въ то время реакціонномъ настроеніи, Пушкинъ былъ на дурномъ счету у правительства. Когда онъ былъ занятъ печатаніемъ своей поэмы, его ода «Вольность» (I, 219) и нѣсколько эпиграммъ (а также и то, что онъ въ театрѣ показывалъ своимъ знакомымъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго) произвели въ его судьбѣ неожиданную и насильственную перемѣну. Гр. Милорадовичъ—конечно, съ вѣдома государя,—призвалъ Пушкина къ себѣ, а на квартирѣ его велѣлъ произвести обыскъ. Говорятъ [2]), Пушкинъ заявилъ, что обыскъ безполезенъ, такъ какъ онъ успѣлъ истребить все опасное; затѣмъ онъ попросилъ бумаги и написалъ собственноручно всѣ свои *зловредныя* стихотворенія, какія только могъ припомнить. Этотъ его поступокъ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе докладъ былъ сдѣланъ въ томъ смыслѣ, что поэтъ долженъ былъ подвергнуться суровой карѣ: увѣряютъ даже, будто ему грозила Сибирь или Соловки. Но Пушкинъ нашелъ многихъ защитниковъ: директоръ Лицея Энгельгардтъ (по его словамъ) упрашивалъ государя пощадить украшеніе отечественной словесности; Чаадаевъ съ трудомъ, въ непріемные часы, проникъ къ Карамзину, который немедленно началъ хлопотать о Пушкинѣ передъ императрицей Марьей Ѳедоровной и гр. Каподи-

---

1) Кн. А. З. Шаховской составилъ волшебную трилогію: «Финнъ»; Дидло всю поэму обработалъ въ большой балетъ.

2) Мы до сихъ поръ не имѣемъ документальныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ и должны довольствоваться намеками въ письмахъ и воспоминаніями современниковъ.

стріей; усердно хлопоталъ и Жуковскій; ходатайствовали и другія высокопоставленныя лица (А. Н. Оленинъ, президентъ академіи художествъ, кн. Васильчиковъ и пр.), и въ концѣ концовъ ссылка была замѣнена переводомъ «для пользы службы» и служебной командировкой въ распоряженіе ген. Инзова, попечителя колонистовъ южнаго края. Между тѣмъ по Петербургу распространились слухи, будто Пушкинъ былъ тайно подвергнутъ позорному наказанію; эти слухи дошли до поэта и привели его въ ужасное негодованіе, такъ что онъ, по его словамъ, «жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести» и думалъ о самоубійствѣ или о преступленіи. Высылка хотя отчасти достигала той же цѣли, и 5 мая Пушкинъ въ очень возбужденномъ настроеніи духа помчался на перекладной по Бѣлорусскому тракту въ Екатеринославъ[1]).

Многіе пріятели Пушкина, а позднѣе нѣкоторые его біографы считали это выселеніе на югъ великимъ благодѣяніемъ судьбы. Едва ли съ этимъ можно безусловно согласиться. Если новыя и разнообразныя впечатлѣнія слѣдуетъ признать благопріятными для художественнаго развитія молодого поэта, то для него столько же было необходимо общеніе съ передовыми умами времени и полная свобода. Геній его сумѣлъ обратить себѣ въ пользу и изгнаніе; но послѣднее отъ этого все же не перестаетъ быть несчастіемъ. Печальное и даже озлобленное (насколько была способна къ озлобленности его добрая и впечатлительная натура) настроеніе Пушкина въ 1821 и послѣдующіе годы происходило не только отъ байронической мировой скорби и отъ грустныхъ условій тогдашней внутренней и внѣшней политики, но и отъ вполнѣ естественнаго недовольства своимъ положеніемъ поднадзорнаго изгнанника[2]), жизнь

---

[1]) Вотъ что писалъ Карамзинъ, черезъ полторы недѣли послѣ его отъѣзда, кн. Вяземскому: «Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ (sic) мѣсяцевъ на пять (sic). Ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности: но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ.» (Р. Арх. 1897. № 7, стр. 493).

[2]) «Непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется», пишетъ онъ брату Льву 30 января 1823 г.

котораго насильственно хотѣли отлить въ несимпатичную для него форму и отвлечь отъ того, что онъ считалъ задачей своей жизни [1]).

Первые мѣсяцы своего изгнанія Пушкинъ провелъ въ неожиданно пріятной обстановкѣ. Вотъ что пишетъ онъ своему младшему брату Льву: «Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился [2]), поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою обледенѣлаго лимонада. Сынъ его [3]) ...предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ ними ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить. Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь; я легъ въ коляску больной, черезъ недѣлю вылѣчился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень полезны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія... (слѣдуетъ рядъ живыхъ впечатлѣній кавказской природы и быта). Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь (слѣдуетъ краткое описаніе древностей Пантипапеи). Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу (т. е. Ѳеодосію)... Отсюда моремъ отправились мы. мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ [4]), гдѣ находилось семейство Раевскагс. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію [5]), которую тебѣ присылаю: отошли ее Гречу [6]) безъ подписи... Корабль остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты

[1]) Пушкинъ везъ съ собою къ Инзову одобренное государемъ письмо гр. Каподистріи, который, очевидно, на основаніи ходатайствъ Жуковскаго и Карамзина, объясняетъ проступки Пушкина несчастными условіями его домашняго воспитанія. и выражаетъ надежду, что изъ него выйдетъ полезный государственный дѣятель, или «по крайней мѣрѣ» перворазрядный писатель. Еще характернѣе отвѣтъ Инзова на запросъ того же гр. Каподистріи изъ Лайбаха отъ 13 апрѣля 1821 г.: добрый старикъ увѣряетъ, будто Пушкинъ, по его приказанію, переводитъ молдавскіе законы и дѣлаетъ другія работы, вслѣдствіе чего замѣтно исправляется въ своемъ поведеніи; правда, «въ разговорахъ онъ «обнаруживаетъ иногда пiитическія мысли, но я увѣренъ,—наивно прибавляетъ Инзовъ—что лѣта и время образумятъ его въ семъ случаѣ»·

[2]) Всего онъ пробылъ здѣсь около двухъ недѣль.

[3]) Младшій, Николай.

[4]) Гурзуфъ, тогда имѣніе герцога Ришелье.

[5]) «Погасло дневное свѣтило».

[6]) Въ «Сынъ Отечества».

жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его [1]) будетъ болѣе чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ; свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой я никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край»...

Если прибавить къ этому, что за это время Пушкинъ пополнилъ свое художественное образованіе изученіемъ Андрея Шенье, подъ вліяніемъ Раевскихъ сталъ значительно больше прежняго интересоваться англійской литературой, особенно Байрономъ, и началъ писать «Кавказскаго Плѣнника», всѣ главные факты его жизни за этотъ счастливый періодъ окажутся исчерпанными.

Изъ Гурзуфа, вмѣстѣ съ генераломъ и его младшимъ сыномъ, Пушкинъ черезъ Бахчисарай отправился въ Кіевскую губернію, въ Каменку, имѣніе матери Раевскаго [2]), а оттуда на мѣсто своей «службы» въ Кишиневъ, такъ какъ во время странствованій Пушкина ген. Инзовъ временно былъ назначенъ намѣстникомъ Бессарабской области. Пушкинъ поселился сперва въ наемной мазанкѣ, а потомъ перебрался въ домъ Инзова, который оказался гуманнымъ и душевнымъ человѣкомъ, способнымъ понять и оцѣнить своего оригинальнаго «чиновника». Поэтъ пользовался почти полной свободой, употребляя ее иногда не лучше, чѣмъ въ Петербургѣ: онъ посѣщалъ самое разнообразное общество, какъ туземное, такъ и русское, охотно и много танцовалъ, ухаживалъ за дамами и дѣвицами, столь же охотно участвовалъ въ дружескихъ пирушкахъ и сильно игралъ въ карты; изъ-за картъ и женщинъ у него было нѣсколько «исторій» и дуэлей; въ послѣднихъ онъ держалъ себя съ замѣча-

[1]) Александръ, имѣвшій сильное вліяніе на Пушкина.

[2]) Впрочемъ А. М. Лобода (Сборникъ памяти Пушкина. Кіевъ. 1899 II, 87) весьма убѣдительно доказываетъ, что изъ Крыма Пушкинъ проѣхалъ прямо въ Кишиневъ, а въ Каменкѣ былъ позднѣе глубокой осенью.

тельнымъ самообладаніемъ, но въ первыхъ слишкомъ рѣзко и иногда буйно выказывалъ свое неуваженіе къ кишиневскому обществу.

Такова была его внѣшняя жизнь; жизнь домашняя (преимущественно по утрамъ) проходила въ усиленномъ серьезномъ чтеніи (съ выписками и замѣтками) не для времяпрепровожденія, а для того, «чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ» и въ энергичной работѣ мысли. Его занятія въ Кишиневѣ были настолько напряженнѣе и плодотворнѣе петербургскихъ, что ему казалось, будто теперь онъ въ первый разъ позналъ

И тихій трудъ, и жажду размышленій [1]).

Результатомъ этого оказалась еще небывалая творческая дѣятельность, поощряемая успѣхомъ его первой поэмы и со дня на день усиливавшеюся любовью и вниманіемъ къ нему наиболѣе живой части публики [2]).

Уже въ первые полтора года послѣ изгнанія, Пушкинъ, несмотря на частыя поѣздки въ Кіевъ (гдѣ Раевскій командовалъ корпусомъ), въ Каменку, въ Одессу и пр., написалъ болѣе 40 стихотвореній, поэму «Кавказскій Плѣнникъ» и подготовилъ «Братьевъ-Разбойниковъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Но все это едва ли составитъ третью часть творческихъ трудовъ, занимавшихъ Пушкина въ Кишиневѣ. Онъ работаетъ надъ комедіей или драмой, обличающей ужасы крѣпостного права [3]), надъ трагедіей во вкусѣ Альфіери, героемъ которой долженъ былъ быть «Вадимъ», защитникъ новгородской свободы, потомъ обдумываетъ поэму на тотъ же сюжетъ; собираетъ матеріалъ и вырабатываетъ планъ большой національной поэмы «Владиміръ», въ которой онъ хотѣлъ воспользоваться и былинами, и «Словомъ о Полку Игоревѣ», и поэмою Тассо и даже Херасковымъ [4]). Подъ впечатлѣніемъ голицыно-аракчеевскаго режима Пушкинъ пишетъ рядъ стихотвореній не для печати [5]). Кромѣ того онъ пишетъ свои записки, ведетъ дневникъ

---

[1]) Посланіе къ Чаадаеву I, 241.

[2]) Такъ, черезъ полтора мѣсяца по пріѣздѣ въ Кишиневъ, Пушкинъ, на основаніи пѣсни трактирной служанки, написалъ балладу: Черная шаль, а въ декабрѣ того же года, задолго до ея напечатанія, по разсказу В. П. Булгакова, ее уже твердили наизусть въ Кіевѣ.

[3]) Въ ней баринъ проигрывалъ въ карты своего дядьку—воспитателя.

[4]) Онъ, конечно, зналъ, что еще въ 10 годахъ надъ планомъ поэмы на ту же тему усердно работалъ В. А. Жуковскій.

[5]) Въ томъ числѣ довольно обширную и талантливую, но мало достойную его нравственнаго характера поэму «Гавриліада», послѣдній отзвукъ его преклоненія передъ «Дѣвственницей» Вольтера.

греческаго возстанія, которымъ интересовался болѣе, нежели иные греки, и окончательный успѣхъ котораго онъ предугадалъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ; пишетъ «историческія замѣчанія» и производитъ безъ посторонней помощи рядъ историческихъ, историко-литературныхъ и психологическихъ небольшихъ изысканій для собственнаго употребленія, о степени оригинальности которыхъ мы можемъ судить лишь по немногимъ дошедшимъ до насъ фактамъ [1]).

Энергія Пушкина въ работѣ тѣмъ поразительнѣе, что въ продолженіи $2^1/_2$ лѣтъ своего пребыванія въ Кишиневѣ, онъ не хотѣлъ примириться съ мыслію о продолжительности своего изгнанія; поэтому жилъ, какъ на бивакахъ, мечталъ не нынче-завтра увидѣться съ петербургскими друзьями и постоянно переходилъ отъ надежды къ отчаянію. Въ началѣ 1823 г. онъ просился хотя бы въ непродолжительный отпускъ, о чемъ довели до свѣдѣнія государя, но разрѣшенія на это не послѣдовало; такія неудачи усиливали оппозиціонное настроеніе Пушкина, которое къ тому же поддерживалось разговорами «конституціонныхъ» друзей его въ Кіевѣ и Каменкѣ.

Самымъ крупнымъ событіемъ художественной жизни Пушкина за этотъ періодъ было созданіе и появленіе «Кавказскаго Плѣнника», котораго онъ закончилъ въ Каменкѣ 20 февраля 1821 г. [2]) и который вышелъ въ Петербургѣ въ августѣ 1822 г. [3]). Въ этой поэмѣ самъ авторъ [4]) различаетъ двѣ части, по его же мнѣнію, плохо связанныя между собою: описательно-этнографическую (лучше удавшуюся) и романтическо-психологическую, въ которой онъ имѣлъ цѣлію изобразить «это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка». По преданію, въ основу поэмы положенъ разсказъ нѣкоего Нѣмцова (слышанный Пушкинымъ еще до ссылки) о томъ, какъ его будто бы освободила изъ плѣна влюбившаяся въ него черкешенка. Первая мысль обработать этотъ сюжетъ пришла Пушкину въ августѣ 1820 г. на Кавказѣ; основная идея и характеръ героя, который поэтъ списывалъ съ самого себя, но не съ такого, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а съ такого, какимъ

[1]) Напр. его соображенія о гербѣ Россіи, опредѣленіе западнаго источника сказки о Бовѣ Королевичѣ, французское письмо къ брату № 32 и др.

[2]) Эпилогъ и посвященіе написаны въ Одессѣ 15 мая того же года.

[3]) Издалъ Н. И. Гнѣдичъ; напечатанъ въ типографіи Греча.

[4]) Письмо № 18.

ему тогда хотѣлось быть, выяснились ему подъ вліяніемъ изученія Байрона. Внѣшнюю отдѣлку при всей строгости къ самому себѣ и къ своему «Плѣннику» авторъ не могъ не признать шагомъ впередъ противъ «Руслана».

Успѣхъ поэмы въ публикѣ былъ огромный; въ глазахъ молодой Россіи того времени именно послѣ нея Пушкинъ сталъ великимъ поэтомъ—Русланъ «сдѣлалъ его только извѣстнымъ и возбудилъ ожиданія, да и Россія старѣющая должна была признать за «либеральнымъ» Пушкинымъ «талантъ прекрасный [1])». Прежде всего читателей подкупала красота формы, изящество и сила стиховъ, изъ которыхъ иные немедленно стали поговорками, затѣмъ поразительный по соединенію простоты и эффектности планъ поэмы и глубокоправдивое чувство; она, дѣйствительно, «тайный гласъ души» поэта, тѣмъ большее впечатлѣніе производившій на читателей, что и они переживали ту же болѣзнь вѣка, разнообразнѣе и разностороннѣе, но едва ли сильнѣе и рельефнѣе выраженную Байрономъ. Характеръ и трагическая судьба черкешенки всѣмъ внушали глубокую симпатію и даже возбуждали у тогдашнихъ критиковъ [2]) наивную досаду на поэта, который не выразилъ состраданія къ къ такому великодушному и благородному существу. Позднѣйшая критика замѣтила въ сюжетѣ мелодраматичность и въ отдѣльныхъ мѣстахъ излишнюю приподнятость тона во вкусѣ Державина, но современники не могли считать этого недостатками. Примѣчанія автора, объясняющія, что такое шашка, аулъ, кумысъ и пр. осязательно показываютъ, что «Кавказскій Плѣнникъ» былъ родоначальникомъ всей нашей обширной кавказской поэзіи и прозы. Уже въ 20-хъ годахъ онъ вызвалъ непосредственныя подражанія («Киргизскій Плѣнникъ», «Московскій Плѣнникъ» и пр.) и въ 1823 г. былъ передѣланъ въ балетъ, въ свое время очень популярный.

Въ 1821 г. Пушкинъ написалъ или, вѣрнѣе, набросалъ поэму изъ русской жизни «Братья-Разбойники», но былъ недоволенъ ею и сжегъ набросокъ; только одинъ крупный отрывокъ ея, въ основу котораго было положено дѣйствительное происшествіе—бѣгство двухъ закованныхъ арестантовъ вплавь, случившееся въ Екатеринославлѣ почти на глазахъ поэта, онъ отдѣлалъ и послалъ въ печать въ

[1]) Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 337.

[2]) Даже у князя Вяземскаго.

1823 г.[1] Эта поэма интересна, какъ свидѣтельство о стремленіи Пушкина соединить байроническое сочувствіе къ сильнымъ натурамъ, извергнутымъ изъ общества, съ изображеніемъ русскаго народнаго быта, пока еще очень несовершеннымъ. Въ слогѣ нельзя не замѣтить пестроты и неровности: сильныя исконорусскія выраженія, свидѣтельствующія о плодотворномъ изученіи народной поэзіи, стоятъ рядомъ съ выраженіями слишкомъ искусственными, даже вычурными.

Въ Кишиневѣ-же Пушкинъ работалъ надъ «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ» и задумалъ поэму «Цыганы», одинъ изъ мотивовъ и краски для которой дала ему личная его жизнь: въ концѣ 1822 г., во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій исторіи «за картами», ген. Инзовъ послалъ поэта въ командировку въ Измаилъ; въ Буджакской степи Пушкинъ встрѣтился съ цыганскимъ таборомъ и бродилъ съ нимъ нѣкоторое время. Въ Кишиневѣ же въ маѣ 1823 г. начатъ Евгеній Онѣгинъ. Изъ Кишиневскихъ произведеній меньшаго объема особое значеніе и вліяніе имѣли стихотворенія: «Наполеонъ», въ которомъ Пушкинъ проявилъ такое благородство чувства и силу мысли, что всѣ другіе русскіе лирики должны были показаться передъ нимъ пигмеями, и «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ[2]», далеко не первый по времени, но первый по красотѣ и силѣ продуктъ русскаго романтизма, на національной основѣ. Въ концѣ этого періода Пушкинъ, все яснѣе и яснѣе сознававшій свое значеніе, вступаетъ въ дѣятельную переписку съ двумя молодыми критиками: Плетневымъ и А. Бестужевымъ (впослѣдствіи Марлинскимъ). Въ декабрѣ 1822 г. въ Петербургѣ вышла 1-ая книжка «Полярной Звѣзды», которая задалась цѣлію руководить общественнымъ мнѣніемъ относительно литературныхъ вопросовъ; для этого нужно было произвести, такъ сказать, серьезную ревизію немногому сдѣланному и объединить лучшихъ дѣятелей для будущаго. Вслѣдствіе этого Пушкинъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, огорченъ изгнаніемъ, которое лишало его возможности принять непосредственное участіе въ важномъ общественномъ дѣлѣ.

Не получивъ разрѣшенія даже и на время съѣздить въ Петербургъ, онъ обрадовался случаю переѣхать изъ полудикаго Киши-

[1]) Напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г.; другимъ отрывкомъ П. воспользовался много позднѣе (въ Михайловскомъ) для очень красивой баллады: «Женихъ».

[2]) 1 Марта 1822 г.

нева въ ближайшій цивилизованный городъ—Одессу. Вотъ какъ онъ въ письмѣ къ брату отъ 25 авг. 1823 г. описываетъ свое переселеніе: «Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу (въ первыхъ числахъ іюня); ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ [1])»! Въ началѣ поэтъ чувствовалъ только отрадныя стороны одесской жизни; онъ увлекался европейскими удовольствіями, больше всего театромъ, внимательно присматривался ко всему окружающему, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ греческаго возстанія, знакомился съ интеллигентными русскими и иностранцами и скоро увлекся женой мѣстнаго негоціанта, красавицей Ризничъ. На одесскую молодежь онъ производилъ, какъ человѣкъ, двоякое впечатлѣніе: для однихъ онъ былъ образцомъ байронической смѣлости и душевной силы, отъ подражанія которому ихъ насильно удерживали заботливые родители [2]); другіе видѣли въ немъ «какое-то бретерство, suffisance, и желаніе осмѣять, уколоть [3])». Но какъ передъ поэтомъ, передъ нимъ преклонялись всѣ, кто цѣнилъ поэзію.

Медовый мѣсяцъ жизни Пушкина въ Одессѣ былъ непродолжителенъ: уже въ ноябрѣ 1823 г. онъ называетъ Одессу прозаической и жалуется на отсутствіе русскихъ книгъ, а въ январѣ 1824 г. мечтаетъ убѣжать не только изъ Одессы, но и изъ Россіи; весною же у него начались настолько крупныя непріятности съ начальствомъ, что онъ почувствовалъ себя въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо прежде. Дѣло въ томъ, что графъ Воронцовъ и его чиновники смотрѣли на Пушкина съ точки зрѣнія его пригодности къ службѣ и его общественнаго положенія и не понимали его претензій на иное высшее значеніе; а Пушкинъ, теперь еще болѣе одинокій, чѣмъ въ Кишиневѣ, озлоблялся и противуполагалъ табели о рангахъ то демократическую гордость ума и таланта, то даже свое шестисотлѣтнее дворянство и мстилъ эпиграммами, ѣдкость которыхъ чувствовалъ и самъ всесильный графъ, имѣвшій, казалось,

---

[1]) Этотъ переводъ устроилъ не спускавшій глазъ съ Пушкина А. И. Тургеневъ.
[2]) Записки гр. Бутурлина (Р. Арх. 1897 г. кн. V.)
[3]) Записки Н. В. Басаргина. XIX в. Бертенева стр. 89.

полную возможность «уничтожить» неблагонадежнаго коллежскаго секретаря.

Если одесскій годъ былъ однимъ изъ самыхъ непріятныхъ для поэта, онъ былъ за то однимъ изъ самыхъ полезныхъ для его развитія: разнообразные одесскіе типы расширили и углубили его житейское міросозерцаніе, а дѣловое общество, дорожившее временемъ, давало ему больше досугу работать, чѣмъ пріятельскіе кружки Кишинева, и онъ пользовался имъ, какъ никогда прежде. Онъ доучился англійскому яз., выучился итальянскому, занимался, кажется, испанскимъ, пристрастился къ пріобрѣтенію книгъ и положилъ начало своей впослѣдствіи огромной библіотекѣ. Онъ читалъ всѣ важнѣйшія новости по иностранной литературѣ и выработалъ себѣ не только совершенно опредѣленные вкусы и взгляды (съ этихъ поръ онъ отдаетъ предпочтеніе англійской и даже нѣмецкой литературѣ передъ французской, на которой былъ воспитанъ), но даже даръ предвидѣнія будущихъ судебъ словесности, который поражаетъ насъ немного позднѣе. [1]) По новой русской литературѣ онъ столько прочелъ за это время, что является чуть ли не первымъ знатокомъ ея, и задумалъ рядъ статей о Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Дмитріевѣ и Жуковскомъ. Въ то же время не безъ вліянія коммерческаго духа Одессы, гдѣ честный заработокъ и въ тѣ времена ни для кого не считался позорнымъ, и того случайнаго обстоятельства, что «Бахчисарайскій Фонтанъ [2])», благодаря кн. Вяземскому, далъ поэту возможность выбраться изъ сѣти долговъ, Пушкинъ пришелъ къ убѣжденію, что литература можетъ доставить необходимую ему матеріальную независимость [3]) и, стало быть, нашелъ практическое оправданіе своей страсти къ ней.

Въ основу «Бахчисарайскаго Фонтана» положенъ разсказъ Ек. Ник. Раевской о княжнѣ Потоцкой, бывшей женою хана Керимъ-Гирея. Самъ Пушкинъ и кн. Вяземскій, предпославшій поэмѣ знаменитый «разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Петербургской стороны или Васильевскаго острова», который вызвалъ весьма

[1]) См. напр. письмо № 44 о будущемъ французскомъ романтизмѣ (въ черновомъ оригиналѣ).

[2]) Посланъ въ Петербургъ 4 ноября 1823 г.

[3]) Сперва такой взглядъ на творчество П. считалъ ц и н и ч н ы м ъ, (ср. письмо брату № 56); немного позднѣе же онъ говоритъ: (Казначееву № 65). «Я пишу подъ вліяніемъ вдохновенія; но разъ стихи написаны, они для меня только товаръ». Ср. тоже въ Разговорѣ Книгопродавца съ поэтомъ: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.»

оживленную полемику, видѣли въ ней какъ бы манифестъ романтической школы по отсутствію опредѣленности и ясности сюжета. элегическому тону ея и яркости мѣстнаго колорита. Въ послѣднемъ отношеніи образцомъ для поэта служилъ Байронъ [1]), вліяніе котораго очевидно также и во многихъ частностяхъ и въ обрисовкѣ титаническаго характера Гирея; но противуположеніе двухъ одинаково рельефныхъ женскихъ характеровъ, эффектная и полная страсти сцена между Заремой и Маріей и задушевный, трогательный лиризмъ окончанія—неотъемлемая собственность Пушкина. «Фонтанъ» сравнительно съ «Плѣнникомъ» представляетъ важный шагъ впередъ полнымъ отсутствіемъ, какъ выражается Бѣлинскій, «элемента высокости», который еще связывалъ Пушкина съ предшествующимъ періодомъ.

Число лирическихъ произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, было невелико, несмотря на разнообразіе впечатлѣній: онъ былъ слишкомъ поглощенъ самообразованіемъ и работой надъ двумя большими поэмами: «Онѣгинымъ» и «Цыганами». «Онѣгина» Пушкинъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому [2]) называетъ романомъ въ стихахъ «въ родѣ Донъ-Жуана», въ немъ онъ «забалтывается до нельзя», «захлебывается злостью» и не надѣется пройти съ нимъ черезъ цензуру, отчего и пишетъ «спустя рукава»; но постепенно онъ увлекается сюжетомъ и по окончаніи 2-й главы приходитъ къ убѣжденію, что это будетъ лучшее его произведеніе [3]). Уѣзжая изъ Одессы, онъ увезъ съ собою уже 3-ью главу «Онѣгина» и неоконченныхъ «Цыганъ».

Отъѣздъ Пушкина изъ Одессы былъ недобровольный. Гр. Воронцовъ, можетъ быть, съ добрымъ намѣреніемъ далъ ему командировку «на саранчу»; но Пушкинъ, смотрѣвшій на свою службу, какъ на простую формальность, а на жалованье, какъ на «паекъ ссыльнаго», увидѣлъ въ этомъ желаніе его унизить и сталъ повсюду рѣзко выражать свое неудовольствіе. Гр. Воронцовъ написалъ 23 марта 1824 г. гр. Нессельроде, что, по его мнѣнію, Пушкина слѣдовало бы перевести на службу куда нибудь въ глубь Россіи, гдѣ могли бы, на свободѣ отъ вредныхъ вліяній и лести, развиться его счастливыя способности и возникающій (sic) талантъ; въ Одессѣ

[1]) См. письмо № 110.
[2]) № 44 отъ 4 ноября 1823 г.
[3]) Письмо брату № 56.

же много людей, которые кружатъ ему голову своимъ поклоненіемъ передъ будто бы отличнымъ писателемъ, тогда какъ онъ пока только «слабый подражатель далеко не почтеннаго образца», т. е. Байрона [1]). Этотъ отзывъ можетъ быть, и не имѣлъ бы роковыхъ послѣдствій для поэта, если-бы приблизительно въ тоже время не вскрыли на почтѣ его письма къ кому-то въ Москву [2]), въ которомъ онъ пишетъ, что беретъ уроки чистаго аѳеизма.... «система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная». Тотчасъ же Пушкинъ былъ отрѣшенъ отъ службы и сосланъ въ Псковскую губ. въ родовое имѣніе, при чемъ ему былъ назначенъ опредѣленный маршрутъ, безъ заѣзда въ Кіевъ, гдѣ проживали Раевскіе.

30 іюля 1824 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы и 9 августа явился въ Михайловское-Зуево, гдѣ тогда находились его родные. Сначала его приняли очень сердечно [3]); но потомъ Надежда Осиповна и Сергѣй Львовичъ (имѣвшій неосторожность принять на себя оффиціально обязанность надзирать за поведеніемъ сына) стали страшиться вліянія опальнаго поэта на сестру и брата. Между отцомъ и сыномъ произошла тяжелая сцена [4]). «Отецъ мой, пишетъ Пушкинъ Жуковскому: «воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ, потомъ, что хотѣлъ бить. Передъ тобою я не оправдываюсь; но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ [5])»! Въ концѣ концовъ родные Пушкина уѣхали въ Петербургъ, и Сергѣй Львовичъ отказался наблюдать за сыномъ, который остался въ вѣдѣніи губернатора, подъ надзоромъ мѣстнаго предводителя дворянства и настоятеля Святогорскаго монастыря. Пушкинъ развлекался только частыми визитами въ сосѣднее Тригорское, къ П. А. Осиповой (по первому мужу Вульфъ), матери нѣсколькихъ дочерей, у которой кромѣ того проживали временами молодыя родственницы, между другими и А. П. Кернъ, произведшая на поэта довольно сильное впечатлѣніе.

---

1) Буквальный смыслъ письма Воронцова оправдываетъ самого Пушкина; но въ немъ нельзя не видѣть раздраженія вельможи противъ непочтительнаго и самомнительнаго подчиненнаго.

2) № 61.

3) № 76.

4) Много позднѣе П. воспользовался ею въ «Скупомъ Рыцарѣ».

5) VII, 88.

Какъ ни значительна была напряженность работы Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, но въ Михайловскомъ, особенно въ зимнее время, онъ читалъ, думалъ и писалъ по крайней мѣрѣ вдвое больше прежняго. «Книгъ, ради Бога книгъ!» молитъ онъ въ письмахъ брата. Съ ранняго утра до поздняго обѣда онъ сидитъ съ перомъ въ рукахъ въ единственной отопляемой комнатѣ Михайловскаго дома, а по вечерамъ слушаетъ и записываетъ сказки своей няни и домоправительницы. Подъ вліяніемъ чисто русской обстановки, теперь онъ больше, чѣмъ прежде, интересуется всѣмъ отечественнымъ: исторіей, памятниками письменности, языкомъ и народною живою поэзіей; онъ собираетъ пѣсни (для чего, говорятъ, иногда переодѣвался мѣщаниномъ), сортируетъ ихъ по сюжетамъ и изучаетъ народную рѣчь, чѣмъ пополняетъ пробѣлы своего «проклятаго», какъ онъ выражался, иностраннаго воспитанія. Но это изученіе родины не шло у него въ ущербъ его занятіямъ всемірной литературой и исторіей: онъ вчитывался въ Шекспира, въ сравненіи съ которымъ Байронъ, какъ драматургъ, показался ему слабымъ и однообразнымъ; въ тоже время онъ воспроизводилъ съ удивительною точностью поэтическій стиль и объективное міросозерцаніе Корана. Востокъ, Шекспиръ и изученіе исторіи, вмѣстѣ съ годами и одиночествомъ, заставляютъ его спокойнѣе смотрѣть на міръ Божій, больше вдумываться, чѣмъ чувствовать, философски относиться къ прошлому и настоящему (если только послѣднее не возбуждаетъ страстей его).

Въ январѣ 1825 г. поэта посѣтилъ его товарищъ по лицею, будущій декабристъ И. И. Пущинъ, который привезъ ему рукопись «Горя отъ ума»; онъ замѣтилъ въ Пушкинѣ перемѣну къ лучшему: по его словамъ, тотъ сталъ «серьезнѣе, проще, разсудительнѣе». Мелькомъ прослушанная комедія Грибоѣдова вызвала извѣстное письмо Пушкина къ Бестужеву, показывающее необыкновенную тонкость и зрѣлость критическаго сужденія [1]. Эта умственная и художественная зрѣлость, ясно сознаваемая поэтомъ [2], и твердо установившееся міросозерцаніе, которое проявляется въ стихотвореніяхъ этого періода, не мѣшали ему страшно томиться одино-

[1]) № 95. Написанное 21 марта (№ 103) письмо къ тому-же Бестужеву примѣняетъ такую же критику ко всему ходу современной ему литературы и совпадаетъ во многомъ съ наиболѣе свѣтлыми идеями Бѣлинскаго.

[2]) Около того же времени онъ пишетъ Н. Н. Раевскому: «я чувствую, что духъ мой вполнѣ развился, я могу творить».

чествомъ и выдумывать довольно несбыточные планы для своего освобожденія изъ «обители пустынныхъ вьюгъ и хлада». Такъ съ братомъ Львомъ и дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, сыномъ Осиповой, Пушкинъ составилъ нѣчто въ родѣ заговора съ цѣлью устроить себѣ побѣгъ за-границу черезъ Дерптъ и одно время настолько вѣрилъ въ возможность этого дѣла, что прощался съ Россіей прекраснымъ, но неоконченнымъ стихотвореніемъ [1]). Тогда же онъ испытываетъ и легальное средство: подъ предлогомъ аневризма, проситъ разрѣшенія ѣхать для лѣченія и возможной операціи въ одну изъ столицъ или за-границу. Планъ бѣгства не осуществился, а для лѣченія поэту былъ предоставленъ только г. Псковъ [2]). Весною Пушкина посѣтилъ его другъ Дельвигъ; лѣтомъ онъ почти ежедневно бывалъ въ Тригорскомъ, но на осень, за временнымъ отъѣздомъ сосѣдокъ, остался совсѣмъ одинъ; отъ этого усиливается и его жажда свободы и творческая производительность: къ зимѣ онъ окончилъ IV главу Онѣгина и Бориса Годунова и написалъ поэму графъ Нулинъ.

Узнавъ о событіи 14 декабря, Пушкинъ поскакалъ было въ Петербургъ, потомъ вернулся и сжегъ массу своихъ бумагъ. Съ крайне тяжелымъ чувствомъ слѣдилъ онъ за ходомъ арестовъ; но потомъ успокоившись и одумавшись, онъ рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ своего имени въ спискахъ заговорщиковъ и началъ хлопотать о своемъ освобожденіи сперва частнымъ путемъ (главнымъ образомъ черезъ Жуковскаго), потомъ оффиціально; въ іюлѣ 1826 г. Пушкинъ послалъ черезъ губернатора письмо государю съ выраженіемъ раскаянія за прошлое и твердаго намѣренія на будущее время воздерживаться отъ выраженія мнѣній, противорѣчащихъ существующему порядку. Вскорѣ послѣ коронаціи Пушкинъ былъ съ фельдъегеремъ увезенъ въ Москву и 8 сентября, прямо съ дороги, представленъ государю, съ которымъ имѣлъ довольно продолжительный и откровенный разговоръ; послѣ этого онъ получилъ позволеніе жить, гдѣ угодно [3]), причемъ императоръ вызвался быть его цензоромъ.

Напряженная работа мысли Пушкина въ Михайловскій періодъ

---

[1]) I, 333 изд. фонда. Ср. I. 349.

[2]) Пушкинъ только напугалъ близкихъ людей и не безъ труда отдѣлался отъ пріѣзда проф. Мойера.

[3]) Пока еще, кромѣ Петербурга, куда пріѣздъ ему былъ дозволенъ въ маѣ 1827 г.

его жизни наглядно выразилась въ томъ, что съ этого времени онъ началъ писать и прозаическія статьи: еще въ 1825 г. онъ напечаталъ въ «Моск. Телеграфѣ» очень ѣдкую замѣтку: «о M-me Сталь г. М.[1])», въ которой выразилъ свое уваженіе и благодарность знаменитой писательницѣ за ея симпатію къ Россіи, и статью: «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова», въ которой далъ глубоко обдуманный очеркъ исторіи русскаго языка и такую умную и точную характеристику Ломоносова, что ее и до сихъ поръ смѣло можно вводить въ учебникъ словесности. Два года въ Михайловскомъ—изъ самыхъ плодотворныхъ и для лирики Пушкина: въ началѣ онъ разрабатываетъ мотивы, привезенные съ юга, яркія краски котораго видны въ «Аквилонѣ», «Прозерпинѣ», «Испанскомъ романсѣ» и др.; за тѣмъ проявляются въ его стихотвореніяхъ вновь созрѣвшія мысли и болѣе прежняго уравновѣшанныя чувства («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», два «Посланія къ цензору»; даже «Вакхическая пѣсня», по исходной идеѣ тождественная съ юной его лирикой, заканчивается глубоко-гуманной мыслью). Форма стихотвореній—еще совершеннѣе: даже шутливыя пьесы, какъ «Ода гр. Хвостову» на невольномъ досугѣ отдѣлываются необыкновенно тщательно. Къ концу періода немногочисленныя лирическія его произведенія выражаютъ лишь скоропреходящія настроенія минуты: онъ всецѣло погруженъ въ поэмы и драму.

Еще 10 октября 1824 г. Пушкинъ окончилъ поэму «Цыганы», начатую въ Одессѣ 10 мѣсяцевъ назадъ. Хотя она напечатана только въ 1827 г., но оказала сильное и благотворное вліяніе много раньше, такъ какъ сдѣлалась извѣстной еще въ рукописи, въ большомъ количествѣ списковъ. Имя героя [2]) показываетъ, что по первоначальному замыслу онъ долженъ былъ воспроизвести самого поэта; затѣмъ, по мѣрѣ освобожденія Пушкина изъ-подъ вліянія Байрона, Алеко оказывается первымъ ярко и объективно очерченнымъ характеромъ, въ обработкѣ котораго байронизмъ подвергается жестокому осужденію. Трезвость и гуманность содержанія, необыкновенная ясность постройки, простота и живописность языка, рельефность всѣхъ 3-хъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ положеній, драматизмъ главныхъ моментовъ, полный реализмъ обстановки и, наконецъ, цѣломудріе при изображеніи полудикой, свободной люб-

[1]) Онъ подписался подъ нею Ст. Ар., т. е. старый арзамасецъ.
[2]) Алеко—Александръ.

ви—все это черты, новыя даже въ Пушкинѣ, не говоря уже о современной ему русской поэзіи. Противуположеніе эгоизма грознаго обличителя общественныхъ золъ Алеко, который, какъ оказывается на дѣлѣ, «для себя лишь хочетъ воли», истинному свободолюбію и справедливости стараго цыгана—гражданскій подвигъ Пушкина, «смѣлый урокъ огромной важности, который даетъ поэтъ черни; лучшее доказательство его убѣдительности и великой полезности»—вдохновенно кроткія строки великаго критика Бѣлинскаго, который наименѣе былъ наклоненъ къ кротости.[1])

Всецѣло михайловскому періоду принадлежитъ «Графъ Нулинъ», о происхожденіи котораго авторъ говоритъ: «перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, я подумалъ: что еслибъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? быть можетъ, это охладило-бы его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить.... Мысль пародировать исторію и Шекспира ясно представилась; я не могъ противиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть». «Графъ Нулинъ» по необыкновенной легкости стиха и стройности разсказа, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе капризнаго вдохновенія минуты. Критика (особенно Надеждинъ) жестоко напала на Пушкина за безнравственность его поэмки, но читатели (и какъ свидѣтельствуетъ гр. Бенкендорфъ, самъ императоръ) были чрезвычайно довольны ею. Это—одно изъ немногихъ произведеній Пушкина, свидѣтельствующихъ о его талантѣ изображать и отрицательную сторону жизни. По сравненію съ Гоголемъ, его сатира кажется болѣе легкой, какъ будто поверхностной; но невозможно въ нашей литературѣ указать другое изображеніе пошлости русскихъ парижанъ того времени, болѣе типичное и рѣзкое по существу [2]); да и вся помѣщичья жизнь, съ виду такая патріархальная, оказывается насквозь проѣденною распутствомъ. На поэмкѣ видно и вліяніе «Беппо» Байрона и русской литературы XVIII вѣка, усердно воевавшей съ петиметрами, и увлеченіе ѣдкимъ сарказмомъ И. А. Крылова; но все это слито въ органическое цѣлое, и изящный реализмъ подробностей всецѣло принадлежитъ Пушкину.

Въ Михайловскомъ написана также и народная баллада: «Же-

---

[1]) См. т. VIII, стр. 469—473.

[2]) Какъ слабъ напр., и въ тоже время грубъ по формѣ князь въ «Тарантасѣ» Соллогуба (1845 г.)!

нихъ»; сюжетъ ея—обломокъ изъ той кишиневской поэмы, откуда вышли и «Братья-Разбойники», теперь, подъ вліяніемъ разсказа Арины Родіоновны, обработанный въ сказку-анекдотъ съ эффектной развязкой. Здѣсь какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи Пушкинъ, очевидно, соперничаетъ съ Жуковскимъ (съ «Громобоемъ и другими русскими балладами) и въ отношеніи народности одерживаетъ надъ учителемъ блестящую побѣду.

Самое крупное и задушевное произведеніе михайловскаго періода—драма Борисъ Годуновъ[1]); Пушкинъ началъ ее въ 1824 г. и окончилъ къ сентябрю 1825, усердно подготовившись къ творчеству ученіемъ. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей», говоритъ онъ, «дало мнѣ мысль оживить въ драматической формѣ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Шекспиру я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать языкъ тогдашняго времени;—источники богатые; успѣлъ ли я ими воспользоваться, не знаю». Самъ поэтъ называетъ «Бориса Годунова» романтической драмой и тѣмъ указываетъ на главное теоретическое пособіе: «Чтеніе о драматическомъ искусствѣ Авг. Вильгельма Шлегеля», откуда онъ усвоилъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ трагедіи классической и идею національной драмы [2]), но отринулъ все узко-романтическое, мечтательное и мистическое, какъ и изъ Карамзина исключилъ все риторически-сентиментальное.

Надъ каждымъ даже третьестепеннымъ лицомъ онъ работалъ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ; цѣлыя сцены, вполнѣ отдѣланныя, онъ исключалъ, чтобы не ослабить впечатлѣнія цѣлаго. По окончаніи труда, поэтъ былъ очень доволенъ имъ. «Я перечелъ его вслухъ одинъ, пишетъ онъ Вяземскому, [3]) билъ въ ладоши и кричалъ: «ай да Пушкинъ!» Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, 12 октября 1826 г. въ домѣ Веневитиновыхъ, въ кружкѣ сочувствующихъ ему молодыхъ литераторовъ, Пушкинъ прочелъ «Бориса» и привелъ въ

---

[1]) Или какъ самъ П. озаглавливалъ ее: «комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ».

[2]) Отсюда и вышеприведенное заглавіе..

[3]) Осенью 1825 г., письмо № 146.

восторгъ своихъ слушателей [1]); но ни этотъ восторгъ, ни видимый успѣхъ «Сцены въ кельѣ,» которую онъ напечаталъ въ началѣ 1827 г., не заставили его торопиться съ опубликованіемъ пьесы: онъ сознавалъ, что его драма—революція, до настоящей оцѣнки которой пока не доросли ни критика, ни публика, и предвидѣлъ неуспѣхъ, который могъ невыгодно отразиться на самомъ ходѣ дорогого ему дѣла. И опасенія его оправдались вполнѣ. Когда наконецъ въ началѣ 1831 г. Пушкинъ выпустилъ въ свѣтъ «Бориса Годунова», со всѣхъ сторонъ послышались возгласы недоумѣнія и недовольства или даже рѣзкаго осужденія: классики искали въ немъ «сильныхъ, возвышенныхъ чувствованій», а находили въ лучшемъ случаѣ только «вѣрные списки съ обыкновенной природы»; прежніе поклонники Пушкина и романтики искали «блестковъ», свойственныхъ поэту, разгула страстей и поразительныхъ эффектовъ, и—находили, что здѣсь все слишкомъ просто, обыденно, почти скучно; значительное большинство признавало «Годунова» выродкомъ, кото-

---

[1]) Вотъ какъ черезъ 40 лѣтъ Погодинъ описывалъ впечатлѣнія присутствовавшихъ на этомъ чтеніи: «Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «Да ниспошлетъ Господь покой его душѣ, страдающей и бурной», мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросило въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напр. при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. «Эвонъ, эвоэ, дайте чаши!» Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше вниманіе. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едвали кто и спалъ въ эту ночь: такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ!» (Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина,» II, 44—5).

рый не годился ни для сцены, ни для чтенія; Катенинъ считаетъ его «ученическимъ опытомъ, кускомъ исторіи», разбитымъ на мелкія сцены, а женскій крикъ за сценой называетъ прямо мерзостью; И. А. Крыловъ прилагаетъ къ нему анекдотъ о горбунѣ; съ другой стороны и кн. Вяземскій находитъ въ немъ «мало созданія», и Кюхельбеккеръ ставитъ его ниже «Торквато Тассо» Кукольника; только Кирѣевскій въ «Европейцѣ» и отчасти Надеждинъ поддержали Пушкина. Поэтъ былъ глубоко огорченъ всѣми нападками, на которые за него отвѣтило будущее: этотъ «выродокъ» оказался отцомъ всей новой русской драмы, и внутренняя величавая стройность «обломковъ Карамзина» теперь ясна всякому ученику гимназіи.

Зиму 1826-7 года Пушкинъ провелъ главнымъ образомъ въ Москвѣ [1]), проживая у Соболевскаго (на Собачьей площадкѣ, въ д. Ренкевича). Онъ вполнѣ наслаждался свободой и обществомъ, тѣмъ болѣе, что москвичи приняли его съ распростертыми объятіями, прежде всего, конечно, какъ величайшаго поэта [2]); но помимо того либеральная молодежь видѣла въ немъ чудомъ спасеннаго друга «декабристовъ,» которымъ онъ шлетъ «посланіе въ Сибирь», и убѣжденные защитники существующаго порядка радовались искреннему его примиренію съ правительствомъ, на основаніи его «Стансовъ». Поэтъ широко пользовался мало ему до тѣхъ поръ знакомой благосклонностью судьбы; онъ посѣщалъ и салоны умныхъ дамъ (напр. кн. Зин. Волконской), и свѣтскіе балы, и сходбища такъ называемой архивной молодежи [3]), и холостыя пирушки. Разсѣянная жизнь не мѣшала ему работать. Недовольный существовавшими тогда журналами и альманахами, онъ еще въ Михайловскомъ мечталъ объ основаніи серьезнаго и добросовѣстнаго періодическаго литературнаго изданія; теперь оказалось возможнымъ осуществить эти мечтанія. Среди «архивной молодежи», изъ которой иные, какъ Дм. Веневитиновъ, импонировали даже Пушкину умомъ своимъ и талантомъ, онъ нашелъ людей, горячо ему сочувствующихъ. Было рѣшено издавать при постоянномъ участіи

[1]) Осенью онъ уѣзжалъ ненадолго въ Михайловское, гдѣ съ наслажденіемъ смотрѣлъ «на покинутую тюрьму», и во Псковъ.

[2]) Въ началѣ 1826 г. вышло первое изд. его «Стихотвореній».

[3]) Т. е. чиновниковъ архива Мин. Ин. Дѣлъ, куда поступали молодые люди лучшихъ фамилій, съ хорошимъ образованіемъ.

Пушкина, «Московскій Вѣстникъ», редакторомъ котораго избрали М. П. Погодина. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Пушкинъ добросовѣстно служилъ этому журналу, хотя въ его отношеніяхъ къ Московскому кружку въ слѣдующіе года нельзя не замѣтить нѣкоторой двойственности: онъ вполнѣ сочувствовалъ серьезному взгляду этого кружка на литературу, его убѣжденію въ правѣ искусства на безграничную свободу и желанію низвергнуть господство французскаго вкуса; но онъ вовсе не хотѣлъ подчинить нашу юную словесность философскимъ нѣмецкимъ теоріямъ, которыя, къ тому же, онъ и понималъ не совсѣмъ ясно.

Къ московскому году жизни Пушкина относятся: «Записка о народномъ образованіи», написанная по порученію государя, и «Сцена изъ Фауста». «Записка», очевидно, вытекла изъ разговора императора съ Пушкинымъ, въ которомъ поэтъ указалъ на плохую систему воспитанія русскихъ дворянъ, какъ на причину появленія декабристовъ; она развиваетъ рядъ мыслей оригинальныхъ и умныхъ, иногда одностороннихъ, но во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующихъ видамъ правительства. «Новая сцена между Мефистофелемъ и Фаустомъ» написана подъ вліяніемъ Дм. Веневитинова, который въ стихотворномъ посланіи убѣждалъ Пушкина изучать Гете. Содержаніе ея вымышлено, и далеко не вполнѣ въ духѣ Гете: Фаустъ Пушкина выражаетъ только одну сторону своего прототипа: рефлексію, убивающую всякое наслажденіе, и представляетъ амальгаму изъ Гете и Байрона; безпощадный анализъ Мефистофеля ближе къ источнику, но и въ немъ виденъ отзвукъ демона юности Пушкина.

Въ маѣ 1827 г. поэту было дозволено жить и въ Петербургѣ, и онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ; но къ осени, «почуя риѳмы», онъ уѣхалъ въ Михайловское; тамъ онъ началъ историческій романъ «Арапъ Петра Великаго [1])», въ которомъ, несмотря на новость для него этого рода творчества, онъ проявилъ великое мастерство серьезнымъ, объективнымъ тономъ разсказа и отсутствіемъ слащаваго преувеличенія, ненатуральнаго изображенія старины и Петра.

Зиму 1827—1828 г., какъ и весну, лѣто и часть осени 1829 г. поэтъ провелъ большею частію въ Петербургѣ, [2]) откуда иногда

---

[1]) Едва ли кто изъ русскихъ писателей того времени такъ ясно, какъ Пушкинъ, сознавалъ великую будущность романа и повѣсти.

[2]) Жилъ обыкновенно въ гостинницѣ Демута.

ѣздилъ въ Москву [1]). Его душевное состоянiе за это время— тревожное, часто тяжелое: медовый мѣсяцъ его наслажденiя свободою давно прошелъ; черезъ гр. Бенкендорфа онъ не разъ получалъ выговоры отъ государя, хотя и въ довольно мягкой формѣ; не разъ ему давало себя чувствовать и недовѣрiе низшихъ органовъ власти [2]). Съ другой стороны Пушкинъ былъ недоволенъ условiями личной жизни: кружокъ близкихъ къ нему людей сильно порѣдѣлъ; братъ былъ далеко на службѣ, сестра въ началѣ 1828 г. вышла замужъ; молодость, минутами представлявшаяся ему рядомъ ошибокъ [3]), прошла, и поэтъ чувствовалъ потребность устроиться, положить конецъ душевнымъ скитанiямъ и всецѣло отдаться любимому дѣлу, но пока не находилъ къ тому возможности. Весною 1828 г. Пушкинъ обратился съ просьбою о допущенiи его на службу въ дѣйствующую армiю, и отказъ принялъ за выраженiе немилости государя [4]); также напрасно просился онъ и ѣхать за границу.

Но тоска и огорченiя столь же мало препятствовали энергичной творческой работѣ Пушкина, какъ и все болѣе и болѣе усиливавшееся недоброжелательство критики, которое началось съ того времени, какъ поэтъ сталъ принадлежать одному или почти одному литературному органу [5]), а также и наивное недовольство публики, которая ждала отъ каждой новой строчки поэта какого-то чуда. Довольно многочисленныя лирическiя стихотворенiя Пушкина представляютъ лѣтопись душевной жизни поэта за это время. Въ октябрѣ 1828 г. онъ началъ писать поэму «Полтава» и окончилъ ее менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ: настолько возросли теперь творческiя его силы. Правда, онъ готовился къ ней давно; первая мысль о поэмѣ изъ жизни Мазепы возникла у него еще при чтенiи «Войнаровскаго» Рылѣева; узнавъ изъ него, что Мазепа обольстилъ дочь Кочубея, «я изумился—говоритъ Пушкинъ—какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства!» Тогда у него явилось сильное желанiе возсоздать любовную исторiю стараго гетмана, для чего под-

[1]) Останавливался у Нащокина.

[2]) Напр. въ крайне нелѣпомъ, доходившемъ до сената (!) дѣлѣ о спискѣ стихотворенiя: Андрей Шенье.

[3]) Отраженiе такого настроенiя см. въ стихотворенiяхъ: «Воспоминанiе» (II, 37), 26 мая 1828 г. (II, 38) и др.

[4]) А. А. Ивановскiй, «Р. Стар.» 1874, № 10, 392 и слѣд.

[5]) Кромѣ «М. Вѣстника» онъ былъ постояннымъ вкладчикомъ въ альманахъ бар. Дельвига: «Сѣверные цвѣты».

готовительной работой послужило чтеніе «Исторіи Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго и др. пособій; въ это время планъ зрѣлъ въ его головѣ; рамки раздвигались, и романтическая поэма, естественно, сплеталась съ исторической канвой: съ изображеніемъ одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи новой Россіи «Полтава» вышла въ 1829 г. и не имѣла успѣха! Не нашли въ ней того блеска и яркости, которыми прежде всего плѣнялись въ Пушкинѣ, и не поняли необходимости сліянія частнаго съ общимъ. Немногіе въ то время оцѣнили «Полтаву» по достоинству; за то теперь трудно, почти невозможно, несмотря на всѣ успѣхи исторической науки, отрѣшиться отъ того поэтическаго колорита, которымъ Пушкинъ облекъ полтавскую битву, Кочубея, Мазепу и его эпоху. Какъ опоэтизированіе природы Малороссіи и ея быта, Полтава открыла дорогу повѣстямъ Гоголя и Тарасу Бульбѣ.

Переломъ въ характерѣ и образѣ жизни поэта, когда-то необыкновенно живого (даже «вертляваго» по выраженію М. П. Погодина) и жаднаго къ развлеченіямъ, а теперь наклоннаго проводить цѣлые дни молча на диванѣ, съ трубкой во рту [1]), разрѣшился предложеніемъ, которое онъ сдѣлалъ юной [2]) московской красавицѣ Нат. Ник. Гончаровой. Получивъ несовсѣмъ благопріятный отвѣтъ, онъ 1 мая 1829 г, уѣхалъ на Кавказъ, провелъ около двухъ недѣль въ Тифлисѣ и потомъ отправился въ дѣйствующую армію (тамъ находился и братъ его Левъ), съ которою и вошелъ въ покоренный Арзерумъ. Результатомъ этой поѣздки былъ рядъ кавказскихъ стихотвореній и «Путешествіе въ Арзерумъ», изданное много послѣ. По возвращеніи въ Москву Пушкинъ былъ такъ холодно принятъ у Гончаровыхъ, что немедленно ускакалъ въ деревню, а потомъ (въ ноябрѣ) переѣхалъ въ Петербургъ. Въ началѣ 1830 г., несмотря на дѣятельнее участіе въ «Литературной Газетѣ» бар. Дельвига, въ которой участвовали исключительно друзья и единомышленники поэта, онъ чувствовалъ себя настолько тяжело, что просилъ позволенія, если его не отпустятъ въ западную Европу, сопровождать русское посольство въ Китай. Но это было временное отчаяніе, обусловленное личными причинами. Услыхавъ, какой эффектъ производитъ Н. Н. Гончарова на балахъ, и, удостовѣрившись, что въ ея семействѣ объ немъ отзываются лучше, чѣмъ онъ ожи-

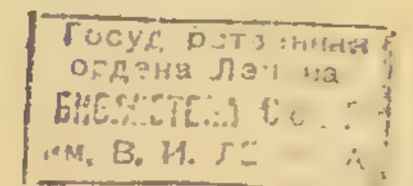
[1]) Анненковъ, Матеріалы и пр. стр. 216.

[2]) Родилась въ 1813 г.

далъ, онъ уѣхалъ въ Москву, возобновилъ предложеніе и получилъ согласіе. Семейство Гончаровыхъ стояло на высшей ступени общественной лѣстницы, чѣмъ Пушкины, но было разорено не менѣе ихъ. Главою семьи считался дѣдушка, обширное промышленное предпріятіе котораго готово было рухнуть чуть не каждый день, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ. Мать Натальи Николаевны была очень «тонная», но повидимому весьма разсчетливая дама. Принявъ предложеніе Пушкина (помолвка произошла 6 мая), Гончаровы эксплуатировали его связи, но свадьбой не спѣшили и отъ невѣсты старались держать его въ почтительномъ отдаленіи, при чемъ будущая теща иногда устраивала ему довольно крупныя непріятности. Вслѣдствіе всего этого Пушкинъ иногда впадалъ въ отчаяніе, которое и выражалъ близкимъ людямъ; но онъ искренно любилъ свою невѣсту, и припадки хандры у него быстро смѣнялись душевной бодростью и умственной энергіей. Въ такомъ настроеніи въ концѣ августа 1830 г., онъ поѣхалъ въ Болдино (Нижегор. губ.), часть котораго отецъ выдѣлилъ ему въ виду женитьбы, чтобы устроить залогъ имѣнія и воспользоваться осеннимъ временемъ для творческой работы. Вслѣдствіе холеры и карантиновъ, поэтъ оставался въ Болдинѣ три мѣсяца въ полномъ уединеніи, но съ такимъ приливомъ вдохновенія, какого у него давно не бывало. По возвращеніи въ Москву, онъ пишетъ Плетневу (№ 261): «Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы «Онѣгина», восьмую и девятую совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдалъ anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы» и «Донъ Жуанъ». Сверхъ того написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется и которыя напечатаемъ также anonyme. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что многое изъ перечисленнаго получило въ Болдинѣ только окончательную обработку, а кое-что додѣлывалось значительно позднѣе; такъ напр., одинъ отрывокъ изъ Путешествія Онѣгина [1]) «Одесса» былъ уже напечатанъ въ 1827 г., а письмо Онѣгина къ Татьянѣ дописывалось

[1]) См. письмо № 24.

осенью 1831 г. въ Царскомъ селѣ; тѣмъ не менѣе въ общемъ болдинскій періодъ можно считать временемъ завершенія знаменитой поэмы—романа, которая по исчисленію самого поэта писалась 7 лѣтъ 4 мѣсяца и 17 дней, а на самомъ дѣлѣ болѣе 9 лѣтъ [1]) и уже около 5 лѣтъ держала въ напряженіи читающую публику.

1-я глава «Евгенія Онѣгина» была напечатана въ 1825 г. вмѣстѣ съ «Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ» съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ сравниваетъ свой романъ съ «Беппо, шутливымъ произведеніемъ мрачнаго Байрона» и самъ указываетъ на сходство героя съ Кавказскимъ Плѣнникомъ. Она была раскуплена чрезвычайно быстро и вызвала оживленные толки. Близкіе къ Пушкину люди, напр., Катенинъ, отождествляли съ Онѣгинымъ самого поэта; литературные старовѣры подняли вопль противъ безнравственности поэмы и низкихъ предметовъ, ею изображаемыхъ; Полевой считалъ «Онѣгина» воплощеніемъ романтизма, а крайній романтикъ Бестужевъ возмущался ничтожностью сюжета. Но масса читателей была въ восторгѣ отъ изящества формы и жизненности содержанія. 2-я глава, выводящая на сцену Ленскаго и дающая первый абрисъ Лариныхъ, также написана на югѣ, а напечатана въ 1826 г. Она еще увеличила интересъ публики, но критика мало обратила на нее вниманія: она вызвала только двусмысленную похвалу Булгарина и посмертный отзывъ Веневитинова, который привѣтствовалъ поворотъ въ творчествѣ Пушкина къ изображенію русской жизни и типовъ. Гл. 3-я [2]), наиболѣе психологическая, написанная въ Михайловскомъ и напечатанная въ 1827 г., довела интересъ публики до небывалаго въ Россіи и рѣдкаго даже за границей напряженія: о Татьянѣ говорили повсюду, какъ о живомъ лицѣ, и Пушкина серьезно упрашивали получше устроить ея судьбу. 4-я и 5-я главы [3]) вызываютъ длинный рядъ рецензій, которыя составляютъ поворотный пунктъ въ отношеніяхъ современной критики къ Пушкину: большинство рецензентовъ, признавая въ немъ «рѣдкое дарованіе» и называя его «любимымъ поэтомъ», изъ безпристрастія нападаетъ на частности и не находитъ въ поэмѣ ни плана, ни связи, ни характеровъ. Нападенія послѣдняго рода, обнаруживавшія полное непониманіе цѣлаго, глубоко огорчили Пуш-

[1]) Съ 28 мая 1822 г. до 3 октября 1831 г.

[2]) «Барышня», какъ ее для себя озаглавилъ Пушкинъ.

[3]) Написаны тоже въ Михайловскомъ (какъ и 6-я гл.) и изданы вмѣстѣ въ 1828 году.

кина. 6-я глава («Поединокъ») не сдѣлала критиковъ умнѣе. Глава 7-я («Москва») написана подъ московскими впечатлѣніями; она явилась въ 1830 г., когда Пушкинъ стоялъ уже во главѣ литературной партіи, иногда писалъ прозой и жестоко расправлялся съ своими противниками, которые съ своей стороны старались его унизить всѣми мѣрами [1]).

Въ Болдинѣ не побѣжденный, но утомленный безпринципностью борьбы, поэтъ разстался навсегда съ героемъ и съ героиней, оставивъ ихъ обоихъ на серединѣ жизненнаго пути и героя въ крайне неопредѣленномъ положеніи; для героини публика почти немедленно начала пріискивать живые оригиналы [2]).

Трудно и въ настоящее время посмотрѣть на «Евгенія Онѣгина», такъ сказать, со стороны: до того мы сроднились съ его дѣйствующими лицами, и потому мы ограничимся сопоставленіемъ его съ другими созданіями того же поэта. По характеру героя и по основной задачѣ «Онѣгинъ» ближе всего къ «Цыганамъ». Онѣгинъ— тотъ же Алеко, только реализованный, пріуроченный къ обыденной дѣйствительности великорусскаго дворянскаго быта. Задача поэта— возсоздать его со всѣми его добрыми и дурными сторонами, а такъ какъ послѣднія оказываются весьма существенными, то и развѣнчать его (не щадя въ немъ и самого себя), сохранивъ однако душевное къ нему участіе; развѣнчаніе производится главнымъ образомъ посредствомъ указанія его дѣланности и, такъ сказать, литературныхъ источниковъ. («Иль маской щегольнетъ иной»; «Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»... «Ужъ не пародія ли онъ?»), а участіе читателя сохраняется за нимъ потому, что онъ все же лучше и нравственно крупнѣе окружающихъ его, и потому тяготится безцѣльностью своего существованія и рядомъ вынужденныхъ глупостей. Какъ Алеко при всей байроновской силѣ своей оказывается несостоятельнымъ при сопоставленіи съ старымъ цыганомъ, такъ несостоятеленъ и Онѣгинъ при сопоставленіи съ простой, но нравственно здоровой деревенской барышней. Созданіе типа этой барышни—крупный шагъ впередъ со стороны Пушкина (и черкешенка, и цыганка, и даже Марія Кочубей сравнительно съ Татьяною блѣдные очерки), и великая заслуга поэта, имѣвшая

---

[1]) См. Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина» III, стр. 15, 25 и др.

[2]) См. «Воспоминаніе» Францевой, Ист. Вѣстн. 1888 № 5, В. А. Тимирязева тамъ же 1896, № 6 и др.

важное историческое значеніе: отсюда тургеневскія женщины и отсюда же позднѣйшее стремленіе русскихъ женщинъ къ подвигу. Въ общемъ «Онѣгинъ»—полное и художественно-вѣрное воспроизведеніе полукультурной жизни русскаго дворянства того времени во всѣхъ ея разнообразныхъ областяхъ и оттѣнкахъ.

Повѣсть, писанная октавами, называется «Домикъ въ Коломнѣ»; это, по выраженію Бѣлинскаго, «игрушка, сдѣланная рукою великаго мастера», напоминающая средневѣковыя фабльо, источники «сказокъ» Лафонтена. Въ основѣ ея, судя по мѣсту дѣйствія, лежитъ анекдотъ изъ юношескихъ лѣтъ поэта. Хотя Пушкинъ по теоріи и отвергалъ цѣль въ поэзіи, но такую безцѣльную шалость онъ рѣшился издать только анонимно. Въ историко-литературномъ отношеніи важнѣе самой повѣсти—ея введеніе, представляющее нѣчто небывалое въ исторіи поэтической формы: это такое искусное жонглированіе размѣромъ и звучною риѳмою, что послѣ этого или въ обыденной рѣчи проза должна была замѣниться стихами, или въ литературномъ разсказѣ стихи должны были уступить мѣсто живой прозаической рѣчи. И дѣйствительно, съ этихъ поръ ни Пушкинъ, ни ученики его для мелкаго повѣствованія стихотворной формы уже не употребляютъ. Маленькую трагедію «Скупой рыцарь» авторъ приписалъ англійскому поэту Ченстону, котораго, какъ указалъ еще Анненковъ, на свѣтѣ не существовало. Причина такого «подлога» — семейныя воспоминанія, которыми отчасти воспользовался поэтъ; отецъ его временами проявлялъ крайнюю скупость (хотя вообще былъ очень неразсчетливъ) по отношенію къ сыновьямъ; кромѣ того, во время извѣстной ссоры по пріѣздѣ Пушкина изъ Одессы въ Михайловское, Сергѣй Львовичъ позволилъ себѣ пустить въ ходъ градацію клеветы, подобную которой упореблаетъ баронъ. «Скупой рыцарь«—полная драма, съ развитіемъ характеровъ и катастрофой; въ основѣ это глубокое психологическое изслѣдованіе въ художественной формѣ, проникнутое гуманной идеей—пробужденія «милости къ падшимъ»: искалѣчившая сильную душу барона, выросшая на почвѣ пессимизма и честолюбія, низкая страсть дѣлаетъ его не только мучителемъ, но и страдальцемъ, и его страданіе примиряетъ съ нимъ зрителя.

Пьеса «Моцартъ и Сальери» въ рукописи была озаглавлена: «Зависть» и основана на весьма сомнительномъ анекдотѣ объ отношеніяхъ двухъ композиторовъ. Здѣсь тоже рѣшается трудный пси-

хологическій вопросъ объ источникѣ и развитіи низкой страсти въ сильной душѣ; а попутно въ живыхъ образахъ устанавливается различіе между геніемъ и талантомъ.

«Пиръ во время чумы»—рядъ сценъ, дѣйствительно переведенныхъ съ англійскаго (изъ пьесы Джона Вильсона: The City of the Plague, вышедшей въ 1816 г.), но Пѣсня Мери и Пѣсня Президента, лучшія мѣста пьесы, сочинены Пушкинымъ.

Четыре сцены, составляющія «Каменнаго Гостя», образуютъ полную драму, изображающую героя народныхъ преданій, испанскаго Фауста, съ бо́льшей глубиной и человѣчностью, чѣмъ у предшественниковъ Пушкина [1]. Русскій поэтъ воспользовался отъ нихъ только общимъ абрисомъ сюжета и типомъ Лепорелло; все остальное его собственное созданіе, чудное по жизненности характеровъ и положеній.

«Около 30 мелкихъ стихотвореній», написанныхъ или отдѣланныхъ въ Болдинѣ, представляютъ поразительное разнообразіе по формѣ, темамъ и настроенію поэта. Господствующій тонъ ихъ, естественно, бодрый и жизнерадостный [2]; но рядомъ съ этимъ обрабатываются мотивы, не имѣющіе ничего общаго съ переживаемымъ моментомъ [3].

«Повѣсти Бѣлкина» (вмѣстѣ съ «Лѣтописью села Горохина»)—важный шагъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ съ ранней юности высоко цѣнилъ не только В. Скота, но и Фильдинга и Стерна; приглядываясь къ ходу европейской словесности, онъ предугадалъ скорое торжество нравоописательной повѣсти и романа и рѣшилъ испытать въ ней свои силы, пробуя разные тоны, но всегда оставаясь реалистомъ, убѣжденнымъ противникомъ ультра-романтическихъ повѣстей—поэмъ въ духѣ Бестужева-Марлинскаго, которыя въ то время вызывали всеобщій восторгъ. Пушкинъ очень интересовался успѣхомъ своихъ повѣстей, но скрылъ свое имя, прося однако шепнуть его Смирдину, чтобы онъ шепнулъ покупателямъ. Критика встрѣтила ихъ враждебно, но онѣ раскупались, читались съ удовольствіемъ, и Пушкинъ счелъ опытъ удавшимся.

По возвращеніи въ Москву, Пушкинъ «сладилъ съ тещей» и и начало новаго 1831 года встрѣтилъ въ бодромъ настроеніи духа.

---

[1] Главными пособіями для Пушкина служили Мольеръ и Да-Понте.

[2] Даже въ элегію: «Безумныхъ лѣтъ»...

[3] «Поэту», «Стамбулъ», «Вельможѣ», «Шалость» и пр.

Тяжело поразила его неожиданная смерть бар. Дельвига, но и это горе поборолъ онъ (прежде всего энергичной заботой о судьбѣ его семейства). 18 февраля благополучно совершилась свадьба Пушкина, къ удивленію многихъ, не признававшихъ за поэтомъ способности «остепениться [1])». «Я женатъ и счастливъ, пишетъ онъ Плетневу черезъ нѣсколько дней. Одно желаніе мое, чтобы ничего въ жизни моей не измѣнялось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется, я переродился».

Въ Москвѣ Пушкины оставались конецъ зимы и всю весну. Къ этому московскому пребыванію относится сближеніе Пушкина съ однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ его критиковъ—Надеждинымъ; въ его «Телескопѣ» за этотъ годъ поэтъ помѣстилъ двѣ свои полемическія статьи противъ Булгарина: «Торжество дружбы» и «нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина» за подписью Ѳеофилакта Косичкина; эти статьи—верхъ ядовитаго остроумія и рѣдкое соединеніе тонкой и злой ироніи съ рѣзкой хлесткостью.

Согласно заранѣе составленному плану (въ которомъ не послѣднюю роль играло желаніе жить подальше отъ тещи), Пушкинъ въ маѣ поѣхалъ въ Петербургъ, откуда очень скоро переселился въ Царское Село. Тамъ онъ оставался почти безвыѣздно до конца октября, отдѣленный отъ столицы холерою и карантинами, въ обществѣ Жуковскаго и юнаго Гоголя, недавно ему представленнаго.

---

[1]) Въ «Р. Архивѣ» 1902 № 1, стр. 52 и слѣд. въ письмахъ А. Я. Булгакова мы читаемъ: «Въ городѣ опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба разладится...» Разсказавъ, какъ Пушкинъ въ 5 часовъ утра, съ бала отправился навѣстить больную невѣсту, Булгаковъ прибавляетъ: «Нечего ждать хорошаго, кажется; я думаю, что не для нея (невѣсты) одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась». Послѣ свадьбы Булгаковъ пишетъ: «И такъ совершилась эта свадьба, которая такъ долго тянулась. Ну, да какъ будетъ хорошій мужъ! Тото всѣхъ удивитъ! Никто этого не ожидаетъ, и всѣ сожалѣютъ о ней. Я сказалъ Гришѣ Корсакову: быть ей milady Byron.» Онъ пересказалъ Пушкину, который смѣялся только. Онъ женѣ моей говорилъ на балѣ: «Пора мнѣ остепениться! Ежели не сдѣлаетъ (этого) жена моя, то нечего ожидать отъ меня» (стр. 54). . . . . . .

28 февраля тотъ же Булгаковъ пишетъ: «Пушкинъ славный задалъ вчера балъ и онъ, и она прекрасно угощали гостей своихъ. Она прелестна, и они, какъ два голубка... Ужинъ былъ славный; всѣмъ казалось странно, что у Пушкина, который жилъ все по трактирамъ, такое вдругъ завелось хозяйство» (стр. 56).

Слово балъ, конечно, употреблено здѣсь не въ собственномъ значеніи: квартирка у молодыхъ была очень небольшая.

Несмотря на плохое состояніе своихъ финансовыхъ дѣлъ (о которыхъ поэтъ теперь заботится гораздо больше, чѣмъ прежде), онъ продолжалъ быть въ жизнерадостномъ настроеніи, что очень благопріятно отразилось на его творчествѣ. Онъ вступилъ этимъ лѣтомъ въ соперничество съ Жуковскимъ на поприщѣ обработки сказокъ: написалъ «Сказку о царѣ Салтанѣ», сюжетъ которой занималъ его еще въ Кишиневѣ, и шутливую сказку о попѣ и работникѣ его Балдѣ (риемованной прозой), и ни для кого не было сомнѣнія, что онъ еще разъ побѣдилъ своего учителя яркостью и жизненностью образовъ. Въ это время Пушкинъ идетъ рука объ руку съ Жуковскимъ (а черезъ него и съ дворомъ) въ своемъ отношеніи къ политическому моменту, который тогда переживала Россія: 2-го августа написана имъ ода: «Клеветникамъ Россіи», а 5-го августа «Бородинская годовщина [1])». Еще въ іюлѣ Пушкинъ, очевидно, поощренный къ тому свыше, черезъ Бенкендорфа выразилъ готовность быть полезнымъ правительству изданіемъ политико-литературнаго журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ доступа въ архивы, чтобы «исполнить давнишнее желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III». На первое его предложеніе пока промолчали, а второе удовлетворили въ большей мѣрѣ, нежели онъ могъ надѣяться: его приняли вновь на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ въ 5,000 руб., безъ обязательныхъ занятій, но съ правомъ работать во всѣхъ архивахъ. Переѣхавъ въ Петербургъ и устроившись по возможности [2]), Пушкинъ чрезвычайно энергично принялся за работу въ архивахъ. Посѣщая разнообразные круги общества, начиная отъ самыхъ высшихъ, гдѣ жена его блистала на балахъ, Пушкинъ имѣлъ возможность убѣдиться, что отечественная литература стала теперь возбуждать живой интересъ даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ еще очень недавно игнорировали ея существованіе, и что лучшая часть нашей молодежи начала смотрѣть на званіе литератора, какъ на нѣчто достойное зависти. Отъ этого онъ проникся еще большимъ желаніемъ стать во главѣ вліятельнаго литературнаго органа, и лѣтомъ 1832 г. его старанія увѣнчались успѣхомъ: ему была разрѣшена

[1]) Оба стихотворенія тогда же были напечатаны вмѣстѣ съ стихами Жуковскаго особой брошюрой.

[2]) У Пушкина еще оставались карточные долги отъ холостой его жизни; расходы, по его словамъ, увеличились вдесятеро.

литературно-политическая газета. Чтобы пустить это дѣло въ ходъ, онъ въ сентябрѣ ѣздилъ въ Москву и тамъ вмѣстѣ съ С. С. Уваровымъ посѣтилъ университетъ. Газета не осуществилась, но поэтъ привезъ въ Петербургъ нѣсколько новыхъ впечатлѣній и между прочимъ сюжетъ для романа. Отъ своего пріятеля Нащокина онъ услыхалъ разсказъ о нѣкоемъ дворянинѣ Островскомъ, который, вслѣдствіе притѣсненій богатаго сосѣда и продажности приказныхъ, лишился имѣнія и сдѣлался разбойникомъ. По возвращеніи, Пушкинъ принялся за романъ съ увлеченіемъ и окончилъ его въ три мѣсяца съ небольшимъ. Но, приближаясь къ развязкѣ (и продолжая въ то же время работать въ архивахъ надъ исторіей пугачевщины), поэтъ почувствовалъ недовольство своимъ произведеніемъ и сталъ обдумывать другой романъ—изъ временъ Екатерины II, а «Дубровскаго» заключилъ двумя наскоро набросанными «эффектными сценами» и оставилъ даже непереписаннымъ: онъ былъ напечатанъ только черезъ 4 года послѣ его смерти. Пушкинъ былъ безусловно правъ и въ своемъ увлеченіи «Дубровскимъ» и въ своемъ разочарованіи: по идеѣ это одно изъ важнѣйшихъ его произведеній, начинающее новую эпоху въ русской литературѣ: это соціальный романъ съ рельефнымъ изображеніемъ барскаго самодурства и безобразнаго взяточничества; а по формѣ, въ которую отлилась идея, — это заурядный романъ приключеній, достойный имени Пушкина только по красотѣ изложенія, отсутствію фальшивой сентиментальности и нѣсколькимъ сильнымъ сценамъ. То обстоятельство, что романъ съ соціальной задачей не возбудилъ цензурныхъ затрудненій въ 1841 г., свидѣтельствуетъ о его слабости, а поглощающій интересъ, съ которымъ онъ и въ настоящее время читается подростками, доказываетъ, что Пушкинъ былъ крупнымъ художникомъ и въ болѣе слабыхъ и неотдѣланныхъ своихъ произведеніяхъ.

Одновременно съ Дубровскимъ, Пушкинъ работалъ надъ такъ наз. «пѣснями западныхъ славянъ», за которыя, въ самый годъ появленія ихъ въ печати [1]), его пытался осмѣять французскій литераторъ, давшій ему сюжеты большинства ихъ. Но доказано, что Пушкинъ вовсе не былъ такъ наивенъ, какъ воображалъ мистификаторъ. Дѣло было такъ. Въ 1827 году въ Парижѣ вышла небольшая книжка: La Guzla ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie etc. Составитель ея, Просперъ Мериме, очень обра-

[1]) 1835 г. въ «Библ. для чтенія».

зованный и талантливый литераторъ, заявивъ въ предисловіи о своемъ близкомъ знакомствѣ съ языкомъ иллирійскихъ славянъ и ихъ бардами и, разсказавъ біографію одного пѣвца Маглановича, предложилъ публикѣ прозаическій переводъ 29 его пѣсенъ. Чувствуя сомнѣніе въ ихъ безукоризненной подлинности, но заинтересованный оригинальностью ихъ тона и сюжетовъ, Пушкинъ взялъ у него 11 пьесъ, да и изъ тѣхъ 4 переложилъ искуственнымъ размѣромъ съ риѳмами, а къ нимъ прибавилъ 2 пѣсни, переведенныя имъ самимъ изъ сборника Вука Караджича [1]), двѣ, сочиненныя имъ въ тонѣ подлинныхъ [2]), и одну, составленную на основаніи юго-славянскаго сказанія [3]). Собираясь печатать «пѣсни», Пушкинъ черезъ Соболевскаго обратился къ Мериме съ просьбою разъяснить, «на чемъ основано изображеніе странныхъ сихъ пѣсенъ»? Въ отвѣтѣ своемъ Мериме увѣрялъ, будто при составленіи книжки онъ руководствовался только брошюркой консула въ Баньялукѣ, знавшаго по-славянски такъ же мало, какъ и самъ Мериме, да одной главой изъ итальянской книги: «Путешествіе въ Далмацію» Фортиса 1774 г. [4]) Тоже повторилъ онъ при 2-мъ изд. «Гузлы» въ 1840 г. На самомъ же дѣлѣ Мериме больше мистифицировалъ публику въ письмѣ къ Пушкину и въ этомъ 2-мъ изданіи, чѣмъ въ 1-мъ: онъ зналъ по-славянски для иностранца очень порядочно, такъ какъ въ раннемъ дѣтствѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Далмаціи, гдѣ отецъ его состоялъ при маршалѣ Мармонѣ; да и во время составленія «Гузлы» имѣлъ подъ руками много пособій. А. Пушкинъ какъ при выборѣ, такъ и при обработкѣ его пѣсенъ проявилъ рѣдкое поэтическое чутье и пониманіе духа національной славянской поэзіи.

Сюжетомъ югославянскаго сказанія (Янышъ Королевичъ) Пушкинъ воспользовался для пьесы «Русалка», надъ которой онъ работалъ тою же зимою 1832-3 года (началъ онъ ее еще въ 1828 г.); можетъ быть, готовя ее, какъ либретто для оперы А. П. Есаулова; къ сожалѣнію, эта чудная народная драма осталась недоконченной. Это высшій пунктъ, котораго достигъ Пушкинъ въ умѣньѣ примирять вѣковое національное творчество съ личнымъ, соединять

---

[1]) Соловей и «Сестра и братья».

[2]) «О Георгіи Черномъ» и «Воеводѣ Милошѣ».

[3]) «Янышъ Королевичъ».

[4]) Пушкинъ напечаталъ его письмо при изд. пѣсенъ въ IV т. своихъ стихотвореній.

сказачную фантастику и первобытный лиризмъ съ драматичностью положеній и глубоко-гуманной идеею [1]).

Въ эту вторую зиму своей петербургской жизни Пушкинъ по прежнему счастливъ своею любовью къ женѣ, но недоволенъ положеніемъ своихъ дѣлъ. 23 февр 1833 г. онъ пишетъ Нащокину: «Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ; жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ; деньги достаются мнѣ черезъ мои труды, а труды требуютъ уединенія».

Лѣто 1833 г. Пушкинъ жилъ на дачѣ на Черной рѣчкѣ, откуда ежедневно ходилъ въ архивъ работать надъ Пугачевщиной, имѣя въ виду одновременно и историческій очеркъ Пугачевскаго бунта и романъ, будущую «Капитанскую дочку». Въ августѣ онъ взялъ себѣ 2-хъ мѣсячный отпускъ, чтобы объѣздить край, гдѣ произошли изучаемыя имъ событія, побывалъ въ Казани, Симбирскѣ, Оренбургѣ, Уральскѣ и около полутора мѣсяца провелъ въ Болдинѣ, гдѣ онъ привелъ въ порядокъ собранные имъ матеріалы о Пугачевѣ, перевелъ двѣ баллады Мицкевича, отдѣлалъ лучшую изъ своихъ сказокъ «о рыбакѣ и рыбкѣ» и написалъ поэму «Мѣдный Всадникъ». По первоначальному замыслу эта поэма должна была составлять одно цѣлое съ «Родословной моего героя», но потомъ отдѣлилась отъ нея, безъ сомнѣнія, къ своей выгодѣ: по основной идеѣ, противуполагавшей личные интересы общимъ, государственнымъ и маленькаго, слабаго человѣка съ его семейнымъ счастьемъ—страшной силѣ, символизированной въ Мѣдномъ Великанѣ, личность пострадавшаго не должна была выдвигаться впередъ, и вполнѣ было достаточно одного намека на былую славу его предковъ. Идею вступленія поэтъ (можетъ быть, безсознательно) взялъ изъ статьи Батюшкова: «Прогулка въ академію художествъ»; мысль сдѣлать изъ статуи Фальконета палладіумъ Петербурга пришла ему, говорятъ, подъ вліяніемъ разсказа гр. М. Ю. Віельгорскаго о видѣніи, сообщенномъ Александру I кн. А. Н. Голицынымъ; но въ общемъ «Мѣдный Всадникъ», —конечно, вполнѣ оригинальное и великое

[1]) О такъ наз. Зуевскомъ окончаніи «Русалки» (напеч. въ «Р. Арх.» 1897 г. № 3) см. статью О. Е. Корша въ Изв. отд. русскаго яз. и слов. 1898 т. III, гдѣ масса драгоцѣнныхъ наблюденій, но гдѣ основной тезисъ едвали можетъ считаться доказаннымъ.

созданіе. По достовѣрному преданію[1]), въ первоначальномъ текстѣ былъ очень сильный монологъ Евгенія противъ петровской реформы, потомъ исключенный авторомъ. Поэма не была пропущена цензурою [2]), что очень неблагопріятно отозвалось на дѣлахъ Пушкина[3].)

Къ тому же 1833 г. относятся сказки: «О мертвой царевнѣ» и «О золотомъ пѣтушкѣ», безъ сомнѣнія, основанныя на старыхъ записяхъ Пушкина, и поэма «Анджело», передѣлка пьесы Шекспира «Мѣра за мѣру», въ которой автора, очевидно, привлекала интересная психологическая задача — показать, какъ нетерпимость къ слабостямъ другихъ можетъ уживаться съ собственнымъ паденіемъ. Наконецъ, къ тому же году относится и послѣдняя редакція глубокой по идеѣ и чудно-прекрасной по выполненію, но доведенной только до середины поэмы «Галубъ». Она задумана во время путешествія по Кавказу въ 1829 г. и, судя по обѣимъ программамъ, до насъ дошедшимъ [4]), должна была изобразить героя Тазита сознательнымъ носителемъ идеи христіанской любви и готовности на страданія; для насъ она служитъ однимъ изъ крупныхъ указаній на присущее Пушкину въ это время искреннее и сильное религіозное чувство.

Въ концѣ 1833 г. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, и въ мартѣ 1834 г. ему отпущено 20,000 рубл. на печатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта». Несмотря на эти царскія милости, поэту становится все труднѣй и труднѣй жить въ Петербургѣ: свой годовой расходъ онъ исчисляетъ въ 30.000 рубл., а доходы его крайне неопредѣленны. Къ тому-же дѣла его родителей въ это время настолько запутаны, что онъ принужденъ взять ихъ на себя, послѣ чего и отецъ и братъ обращаются къ нему за деньгами, какъ въ собственный сундукъ. Маленькое придворное званіе, обязывавшее его бывать на торжествахъ заурядъ съ юнцами изъ аристократическихъ фамилій, доставляло ему немало непріятностей. Лѣтомъ 1834 г., принужденный остаться въ Петербургѣ ради работы и отпустивъ семью въ деревню къ роднымъ жены, онъ пишетъ ей:

---

[1]) См. Н. Н. Вяземскаго, П. по документамъ «Остафьевскаго Архива» С.-Пб. 1880 стр. 7

[2]) Напечатана послѣ смерти П. въ V т. «Современника»

[3]) См. его письмо № 358.

[4]) См. изд. фонда III, 547.

«Я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Завистность, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно [1])». Вскорѣ послѣ этого, раздраженный рядомъ мелкихъ непріятностей, Пушкинъ подалъ въ отставку; но Жуковскій и другіе благожелатели поспѣшили его «образумить», а государь счелъ его виновнымъ въ неблагодарности, такъ что онъ долженъ былъ взять свою просьбу назадъ съ изъявленіемъ глубокаго раскаянія. Зимою 1834—35 г. съ Пушкиными поселились сестры Натальи Ник., что увеличило количество свѣтскихъ знакомствъ поэта. Съ 1835 г. начала выходить «Библіотека для чтенія». Смирдина; Пушкинъ помѣстилъ въ ней своего «Гусара» и «Пиковую даму», которая произвела фуроръ даже въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ. Эти баллада и повѣсть служатъ наиболѣе характернымъ выраженіемъ русскаго романтизма, въ которомъ фантастическое и реальное не стоятъ радомъ, какъ у нѣмцевъ, а взаимно проникаютъ другъ друга и являются единымъ недѣлимымъ. Пушкинъ и теперь продолжаетъ работатъ въ архивахъ, собирая матеріалы для исторіи Петра Великаго, и утѣшается развитіемъ русской литературы, которая, подъ вліяніемъ Гоголя (который съ своей стороны всецѣло подчиняется руководству Пушкина), вступаетъ въ новый фазисъ. Но личныя дѣла Пушкина запутаны по прежнему, и онъ вынужденъ просить о новой милости—о правительственной ссудѣ въ 30,000 рубл. съ погашеніемъ долга его жалованіемъ. Милость эта была ему оказана, но и она не избавила его отъ затрудненій. Осенью 1835 г. въ Михайловскомъ поэтъ долго ожидаетъ вдохновенія: ему препятствуютъ заботы о томъ, «чѣмъ намъ жить будетъ [2])?» Тогда, для поправленія своихъ дѣлъ, онъ задумалъ издать альманахъ при непремѣнномъ участіи Гоголя; когда же матеріалу оказалось болѣе, чѣмъ нужно, онъ рѣшилъ осуществить прежнюю свою идею объ изданіи журнала, хотя бы 3-хъ мѣсячнаго, по образцу англійскихъ. Эта перспектива очень ободрила Пушкина, и по возвращеніи въ Петербургъ (куда онъ былъ вызванъ раньше конца своего отпуска опасной болѣзнью матери) онъ началъ работать съ давно небывалой энергіей; но этотъ усиленный

[1]) № 387.

[2]) См. письмо № 428, къ женѣ.

трудъ при массѣ житейскихъ хлопотъ дурно отозвался на нервахъ поэта, и безъ того непомѣрно возбужденныхъ и расшатанныхъ.

Во второй половинѣ 1835 г. Пушкинъ началъ работать надъ исторической драмой, написанная часть которой называется «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»; планъ ея былъ задуманъ очень широко: братъ Бертольдъ (Шварцъ), занимающійся алхиміей, выведенъ на сцену вовсе не для обстановки: его знаменитое изобрѣтеніе должно было обусловить развязку паденіе рыцарства. Поэтъ имѣлъ въ виду не мракъ среднихъ вѣковъ, а гибель ихъ подъ ударами пробужденнаго народа и подъ вліяніемъ великихъ открытій. Тогда-же онъ принялся за отдѣлку чрезвычайно оригинальной и по формѣ и по содержанію повѣсти: «Египетскія ночи», куда входила античная поэма, сюжетъ которой занималъ его съ самаго Кишинева. Изъ небольшихъ стихотвореній этого времени важное автобіографическое значеніе имѣетъ его неоконченная элегія: «Вновь я посѣтилъ». До какой небывалой ни прежде, ни послѣ энергіи дошелъ въ это время стихъ Пушкина, видно изъ его оды—сатиры «на выздоровленіе Лукулла» (противъ С. С. Уварова), распространенность которой была потомъ непріятна самому автору [1]). Первые мѣсяцы 1836 г. Пушкинъ посвятилъ редакціонной работѣ надъ «Современникомъ», но первая книжка его вышла 11 апр. въ отсутствіе Пушкина; у него умерла мать, и онъ уѣхалъ въ Михайловское (въ Святогорскій монастырь) хоронить ее, причемъ кстати онъ купилъ и себѣ могилу. Эта книжка составлена чрезвычайно старательно и умѣло; она открывается прекраснымъ стихотвореніемъ «Пиръ Петра Великаго», художественнымъ отзвукомъ архивныхъ занятій поэта. Лѣто Пушкинъ провелъ на дачѣ на Каменномъ острову, усердно составляя и корректируя слѣдующіе №№ журнала.

Этотъ тяжелый трудъ былъ вознагражденъ далеко недостаточно: журналъ имѣлъ успѣхъ не въ массѣ публики, которая осталась вѣрна Смирдинской Библіотекѣ, а только въ немногочисленномъ кружкѣ передовыхъ любителей литературы.

Въ 4 книжкѣ «Современника» былъ напечатанъ цѣликомъ лучшій романъ Пушкина: «Капитанская дочка»; онъ задумалъ его еще въ 1833 г., но тогда онъ имѣлъ въ виду обработать разсказъ, какъ историческій эпизодъ изъ эпохи Пугачева; позднѣе на первый

---

1) См. письмо № 448.

планъ выдвинулся элементъ романическій [1]). Въ этомъ произведеніи Пушкинъ, оставаясь безусловно правдивымъ художникомъ, сознательно проводитъ гуманистическую тенденцію; «извергу» Пугачеву онъ придаетъ доброе сердце и наклонность къ великодушію, а героиней, востановительницей правды, онъ дѣлаетъ совсѣмъ простую и робкою дѣвушку, которая не умѣетъ связать двухъ словъ, но инстинктомъ и сердечностью замѣняетъ блескъ ума и силу характера. Простота интриги и правдивость тона, симпатичный реализмъ характеровъ и картинъ, тонкій, но добродушный юморъ дѣлаетъ этотъ романъ классическимъ произведеніемъ, которое если не было оцѣнено по достоинству современниками, зато имѣло огромное благотворное вліяніе на судьбу послѣдующаго русскаго романа.

По основной идеѣ «Кап. Дочка» есть яркое проявленіе того поворота въ творчествѣ Пушкина, который чувствуется уже почти въ 1830 г. и который самъ поэтъ называетъ призывомъ милости къ падшимъ. Еще въ 1832 г. онъ задумалъ повѣсть: «Марія Шонингъ [2])», въ основѣ которой лежала исторія дѣвушки и вдовы, казненныхъ за мнимое преступленіе. Отъ повѣсти сохранились только два начальныхъ письма, изображающихъ тотъ моментъ, когда героиня и ея подруга еще не успѣли испытать всѣхъ ужасовъ нужды и жестокихъ законовъ, но когда уже начинается неровная борьба между несчастной сиротой и безсердечнымъ обществомъ. Съ этимъ поворотомъ, естественно, совпадаетъ стремленіе поэта изображать современное ему общество, «какъ оно есть»: въ 1835 г. Пушкинъ обдумывалъ романъ: «Русскій Пельгамъ» [3]), къ которому его вдохновилъ ранній романъ Бульвера «Пельгамъ или приключенія джентельмена». Въ обоихъ сохранившихся планахъ Пушкина герой очищается отъ своего легкомыслія страданіемъ и тѣмъ, что въ глазахъ общества считается паденіемъ (онъ сидитъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи); злодѣя романа поэтъ характеризуетъ словами: très comme il faut!

Но этотъ поворотъ не успѣлъ завершиться и выразиться въ

---

[1]) По первой программѣ герой назывался Шванвичъ, по второй Башаринъ, оба лица болѣе или менѣе историческія; героя спасаетъ старикъ отецъ, обратившійся лично съ просьбой къ императрицѣ. См. монографію Н. Н. Черняева, «Кап. Дочка, историко-критическій этюдъ» М. 1897.

[2]) Изд. фонда IV, 372 и слѣд.

[3]) Тамъ-же 406.

зрѣлыхъ и законченныхъ художественныхъ работахъ: дни Пушкина были сочтены.

Въ петербургскомъ «большомъ свѣтѣ», куда Пушкинъ вступилъ послѣ женитьбы, онъ и жена его были «въ модѣ»: жена за красоту и изящество, онъ—за умъ и талантъ. Но ихъ не любили и охотно распространяли объ нихъ самыя ядовитыя сплетни. Даже кроткая Нат. Николаевна возбуждала зависть и злословіе [1]); еще сильнѣе ненавидѣли самого поэта, прошлое котораго иные находили сомнительнымъ, а другіе—прямо ужаснымъ, а характеръ котораго, и прежде не отличавшійся сдержанностью, теперь, подъ вліяніемъ тяжелаго и часто ложнаго положенія—онъ долженъ былъ представляться богаче, чѣмъ былъ въ дѣйствительности—бывалъ рѣзокъ до крайности. Его аггрессивное самолюбіе, его мѣткіе отзывы, и смѣлыя темы нѣкоторыхъ его стихотвореній [2]), самая благосклонность двора возбуждали къ нему скрытую, но непримиримую злобу въ ловкихъ и вліятельныхъ людяхъ, искусно раздувавшихъ общее недоброжелательство. Пушкинъ чувствовалъ это недоброжелательство на каждомъ шагу, раздражался имъ и часто самъ искалъ случая сорвать на комъ нибудь свое негодованіе, чтобы навести страхъ на остальныхъ. 4 ноября 1836 г. онъ получилъ 3 экземпляра анонимнаго посланія, заносившаго его въ орденъ рогоносцевъ и, какъ онъ былъ убѣжденъ, намекавшаго на настойчивыя ухаживанія за его женой кавалергардскаго поручика бар. Дантеса, красиваго и ловкаго иностранца, недавно принятаго въ русскую службу и усыновленнаго голландскимъ посланникомъ бар. Геккереномъ. Пушкинъ уже давно замѣчалъ эти ухаживанія [3]) и воспользовался полученіемъ пасквиля, чтобы вмѣшаться въ дѣло. Онъ отказалъ Дантесу отъ дому, при чемъ тотъ съигралъ такую «жалкую» роль, что нѣкоторое сочувствіе, которое, можетъ быть питала Нат. Николаевна къ столь «возвышенной страсти»—сочувствіе, старательно подогрѣваемое бар. Геккереномъ—потухло «въ заслуженномъ презрѣніи». Такъ какъ сплетни не прекращались, то раздраженный поэтъ вызвалъ Дантеса на дуэль; тотъ принялъ вызовъ; но черезъ бар. Геккерена просилъ отсточки на 15 дней [4]). Въ продолженіе

---

[1]) См. письмо П-а къ П. А. Осиповой, № 435.

[2]) «Моя родословная», «на выздоровленіе Лукулла» и пр.

[3]) См. письмо № 478.

[4]) См. «Воспоминанія» гр. В. Соллогуба М. 1866 стр. 49 Ср. письмо № 477.

этого времени Пушкинъ узналъ, что Дантесъ сдѣлалъ предложеніе его свояченицѣ Ек. Н. Гончаровой, и взялъ свой вызовъ обратно. Свадьба состоялась 10 янв. 1837 г., и друзья поэта успокоились, считая дѣло благополучно оконченымъ. Но излишнія и со стороны иныхъ злостныя старанія сблизить новыхъ родственниковъ снова все испортили; къ тому-же Пушкинъ слишкомъ явно выражалъ свое презрѣніе Геккерену и Дантесу, который продолжалъ говорить любезности Нат. Николаевнѣ. Сплетни не прекращались. Выведенный окончательно изъ терпѣнія, Пушкинъ послалъ Геккерену крайне оскорбительное письмо, на которое тотъ отвѣчалъ вызовомъ отъ имени Дантеса. Дуэль произошла 27 января, въ 5-мъ часу вечера, на Черной рѣчкѣ, при секундантахъ: секретарѣ французскаго посольства д'Аршіакѣ (со стороны Дантеса) и лицейскомъ товарищѣ Пушкина Данзасѣ. Дантесъ выстрѣлилъ первымъ и смертельно ранилъ Пушкина въ правую сторону живота; Пушкинъ упалъ, но потомъ приподнялся на руку, подозвалъ Дантеса къ барьеру, прицѣлился, выстрѣлилъ и закричалъ: браво!. когда увидалъ, что противникъ его упалъ. Но, почувствовавъ опасность своего положенія, Пушкинъ опять сталъ добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ: прежде всего онъ позаботился объ томъ, чтобъ не испугать жены, потомъ постарался узнать правду отъ докторовъ, послалъ къ государю просить прощенья для своего секунданта, исповѣдался, пріобщился, благословилъ дѣтей, просилъ пріятелей не мстить за него, простился съ друзьями и книгами, перемогалъ тяжелыя физическія страданія и утѣшалъ, сколько могъ, жену. Онъ скончался въ 3-мъ часу пополудни 29 янв. 1837 г. Его отпѣвали въ придворной Конюшенной церкви, послѣ чего А. И. Тургеневъ отвезъ его тѣло для погребенія въ Святогорскій монастырь, близъ Михайловскаго.

Русское интеллигентное общество было сильно потрясено неожиданной смертію Пушкина [1]), и даже за границей, въ Германіи и Франціи, газеты и журналы были наполняемы подробностями (часто очень фантастичными) объ его жизни и смерти. Именно съ этого момента тамъ возникаетъ болѣе или менѣе серьезный интересъ къ русской литературѣ.

Поэзія Пушкина есть прежде всего поэзія правды, и уже потому объ ней нельзя получить сколько-нибудь яснаго понятія, не

---

[1]) См., напр., у Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина» IV, 454 и слѣд.

узнавъ его, какъ человѣка. Одаренный необыкновенными способностями, впечатлительностью, живостью и энергіей, Пушкинъ чуть не съ самаго рожденія былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія, и вся его жизнь была героической борьбою съ разнообразными препятствіями. Онъ всегда возбужденъ, всегда нервенъ и рѣзокъ, самолюбивъ, часто самоувѣренъ, еще чаще ожесточенъ, но въ душѣ безконечно добръ и всегда готовъ отдать всего себя въ пользу дѣла или близкихъ людей. Дерзость его и цинизмъ (на словахъ) временами переходили границы дозволеннаго, но зато и его дѣятельная любовь къ людямъ (скрытая отъ свѣта) и его смѣлая правдивость далеко оставляли за собой предѣлы обыденнаго. Умъ, необыкновенно сильный и чисто русскій по отвращенію отъ всего туманнаго, неяснаго, характеръ прямой, ненавидѣвшій всякую фальшь и фразу, и, наконецъ, энергію, напоминавшую Петра и Ломоносова, Пушкинъ отдалъ на служеніе одному дѣлу -- родной литературѣ и сумѣлъ сдѣлать ее полнымъ выраженіемъ основъ національнаго духа и великой наставницей общества. Убѣжденный, что безъ упорнаго труда не можетъ быть ничего «истинно великаго», онъ учится всю жизнь, учится у всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ; отъ всякой литературной школы онъ беретъ все, что въ ней было лучшаго, истиннаго и вѣчнаго, откидывая слабое и временное. Но онъ не останавливается на усвоеніи; онъ ведетъ пріобрѣтенное дальше и по лучшей дорогѣ. Псевдоклассицизмъ оставилъ въ немъ наклонность къ соблюденію мѣры, къ строгому обдумыванію результатовъ вдохновенія, къ тщательности отдѣлки и къ изученію родного языка; въ послѣднемъ отношеніи онъ пошелъ болѣе вѣрнымъ путемъ, нежели академики всей Европы, вмѣстѣ взятые: онъ обратился къ исторіи языка и къ языку народному. Сентиментализмъ Бернардена, Карамзина и Ричардсона и проповѣдь Руссо натолкнули Пушкина на созданіе плѣнительныхъ образовъ простодушныхъ и любящихъ дѣтей природы. Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, доведенное до абсурда нѣмецкими романтиками, у Пушкина выразились твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ наложенныхъ цѣлей и въ его высокогуманномъ вліяніи. Баллады Бюргера и Жуковскаго, поэмы Вальтера-Скотта и «озерныхъ поэтовъ» воодушевили его къ созданію «Вѣщаго Олега», «Утопленника», «Русалки» и пр. Покло-

неніе среднимъ вѣкамъ и рыцарству явилось у него, какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ «Скупомъ рыцарѣ», «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ». Байронъ былъ долго «властителемъ его думъ»; онъ усвоилъ отъ него смѣлый и глубокій анализъ души человѣческой; но онъ нашелъ успокоеніе для его безутѣшной міровой скорби въ дѣятельной любви къ людямъ. Собственное художественное чутье и критическія положенія Лессинга, хотя и дошедшія до него черезъ третьи руки, обратили его къ изученію Шекспира и романтической драмы, которое привело его не къ слѣпому подражанію внѣшнимъ пріемамъ, а къ созданію «Бориса Годунова», «Каменнаго гостя» и др. Горячее чувство любви къ родинѣ, всегда таившееся въ его душѣ и укрѣпленное возрожденіемъ идеи народности въ западной Европѣ, привело его не къ квасному патріотизму, не къ китайскому самодовольству, а къ изученію родной старины и народной поэзіи, къ созданію «Полтавы», сказокъ и пр. Пушкинъ сталъ вполнѣ европейскимъ писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался русскимъ народнымъ поэтомъ, такъ какъ только тогда онъ могъ сказать Европѣ свое новое слово. Глубокоискренняя его поэзія всегда была реальна въ смыслѣ вѣрности природѣ и всегда представляла живой и вліятельный протестъ, какъ противъ академической чопорности и холодной условности, такъ и противъ сентиментальной фальши; но сперва она изображала только красивую сторону жизни. Позднѣе, руководимый собственнымъ чувствомъ, хотя и не безъ вліянія западныхъ образцовъ, онъ становится реалистомъ и въ смыслѣ всесторонняго воспроизведенія жизни, при чемъ, однако, у него, какъ у истиннаго художника, и обыденная и даже печальная дѣйствительность остается прекрасной, такъ какъ она проникнута внутреннимъ свѣтомъ любящей души человѣческой. Защита униженныхъ и оскорбленныхъ никогда не переходитъ у него въ искусственный паѳосъ и въ антихудожественную тенденціозность. Глубокая правдивость его чувства и здоровый складъ ума возвышаетъ его надъ всѣми литературными школами. Онъ вѣрно опредѣляетъ себя, говоря: «я въ литературѣ скептикъ, чтобы не сказать хуже, и всѣ ея секты для меня равны».

Пушкинъ былъ создателемъ русской критики, безъ которой, по его убѣжденію, немыслима вліятельная литература. «Состояніе критики, — пишетъ онъ, — показываетъ степень образованности всей литературы»; отъ нея зависитъ «общее мнѣніе», главная движущая

сила въ цивилизованной странѣ; она служитъ безупречнымъ показателемъ духовнаго прогресса народа. Самъ поэтъ, опираясь на свое близкое знакомство съ французской и англійской литературами, разбираетъ современныя ихъ явленія, какъ «власть имѣющій», съ полною вѣрою въ правоту свою.

Въ отечественной литературѣ онъ преслѣдуетъ педантизмъ (Каченовскаго и отчасти Надеждина), легкомысленную самоувѣренность (Н. Полевого), а болѣе всего унижающій ее индустріализмъ (Булгарина и К°), и если иные осуждаютъ его за это, какъ за работу, его недостойную, другіе справедливѣе видятъ въ этомъ дѣло высокополезное и сравниваютъ Пушкина съ трудолюбивымъ американскимъ колонистомъ, «который одною рукою воздѣлываетъ поле, а другою—защищаетъ его отъ набѣговъ дикихъ». Пушкинъ первый оцѣнилъ и Гоголя, и Кольцова, и нѣсколькихъ другихъ младшихъ писателей, которыхъ впослѣдствіи такъ неумѣстно противупоставляли ему. Онъ, между прочимъ, для того и задумалъ «Современникъ», чтобы создать настоящую русскую критику и для перваго же его № вдохновилъ Гоголя къ его извѣстной статьѣ: «О движеніи журнальной литературы» и пр. Тогда же онъ одинъ изъ всего своего кружка оцѣнилъ талантъ и предугадалъ будущее значеніе юнаго Бѣлинскаго и мечталъ отдать ему критическій отдѣлъ въ своемъ журналѣ.

Пушкинъ, наконецъ, завершилъ великій трудъ, начатый Ломоносовымъ и продолженный Карамзинымъ—созданіе русскаго литературнаго языка. Такое, повидимому, неблагопріятное обстоятельство, что въ дѣтствѣ онъ свободнѣе владѣлъ французскимъ языкомъ, чѣмъ роднымъ, принесло ему только пользу: начавъ писать по-русски, онъ тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ правильной русской рѣчи, съ болѣе строгой критикой относился къ каждой своей фразѣ, часто къ каждому слову, и стремился овладѣть русскимъ языкомъ всесторонне; а при его способностяхъ, умѣньѣ взяться за дѣло и энергіи, стремиться значило достигнуть. Онъ изучилъ языкъ простого народа какъ поэтическій, такъ и дѣловой, не пренебрегая и говорами; ради языка онъ проштудировалъ всѣ памятники старины, какіе только могъ достать, не исключая и напыщеннаго штиля одописцевъ XVIII в., и скоро доработался до такихъ положеній, которыя стали общепринятыми только черезъ два поколѣнія послѣ него. Уже въ 1830 г. онъ пи-

салъ: «Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку». Онъ горячо возставалъ противъ условности, педантизма и фальши такъ называемаго правильнаго и изящнаго языка и, послѣ появленія Гоголя, настойчиво требовалъ расширенія границъ литературной рѣчи. Онѣ и расширились и прежде всего въ томъ направленіи, въ какомъ желалъ Пушкинъ; но все же и теперь, черезъ 66 лѣтъ послѣ его смерти, пушкинскій стихъ и проза остаются для насъ рѣдко достигаемымъ идеаломъ чистоты, силы и художественности.

ПУШКИНЪ.

(Рѣчь, читанная 26 мая 1899 г. въ Московской Консерваторіи.)

Ровно сто лѣтъ назадъ на одной изъ московскихъ окраинъ, въ довольно богатой. но безпорядочной дворянской семьѣ родился ребенокъ которому было суждено возбудить впервые самосознаніе новаго, послѣпетровскаго русскаго общества, *создать* новую русскую литературу, достойную даровитаго многомилліоннаго народа. Необходимая, спасительная, но насильственная и тяжелая реформа Петра разорвала Россію на двѣ неравныя части: малочисленныхъ, но всю власть имѣющихъ полуевропейцевъ и безгласныхъ овецъ, оставшихся вѣрными національнымъ преданіямъ.

Прошло больше полустолѣтія послѣ смерти Петра Великаго, и рознь между пастырями и пасомыми не уменьшалась, а напротивъ усиливалась. «Птенцы гнѣзда Петрова» и ихъ ближайшие наслѣдники хотя и одѣвались въ иностранные мундиры, изучали заморскія науки и говорили между собой о дѣлахъ на какомъ—то тарабарскомъ языкѣ, все же въ душѣ оставались русскими людьми, и какой-нибудь генералъ-*аншефъ* изъ *конфидентовъ* Волынскаго, попадавшій при неудачѣ своихъ *негоцій*, несмотря на одержанныя имъ *викторіи*, въ ссылку въ отдаленныя свои вотчины, быстро облекался въ отцовскій теплый тулупчикъ и садился за прадѣдовскія минеи-четьи. Не то было при Екатеринѣ II и ея либеральномъ внукѣ: полуевропейцы сдѣлались *почти* европейцами, и созданное ею по образцу европейскаго дворянство отдѣлилось отъ русскаго народа языкомъ, вѣрою, всѣмъ складомъ жизни своей, всѣмъ, что составляетъ сущность человѣка. Настоящій русскій баринъ конца прошлаго столѣтія больше похожъ на парижскаго буржуа, на англійскаго сквайра, на мальтійскаго рыцаря, наконецъ, чѣмъ на *русскаго*. А

между тѣмъ огромное большинство этихъ баръ хотятъ и умѣютъ служить своей родинѣ: они честно умираютъ за нее на поляхъ сраженій; они энергично работаютъ въ дипломатическихъ канцеляріяхъ для соблюденія ея выгодъ; они мечтаютъ (и иногда не безплодно) объ устраненіи ея соціальныхъ болѣзней: невѣжества, крѣпостного права, неправосудія, даже *чужебѣсія*; лучшіе изъ нихъ гордятся именемъ *русскаго*, стремятся изучать русскій народъ и просвѣщать его, изо всѣхъ силъ трудятся надъ созданіемъ родной литературы, но, конечно, по чужому шаблону,—своего, оригинальнаго у нихъ нѣтъ почти ничего.

Какова была *въ общемъ* эта литература и вліятельнѣйшая часть ея—словесность художественная, всего нагляднѣе, по-моему, можно показать на такомъ фактѣ: за 17 лѣтъ до рожденія Пушкина поэтъ Державинъ, стихами пробившій себѣ дорогу къ славѣ и почестямъ, восхваляя Екатерину за ея гуманность и здравомысліе говоритъ ей:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Остановимся на минуту на этомъ сравненіи, одномъ изъ удачнѣйшихъ сравненій Державина, которому самъ Бѣлинскій, такъ жестоко громившій одописцевъ XVIII вѣка, не отказывалъ въ истинномъ талантѣ.

Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Въ жаркій лѣтній день что можетъ быть пріятнѣе лимонада, да еще вкусно сдѣланнаго? Но замѣнитъ ли этотъ лимонадъ кусокъ хлѣба для голоднаго? свѣтъ для того, кто бродитъ во тьмѣ? Вспомнитъ ли о лимонадѣ человѣкъ, сильно взволнованный, занятый серьезнымъ дѣломъ? Конечно, нѣтъ. Что же это? насмѣшка надъ поэзіей или надъ Екатериной? Ни то, ни другое, а правда, да и такая правда, которую въ то время вовсе не считали горькой. Тогда не только въ юномъ русскомъ обществѣ, но и въ массѣ общества европейскаго поэзія считалась забавой празднаго ума, невиннымъ развлеченіемъ, и, за немногими счастливыми исключеніями она стояла въ уровень съ такимъ пониманіемъ ея. Это была та ходульная, наемная поэзія, которая прославляла побѣды великаго короля Людовика XIV прежде, чѣмъ онѣ были одержаны, которая безъ зазрѣнія совѣсти возвеличивала подвиги убійцъ Варѳоломеев-

ской почи или, потомъ перемѣнивъ имена, восхваляла въ тѣхъ-же выраженіяхъ Генриха IV и его гуманныхъ министровъ. Это была та поэзія, производство которой возлагалось, какъ обязанность, при дворахъ на искуснѣйшихъ въ словесныхъ наукахъ профессоровъ, а у богатыхъ дворянъ на домашнихъ учителей и приживальщиковъ, и тѣ, по выраженію Ломоносова, «дѣлали стихи» на разные торжественные случаи: дни рожденія, бракосочетанія, похороны, открытія памятниковъ, празднованія побѣдъ и пр. «Производили» себя въ обществѣ стишками въ ранней молодости и люди независимые; писали повѣсти и нравоучительные романы, помѣщали въ журналахъ свои разсужденія или издавали ихъ отдѣльными книжками и сановники, но только въ часы досуга, отдохновенія; а кто посвящалъ *всю* свою дѣятельность литературѣ, кто смотрѣлъ на нее, какъ на руководительницу общества, какъ на дѣло серьезное и великое, того считали чудакомъ, чуть не мономаномъ.

Дѣлать такіе *стишки*, исполненные придуманныхъ восторговъ и холоднаго пафоса, сочинять такія пустопорожнія разсужденія учили въ школѣ и Пушкина. Даже ему самому, когда онъ былъ на старшемъ курсѣ и уже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими стихотвореніями, поручали сочинять кантаты на высокоторжественные случаи и награждали его за нихъ, какъ наемнаго піиту. Много нужно было энергіи, вѣры въ дѣло и въ себя, чтобы при такомъ *общемъ* взглядѣ на русскую литературу—нѣсколько счастливыхъ исключеній не могутъ итти въ разсчетъ—отдать себя всецѣло на служеніе ей. Нуженъ былъ геній, какіе родятся вѣками; нужна была настойчивость свышечеловѣческая, чтобы заставить общество увидѣть въ литературѣ ни съ чѣмъ несравнимое по силѣ орудіе просвѣщенія и прогресса. И Пушкинъ въ свою короткую жизнь совершилъ это дѣло.

Теперь, черезъ 62 года послѣ смерти Пушкина, легко подыскать доказательства того, что судьба была необыкновенно благосклонна къ поэту, сама вела его и всѣми силами помогала ему. Рожденіе въ интеллигентной литературной семьѣ, дружба его дяди съ тогдашними корифеями поэзіи, воспитаніе въ лицеѣ, гдѣ были сильны литературныя традиціи московскаго благороднаго пансіона, прекрасное знаніе французскаго языка и литературы, удивительная, почти феноменальная память, доброе вниманіе Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, необыкновенная благосклонность публики, которой до-

нельзя надоѣло все фальшивое и напускное, къ первой поэмѣ Пушкина, сильныя и разнообразныя впечатлѣнія юга Россіи, деревенская скука, поневолѣ приковывавшая его къ письменному столу, съ 1826 г. безпримѣрная ласка молодого императора, затѣмъ масса даровитыхъ сотрудниковъ, вообще вниманіе и уваженіе къ пробуждающейся умственной жизни,—все это факты несомнѣнные; но, во-первыхъ, почти каждый изъ нихъ имѣетъ себѣ противовѣсъ въ фактѣ совсѣмъ иной категоріи, а, во-вторыхъ, этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ было достаточно для того, чтобы создать Пушкина, автора нѣсколькихъ десятковъ прелестныхъ лирическихъ стихотвореній и раннихъ поэмъ его. Но этого слишкомъ мало, чтобы создать Пушкина, автора Онѣгина и Годунова, автора народныхъ сказокъ, Пушкина, нашего перваго критика, перваго *ученаго* литератора, перваго истиннаго журналиста на Руси, Пушкина, создавшаго *новую русскую литературу*, *достойную многомилліоннаго народа русскаго.*

Прошло всего 20 лѣтъ со времени выхода Пушкина изъ школы до его преждевременной смерти, и *общая* картина русской литературы измѣнилась до неузнаваемости. Самые способные молодые люди устремились толпами на литературное поприще; званіе *сочинителя*, до тѣхъ поръ чуть не позорное, стало высоко почетнымъ [1]). Число читателей у насъ увеличилось въ сотни разъ; число литераторовъ-спеціалистовъ почти настолько же. Для многихъ литература стала средствомъ къ существованію: издателей журналовъ она даже обогащала. Она начала управлять общественнымъ мнѣніемъ, и «забава ума» оказалась крупной и почтенной силой, съ которой нельзя было не считаться самому могущественному правительству. Наша словесность стала привлекать вниманіе Европы и оказалась вполнѣ достойна ея.

Я, конечно, не буду увѣрять, что такой огромный шагъ впередъ русская литература совершила благодаря одному только Пушкину. Этотъ шагъ былъ подготовленъ дѣятельностью прежнихъ поколѣній; для него трудились *сотни* талантливыхъ людей въ Пушкинскій періодъ. Но все же этотъ періодъ недаромъ называется

[1]) Приведу одинъ, но общеизвѣстный и характерный фактъ: хвастунъ и пустомеля Хлестаковъ столько же гордится своей предполагаемой дружбой съ министрами и посланниками, сколько и панибратствомъ съ писателями. Развѣ это было мыслимо до Пушкина?

Пушкинскимъ. Пушкинъ былъ самымъ энергичнымъ его работникомъ, самымъ яркимъ, геніальнымъ его представителемъ.

Прежде всего онъ оказалъ огромное вліяніе своимъ личнымъ примѣромъ, всею жизнью своею: дворянинъ стариннаго рода, царскій воспитанникъ, юноша съ огромными способностями и честолюбіемъ, онъ могъ бы избрать себѣ любую карьеру; но съ ранней молодости онъ не хочетъ быть ничѣмъ, кромѣ писателя, и ко времени полной зрѣлости своего таланта добивается однимъ перомъ своимъ безпримѣрно-высокаго положенія, какого не достигалъ никто до него.

Далѣе, Пушкинъ, то политично-любезный, то негодующе-рѣзкій и всегда сознательно гордый и смѣлый въ своихъ отношеніяхъ къ наиболѣе высокопоставленнымъ людямъ, былъ необыкновенно остороженъ и деликатенъ, ласковъ и услужливъ и въ то же время товарищески простъ съ гувернеромъ полуидіота кн. Васильчикова, Н. Гоголемъ, и съ воронежскимъ мѣщаниномъ-скотопромышленникомъ, Кольцовымъ, только потому, что провидѣлъ въ нихъ талантливыхъ литераторовъ.

Для того, чтобы быть поэтомъ, прежде считалось достаточно одного таланта. Тогда говорили:

> Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье:
> Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье.

Пушкинъ еще въ 15 лѣтъ проявилъ талантъ незаурядный; но именно съ того времени онъ и начинаетъ усиленно учиться и работать. И какъ работаетъ онъ среди всѣхъ треволненій жизни своей?! Онъ выучивается одинъ по-англійски и по-итальянски, по польски, учится по-гречески и по-испански. Въ Кишиневѣ онъ работаетъ ежедневно по нѣскольку часовъ съ такимъ напряженіемъ, какъ молодой ученый наканунѣ магистерскаго экзамена. Въ Одессѣ онъ начинаетъ систематически собирать библіотеку и поглощаетъ сотнями свои и чужія книги. Во время многочисленныхъ переѣздовъ своихъ онъ готовъ проужинать съ пріятелемъ до 2—3 часовъ утра, но этотъ пріятель можетъ быть твердо увѣренъ, что, проснувшись утромъ, найдетъ Пушкина бодрствующимъ съ карандашемъ въ рукахъ и массой уже исписанныхъ листочковъ. «Книгъ, ради Бога, книгъ!» молитъ онъ въ каждомъ письмѣ брата изъ Михайловскаго.

Его библіотеку и бумаги везли на 12 подводахъ [1]). Достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на его рукописи, чтобы видѣть, съ какимъ тщаніемъ этотъ великій мастеръ стиха, писавшій, повидимому, съ такой небывалой легкостью, отдѣлывалъ каждую строчку, перемѣняя слова по пяти, по десяти разъ. Можно себѣ представить, какъ такое отношеніе Пушкина къ дѣлу вліяло на нашу талантливую молодежь его и послѣдующаго періода: если самъ геніальный Пушкинъ *такъ* трудится, какъ же должны работать мы, имѣющіе ничтожную крупицу его таланта?

Въ частности Пушкинъ оказалъ огромное вліяніе своимъ примѣромъ на труды послѣдующихъ поколѣній надъ отечественнымъ языкомъ. Его учителя дорожили чистотой и красотой языка, но понимали эту красоту узко и односторонне. Пушкинъ пошелъ по новой дорогѣ и дальше, нежели академики всей Европы, вмѣстѣ взятые: онъ обратился къ *исторіи языка* и къ языку народному, и онъ, именно онъ одинъ, создалъ нашу новую литературную рѣчь, простую, ясную, звучную и гибкую, которой пользуемся до сихъ поръ мы и будутъ долго пользоваться наши потомки.

Пушкинъ своимъ геніемъ и трудолюбіемъ дошелъ до серьезнаго изученія старины и народности, до котораго западная наука доработалась послѣ долгой борьбы; подъ его вліяніемъ наши народныя сказки, пѣсни, вѣрованія стали возбуждать всеобщій интересъ, и наша когда-то экзотическая, искусственная литература сдѣлалась національной, истинно русской.

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, но я твердо убѣжденъ, что Пушкинъ сталъ вполнѣ *европейскимъ* писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался *русскимъ народнымъ* поэтомъ. Какъ въ жизни обыденной уваженіе можетъ возбудить только человѣкъ, который самъ себя уважаетъ, такъ и среди народовъ только тотъ народъ обращаетъ на себя почтительное вниманіе другихъ, который не отказывается отъ своей самостоятельности. Русскіе интеллигентные люди, стыдившіеся своей національности или не имѣвшіе о ней понятія, не могли дѣлаться европейцами, хотя и переставали быть русскими. Настоящій европеецъ (а не *международная обшмыга*, по рѣзкому, но мѣткому выраженію Достоевскаго)—только тотъ, кто сознаетъ свою роль, какъ *предста-*

[1]) «Русск. Ст.» 1899, май, стр. 274.

вителя известной національности въ общемъ дѣлѣ европейской, т.-е. общечеловѣческой цивилизаціи. Наши поэты до Пушкина, копировавшіе французовъ или нѣмцевъ, не были европейскими, потому что не могли сказать Европѣ ничего новаго, и въ Европѣ о нашей литературѣ тогда знали не больше, чѣмъ мы о японской. Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», въ «Борисѣ Годуновѣ», въ своихъ сказкахъ, въ «Капитанской дочкѣ» и во многихъ лирическихъ пьесахъ сказалъ *свое слово* и тѣмъ вывелъ нашу литературу въ семью европейскихъ литературъ, подобно тому, какъ Петръ ввелъ Россію въ семью европейскихъ государствъ. Теперь, когда имена Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого гремятъ по всей Европѣ, и ихъ произведенія расходятся сотнями тысячъ за Атлантическимъ океаномъ, когда наша старая учительница Франція даже жалуется на излишекъ художественнаго вліянія, на *давленіе* со стороны младшей изъ учениць своихъ — литературы русской, мы можемъ откинуть излишнюю скромность и сказать съ увѣренностью, что и русская литература *двигаетъ впередъ* мысль человѣчества. Я не скажу, что и это сдѣлалъ одинъ Пушкинъ; но смѣло могу утверждать, что Пушкинъ былъ первымъ вліятельнымъ проводникомъ русской народности въ Европѣ; онъ, руководитель и учитель послѣдующихъ поколѣній русскихъ писателей, началъ великое *міровое* дѣло; а даровитые и усердные ученики его съ честью продолжали его дѣло и тѣмъ сполна заплатили нашъ долгъ европейской культурѣ.

Въ какомъ-же направленіи происходитъ это движеніе? Въ чемъ именно наша послѣпушкинская литература содѣйствуетъ прогрессу человѣчества? Самъ Пушкинъ въ моментъ пророческаго просвѣтленія такъ опредѣлилъ свою задачу, а стало быть и задачу своихъ послѣдователей:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ прославилъ я свободу
И *милость къ падшимъ* призывалъ.

Самый даровитый и вліятельный изъ непосредственныхъ учениковъ его, Гоголь, комментируя слова эти, говоритъ:

«Стоитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы облегчить участь какого-нибудь из-

гнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ *упадшемъ! Черта истинно-русская!»*.

Еще 20-лѣтнимъ юношей Пушкинъ ратуетъ за освобожденіе крестьянъ и пророчески восклицаетъ:

> Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
> И рабство, падшее по манію царя?
> И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
> Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

Всю свою жизнь Пушкинъ ратуетъ за свободу мысли, свободу слова, свободу чувства для всѣхъ безъ исключенія; онъ и за періодъ пылкаго увлеченія байронизмомъ устами стараго цыгана жестоко осуждаетъ насильника Алеко, который *для себя лишь хочетъ воли*. Въ періодъ полнаго развитія своего генія и освобожденія отъ всѣхъ чужихъ вліяній онъ, и одинъ онъ, умѣетъ соединять и смѣло высказывать и искреннюю, неподкупную привязанность къ освободившему его мысль государю, и столь же искреннюю и глубокую любовь и почтеніе къ несчастнымъ противникамъ этого государя, страдавшимъ «во глубинѣ сибирскихъ рудъ».

Милость къ падшимъ проповѣдывалъ Пушкинъ всю жизнь свою. Уже героиня «Кавказскаго плѣнника»—измѣнница и преступница, по понятіямъ своего народа, и падшая дѣвушка, по понятіямъ европейскимъ; но она изображена такъ, что вовсе не нуждается въ милости. «Братья-разбойники» — зловредные отбросы человѣчества; и въ изображеніи Пушкина они возбуждаютъ жалость и сочувствіе. Намъ жаль и Зарему, убійцу кроткой Маріи. Въ «Цыганахъ» наша симпатія всецѣло на сторонѣ измѣнившей мужу Земфиры, но намъ глубоко жалокъ и несчастный убійца. Въ «Капитанской дочкѣ» поэтъ «извергу естества» Пугачеву придаетъ доброе сердце и глубоко поэтическую душу, а героиней, возстановительницей правды, дѣлаетъ необразованную дѣвушку, которая не умѣетъ связать двухъ словъ, Въ «Дубровскомъ» его герой—отверженникъ общества, придорожный разбойникъ, жертва неправосудія и дикаго помѣщичьяго произвола и т. д., и т. д.

Художественная проповѣдь уничтоженія рабства въ Россіи, свободы мысли и чувства, безусловной свободы искусства, дѣятельной любви къ несчастнымъ, «униженнымъ и оскорбленнымъ», глубокій

сочувственный анализъ самыхъ, повидимому, преступныхъ или слабыхъ душъ, проповѣдь христіанскаго всепрощенія и братства являются руководящими, основными идеями всей нашей, на Пушкинѣ воспитавшейся литературы. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой и сотни другихъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей, — всѣ они являются честными, убѣжденными бойцами за всеобщее право на любовь и сочувствіе, горячими противниками всякой вражды и розни, національной, партійной, сословной, проповѣдниками *всечеловѣчности*, какъ выражался Достоевскій, слова, и въ этомъ отношеніи всѣ они—прямые ученики Пушкина.

Правда, все, что есть лучшаго въ западной литературѣ нашего столѣтія: Байронъ, В. Скоттъ, Гейне, Ж. Зандъ, Диккенсъ, Флоберъ, Додэ и т. д., и т. д., служили тѣмъ-же идеямъ просвѣщенія, свободы личности и гуманности; но едва ли въ какомъ другомъ народѣ возможна такая рѣшительная и смѣлая постановка роковыхъ вопросовъ и такая горячая вѣра въ чистоту человѣческой природы, какъ хотя бы въ той повѣсти великаго старца Льва Толстого «Воскресеніе», за ходомъ которой теперь слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ весь читающій міръ, а развѣ можно отвергать прямую родственную связь между чисткой души кн. Нехлюдова и страданіями пушкинскихъ скитальцевъ?

Итакъ, великій трудъ Пушкина не пропалъ даромъ; завѣтныя мечты его исполнились; слава его не померкла, а горитъ ярче и шире, чѣмъ когда-нибудь; столѣтній юбилей его собираетъ всѣхъ насъ, и большихъ и малыхъ, безъ различія сословій и партій, въ одну *дружную*, *любящую и гордую его именемъ семью.*

ПУШКИНЪ И МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(Читано 26 мая 1899 г. въ Московскомъ университетѣ).

Поэтъ Гейне разсказываетъ въ своихъ Англійскихъ Фрагментахъ такую исторію—не знаю, истинную или вымышленную. Разъ въ лондонской гавани попалъ онъ на бортъ большого индостанскаго корабля, который только что пришелъ изъ Бенгаліи съ массой пассажировъ. Странныя фигуры и группы, яркіе, пестрые костюмы, загадочное выраженіе темноватыхъ и желтыхъ лицъ, удивительныя тѣлодвиженія и позы, чудные звуки непонятнаго языка, огромные черные глаза, смотрѣвшіе съ тоской и печалью,—все это перенесло поэта въ иной міръ, міръ сказокъ Шехеразады, и ему почудились широколиственныя пальмы, длинношеіе верблюды, покрытые золотыми попонами слоны. Бывшій на бортѣ англійскій шкиперъ съ чисто-британской ограниченностью началъ разсказывать поэту, какой это все глупый народъ, чистые магометане, собранные съ разныхъ концовъ Азіи, отъ границъ Китая до Аравійскаго залива.

Поэту скоро надоѣла болтовня самодовольнаго сына западной цивилизаціи, а кусочекъ востока, пестро разстилавшійся передъ его глазами, доставлялъ невыразимое наслажденіе его утомленной европейскимъ однообразіемъ душѣ. Онъ смотрѣлъ на пріѣзжихъ съ горячей любовью и хотѣлъ бы имъ выразить свое чувство, хотѣлъ бы сказать имъ что-нибудь пріятное, но онъ, къ сожалѣнію, не зналъ ни слова ни на одномъ восточномъ языкѣ. Онъ видѣлъ, что его симпатія вызвала симпатію съ ихъ стороны, но и они были для него нѣмы. Наконецъ Гейне нашелъ средство: онъ сдѣлалъ почтительный привѣтственный знакъ рукою и сказалъ: М а г о м е т ъ. Радость заблистала на темныхъ лицахъ; они сложили крестообразно руки и, въ отвѣтъ поэту, съ тѣмъ же выраженіемъ почтенья назвали имя *Бонапарта*.

Сегодня и у насъ есть такое священное имя, объединяющее всѣ наши партіи, всѣ сословія и возрасты, собирающее въ одну дружную семью милліоны грамотныхъ русскихъ людей, и едва ли кто изъ насъ будетъ сѣтовать, что это не имя завоевателя, а имя героя мирнаго труда, художника и мыслителя. Нынѣшній день празднуютъ всѣ большіе и малые центры земли русской, и, естественно, это обще-русское празднество должно быть ярче, живѣе, сильнѣе тамъ, гдѣ Пушкинъ жилъ и дѣйствовалъ: въ Петербургѣ, въ Одессѣ, въ Кишиневѣ, а прежде всего на родинѣ Пушкина, въ старой Москвѣ.

Пульсъ умственной жизни ея уже больше ста лѣтъ бьется здѣсь, въ стѣнахъ Московскаго университета. Какіе бы тяжелые дни ни переживалъ онъ въ настоящее время, онъ не можетъ не стать во главѣ московскихъ торжествъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть умственной жизни Пушкина такъ или иначе тѣсно связана съ нашей многострадальною, старою матерью—питательницей. Я приведу только главные факты.

Родители не готовили Пушкина въ университетъ и не отдали его въ Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ воспитывался Жуковскій, по причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Но уже въ раннемъ дѣтствѣ, какъ только будущій поэтъ начинаетъ помнить себя, онъ видитъ въ кабинетѣ отца питомцевъ нашего Университета и его Пансіона, введенныхъ туда благодушнымъ Василіемъ Львовичемъ, его дядей, и молча присутствуетъ забившись въ уголъ дивана, при ихъ литературныхъ и иныхъ бесѣдахъ, можетъ быть, не всегда подходящихъ для впечатлительнаго 10-лѣтняго мальчика.

Одному изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ московскихъ студентовъ Александру Ивановичу Тургеневу, Пушкинъ, по свидѣтельству отца (*Р. Стар. 1899*, май, стр. 365), всецѣло обязанъ поступленіемъ въ Царскосельскій Лицей. Александръ Тургеневъ связанъ съ нашимъ университетомъ тройными узами: во-первыхъ, онъ былъ сынъ директора Университета Ивана Петровича Тургенева, стараго пріятеля Новикова, члена «Дружескаго Общества»; во-вторыхъ, онъ воспитывался въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Блудовымъ, и въ третьихъ, наконецъ, въ 1803 г. онъ поступилъ въ студенты Московскаго университета.

Устроивъ Пушкина въ лицеѣ, Александръ Тургеневъ, въ то время уже довольно важный петербургскій чиновникъ, беретъ ребенка—поэта, такъ сказать, подъ свою опеку и, по мѣрѣ развитія таланта Пушкина, привязывается къ нему все болѣе и болѣе. Онъ съ любовью слѣдитъ за первыми его шагами на литературномъ поприщѣ, гордится его успѣхами [1]). Онъ вводитъ его въ «Арзамасъ», а когда Пушкинъ, по выходѣ изъ лицея, поселяется въ Петербургѣ, Тургеневъ видится съ нимъ ежедневно, поминаетъ его чуть не въ каждомъ письмѣ къ кн. Вяземскому, слѣдитъ съ отцевской нѣжностью за всѣми перемѣнами въ его настроеніи [2]), даже за измѣненіями въ его наружности [3]), знаетъ всѣ его эпиграмы, старается почаще сводить его съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и др. Самъ человѣкъ серьезный и корректный во всѣхъ отношеніяхъ, Тургеневъ горюетъ о слишкомъ разсѣянной жизни Пушкина и всѣми силами старается, какъ говоритъ онъ, «посадить Сверчка (Арзамасскій псевдонимъ Пушкина) на шестокъ [4])»; только плохо ему это удается!

Можно бы думать, что неудача заставитъ его махнуть на Пушкина рукой, отдалиться отъ него, какъ отдалился благодушный Карамзинъ, отнесшійся впослѣдствіи къ бѣдѣ Пушкина съ нѣкоторомъ даже злорадствомъ (да и кто можетъ обвинить его за это?! Извѣстно, что къ подобному чувству способенъ даже родной отецъ, совѣтовъ котораго не слушаетъ буйный сынъ). Нѣтъ, Тургеневъ не таковъ: онъ даже передъ Вяземскимъ старается оправдать Пушкина во всѣхъ его жизненныхъ и литературныхъ эксцессахъ [5]); онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ появленія поэмы Пушкина, извѣщаетъ московскаго друга о каждой пѣсни ея, заранѣе восхищается ею; онъ убѣжденъ, что послѣ ея напечатанія, увидѣвъ себя въ числѣ уважаемыхъ авторовъ, Пушкинъ остепенится и станетъ самъ уважать себя. Тургеневъ—человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій, и онъ въ отчаяніи отъ вольномыслія юнаго поэта въ этомъ отношеніи [6]); но и для этого онъ находилъ оправданіе въ условіяхъ воспитанія Пушкина.

---

1) Остаф. Арх. I, стр. 47.
2) Ibib. стр. 200 и др.
3) Ibid. 293.
4) Ibid. 89.
5) Ibid. 280.
6) Ibid. 228.

Мы не знаемъ, какъ отнесся Тургеневъ къ высылкѣ Пушкина изъ столицы. Но мы навѣрно знаемъ изъ письма самого Пушкина[1]), что именно Тургеневу поэтъ обязанъ своимъ переводомъ изъ «азіатскаго» Кишинева въ европейскую Одессу; оттуда Пушкинъ, высоко цѣня его мнѣніе, пересылаетъ ему лучшія строфы своего «Наполеона», своего «Сѣятеля» и извѣщаетъ его одного изъ первыхъ о началѣ «Онѣгина[2])». Связь Тургенева съ Пушкинымъ не прекращалась всю жизнь поэта (Тургеневъ между прочимъ, участвовалъ въ его Современникѣ). Она не прекратилась даже и смертью Пушкина: вамъ извѣстно, что 6 февраля 1837 г. Александръ Ивановичъ Тургеневъ привезъ его тѣло на мѣсто послѣдняго успокоенія.

12-ти-лѣтній Пушкинъ поступилъ въ закрытое, привилегированное, аристократическое учебное заведеніе, которое по всему своему складу должно было представлять собою чуть не противоположность нашему всесословному университету съ грубоватыми нравами того времени, съ его бородатыми семинаристами и съ юными богачами, которые разъѣзжали на собственныхъ парахъ и доставляли такъ называемые «безгрѣшные доходы» профессорамъ своимъ. Но Пушкинъ и въ Царскосельскомъ лицеѣ оказался окруженнымъ традиціями Московскаго университета и именно лучшихъ его годовъ изъ прошлаго столѣтія,—годовъ Шварца и Новикова.

Во-первыхъ въ лицей вмѣстѣ съ Пушкинымъ было принято нѣсколько младшихъ воспитанниковъ московскаго университетскаго пансіона, а съ ними перешли въ среду первыхъ лицеистовъ и вкусъ и страсть къ русской словесности, усиленно поощряемые начальствомъ лицея[3]). Подъ этимъ пансіонско-университетскимъ вліяніемъ Пушкинъ, котораго товарищи прозвали «французомъ», быстро оставляетъ свои упражненія во французскомъ стихотворствѣ и переходитъ къ русской поэзіи.

Далѣе, устроителемъ и первымъ директоромъ лицея былъ Василій Өедоровичъ Малиновскій, студентъ Московскаго универси-

---

[1]) № 49.

[2]) Въ послѣднемъ письмѣ Тургеневу изъ Одессы (№ 71), Пушкинъ обращается къ нему съ эпитетами: *милый* и *почтенный*; такихъ словъ онъ никому не говорилъ безъ основанія.

[3]) Въ 1811 г. даже журналы въ библіотеку лицея выписывались московскіе: Вѣстникъ Европы, Моск. Вѣдомости и др.

тета, и литераторъ, братъ еще болѣе извѣстнаго московскаго литератора и археолога, предсѣдателя Общества исторіи и древностей россійскихъ, Алексѣя Малиновскаго. Малиновскіе сыновья университетскаго священника, близкаго пріятеля Карамзина. Директоръ Малиновскій, первый истинный воспитатель Пушкина, много и съ успѣхомъ занимался языками и иностранными литературами; онъ не только превосходно зналъ по-англійски, но читалъ и по-турецки, и по-еврейски и оставилъ цѣлый рядъ переводовъ изъ Ветхаго Завѣта. По словамъ его біографа, его выдающимися свойствами были добродушіе, кротость, мечтательность, склонность къ уединенной и созерцательной жизни, т. е. именно тѣ черты, которыя составляли характерныя особенности учениковъ Новикова и Шварца и всѣхъ лучшихъ масоновъ.

Благотворное вліяніе московскихъ студентовъ, Малиновскаго и Тургенева, и раннюю дружбу съ Жуковскимъ, лучшимъ воспитанникомъ Университетскаго Пансіона, нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ, воспитанный на Вольтерѣ и пережившій въ юности эпоху Фотія и Голицына, когда искренно вѣрующіе, воспитанные въ благочестивыхъ семьяхъ люди становились противниками принудительнаго благочестія, хоть и позволялъ себѣ временами «ради краснаго слова» издѣваться надъ самыми священными предметами, въ глубинѣ души оставался всю жизнь свою истиннымъ христіаниномъ, болѣе христіаниномъ, чѣмъ всѣ великіе и малые инквизиторы на свѣтѣ. Преподавателемъ русской и латинской словесности въ лицеѣ былъ Николай Өедоровичъ Кошанскій, окончившій въ Московскомъ университетѣ два факультета—юридическій и философскій, магистръ и докторъ философіи и свободныхъ наукъ[1]), бывшій преподавателемъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, выступившій на литературное поприще еще въ бытность свою студентомъ.

Имя Кошанскаго всѣмъ намъ хорошо знакомо съ юности по Бѣлинскому, которому еще приходилось бороться съ его учебниками, такъ какъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ они считались авторитетомъ не только въ школѣ, что было вполнѣ естественно, но и въ кружкахъ тружениковъ такъ наз. *изящной словесности*, что было совершенно неестественно послѣ Пушкина и во время Гоголя. Какъ школь-

---

[1]) Его докторская, по-латыни написанная, диссертація посвящена мису о Пандорѣ и его изображенію въ памятникахъ искусства.

ный учебникъ по физикѣ или исторіи не можетъ сообщить ея послѣдняго слова, такъ и учебникъ *словесности* не можетъ идти въ уровень со современной, текущей литературой, находящейся по нѣмецкому выраженію, im Werden. Поверхностному читателю Бѣлинскаго Кошанскій можетъ представиться литературнымъ старовѣромъ, педантомъ, который въ искусствѣ интересуется только холодной правильностью формы; такое представленіе какъ будто подкрѣпляется тѣмъ, что Кошанскій аттестовалъ Пушкина не какъ отличнаго по успѣхамъ, а только какъ средняго ученика. Но надо быть очень наивнымъ въ педагогіи, чтобы не знать, что аттестація успѣховъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ мнѣнію учителя о степени талантливости учащагося. Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы Кошанскій сдѣлался сухимъ педантомъ подъ старость [1]); но мы навѣрно знаемъ, что во время преподаванія въ лицеѣ онъ былъ человѣкомъ лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, очень моложавый на видъ, хотя и болѣзненный, изящный, деликатный въ обращеніи, производившій на всѣхъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Преподавателемъ онъ былъ, несомнѣнно, выдающимся и по способностямъ и по широтѣ подготовки. Онъ началъ свою литературную дѣятельность съ перевода лучшихъ по вкусу того времени французскихъ романовъ; но онъ же былъ прекраснымъ знатокомъ древнихъ языковъ и классической археологіи; въ лицеѣ онъ преподавалъ между прочимъ исторію искусствъ по Винкельману; слѣд. онъ не былъ узкимъ классикомъ, а стоялъ на той высокой промежуточной отъ классицизма къ романтизму грани, на которой находились и Лессингъ, и Гете. На Пушкина, какъ поэта, онъ, несомнѣнно, имѣлъ сильное и, смѣло утверждаю, благотворное вліяніе. Лицеистъ Пушкинъ показывалъ ему свои интимныя стихотворенія (вовсе не предназначенныя для начальства лицея) и охотно выслушивалъ его иногда, можетъ быть, черезчуръ строгія, но въ общемъ, безъ сомнѣнія, одобрительныя замѣчанія. Въ 1815 году Пушкинъ пишетъ ему посланіе:

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бакхическихъ посланій!!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ, и т. д.

[1]) До настоящей старости онъ и не дожилъ; умеръ 50-ти лѣтъ отъ роду.

Поэтъ оправдываетъ и имъ самимъ сознаваемые недостатки своихъ произведенiй тѣмъ, что онъ слишкомъ мало работаетъ надъ ними:

Не думай, цензоръ мой угрюмый [1]),
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой,
Покоемъ жертвую стихамъ,
Что, бѣгая по всѣмъ угламъ,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовымъ жрецамъ,
Сверкаю грозными очами [2]),
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу—трехстопный вздоръ.

Въ заключенiе поэтъ объявляетъ себя убѣжденнымъ послѣдователемъ Лафора, Парни и другихъ «враговъ труда, заботъ, печали».

Пушкинъ въ продолженiе всей своей жизни имѣлъ слабость (если только это можно назвать слабостью) представлять себя хуже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; очевидно, это началось еще со школьной скамьи. Легкая, изящная поэзiя Парни, Грекура и др. была ему, конечно, симпатичнѣе тяжелыхъ, бездарныхъ одъ, какiя писалъ

Конюшiй дряхлаго Пегаса,
Свистовъ, Хвостовъ или Графовъ,
Служитель старенькiй Парнаса.

И, какъ говоритъ онъ въ другомъ шутливомъ посланiи того же времени,

.... всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

Но уже на старшемъ курсѣ лицея Пушкинъ энергично работаетъ надъ выдѣлкою стиха, надъ точностью и силою образовъ.

---

[1]) Пушкинъ въ статьѣ о Дельвигѣ (1831 г.) съ большимъ уваженiемъ говоритъ о Кошанскомъ, какъ комментаторѣ Горацiя.

[2]) *Угрюмый цензоръ*, какъ и выше сухая ученость и т. п., безъ сомнѣнiя, только свидѣтельствуютъ о близости ученика къ учителю.

Онъ любитъ жизнь и вполнѣ наслаждается отроческими играми; но онъ далеко не лѣнивецъ, какимъ хочетъ представить себя: онъ читаетъ поразительно много и, обладая феноменальною памятью, запоминаетъ все читаемое [1]. По окончаніи курса его вниманіе къ красотѣ формы,— конечно, не въ смыслѣ шаблона, а красотѣ истинной, классической въ истинномъ значеніи этого слова, — растетъ годъ отъ году по мѣрѣ развитія глубины содержанія, и уже съ Кишинева начинаются его 10—12 разъ перечеркнутые стихи, на нетребовательный взглядъ вполнѣ удачные и въ первой редакціи. Тогда же въ черновыхъ тетрадяхъ онъ не разъ поминаетъ Кошанскаго, уроки котораго, — не классные, разумѣется, — очевидно, должны были произвести на него сильное впечатлѣніе и не были имъ забыты даже и послѣ блестящаго успѣха «Руслана и Людмилы».

Царскосельскій лицей 10-хъ годовъ, какъ учебно-воспитательное заведеніе, имѣлъ многіе и существенные недостатки, но, благодаря своему гуманному и прогрессивному направленію, внушалъ воспитанникамъ прочное коллегіальное чувство, любовь къ своей alma mater, охоту и даже нѣкоторое умѣнье работать. Въ послѣднемъ крупная, можетъ быть, даже львиная доля участія принадлежала питомцамъ Московскаго университета.

Трехлѣтняя петербургская жизнь Пушкина была слишкомъ полна разнообразными впечатлѣніями и творческой работой, чтобы онъ могъ серьезно заняться самообразованіемъ. Правда, онъ и въ это время слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ, много читаетъ (между прочимъ, больной прочелъ первые 8 томовъ «Исторіи» Карамзина «съ жадностью и со вниманіемъ [2]»; но работать по пушкински, съ продумываніемъ, со строгимъ отчетомъ о каждой прочитанной имъ книгѣ, онъ началъ только въ Кишиневѣ и главнымъ образомъ въ томъ направленіи, которое тѣсно связано съ традиціями Московскаго университета вообще, съ личными вкусами Малиновскаго и Кошанскаго въ частности: онъ становится филологомъ, историкомъ и археологомъ.

Въ самомъ началѣ Кишиневскаго періода, въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ когда-то печаталъ Пушкинъ свои первыя стихотворенія, появилась извѣстная статья «бутырскаго критика», жестоко

---

[1] Воспоминанія И. И. Пущина.

[2] V, 40.

осуждавшая «Руслана и Людмилу» за ея грубость и простонародность. Вѣстникъ Европы издавался типографіей московскаго университета; редактировалъ его и составлялъ чуть не $^9/_{10}$ статей для него одинъ изъ ученѣйшихъ московскихъ профессоровъ — Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Каченовскій и прежде былъ несимпатиченъ Пушкину, какъ суровый критикъ «Исторіи» Карамзина, за нападенія на которую онъ и получилъ прозвище зоила, и вообще, какъ представитель безжалостнаго, холоднаго скептицизма въ исторической наукѣ. Съ этого времени начинается между двумя неравными силами отчаянная борьба, о которой впослѣдствіи самъ Пушкинъ, не имѣвшій привычки щадить себя, писалъ женѣ: «мы съ нимъ бранивались, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ» (письмо № 332). Рѣзкая полемика съ Каченовскимъ не могла не оказать нѣкотораго вліянія на отношенія Пушкина къ нашему университету, и одно время московскій профессоръ былъ для него синонимомъ тупого педанта вообще. Но по мѣрѣ расширенія его умственнаго кругозора, вслѣдствіе напряженной работы надъ исторіей и словесностью, его мнѣніе объ университетской наукѣ замѣтно повышается. Особенно горько сталъ отзываться поэтъ о своемъ лицейско-свѣтскомъ образованіи въ Михайловскій періодъ, когда онъ дружески сошелся съ дерптскимъ студентомъ А. Н. Вульфомъ, сыномъ владѣлицы Тригорскаго, который былъ на 6 лѣтъ моложе Пушкина и, несмотря на геній и начитанность поэта, иногда подавлялъ его основательностью своей подготовки [1]).

Послѣ 6-лѣтней ссылки судьба улыбнулась поэту: молодой императоръ далъ ему возможность стать лицемъ къ лицу съ русскимъ обществомъ, для котораго онъ работалъ въ глуши. Пріѣхавъ въ Москву, Пушкинъ сразу попалъ въ ближайшій районъ вліянія нашего университета. 8 сентября 1826 г. фельдъ-егерь привезъ его въ Кремлевскій дворецъ, а 10-го онъ уже читаетъ у Веневити-

[1]) V, 186. «Въ концѣ 1825 г., говоритъ Пушкинъ, я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ». Дневникъ А. Н. Вульфа см. въ «Р. Стар.» 1899 г. №№ 1—2. Мнѣніе Пушкина о вредѣ ранняго поступленія на службу см. въ «запискѣ о народномъ воспитаніи». Свой взглядъ на значеніе университета Пушкинъ очень картинно выразилъ позднѣе, назвавъ Ломоносова «первымъ нашимъ университетомъ» (V, 221)

новыхъ своего «Бориса Годунова» и черезъ день знакомится и сближается съ молодымъ преподавателемъ исторіи М. П. Погодинымъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (12 октября) въ томъ же домѣ Веневитиновыхъ происходитъ вторичное чтеніе «Бориса», въ довольно большомъ обществѣ. Вотъ какъ его описываетъ Погодинъ: [1])

«Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить,—мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и способъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французской дикламаціей.... Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую, увлекательную рѣчь.

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ:

Да ниспошлетъ Господь покой
Его душѣ, страдающей и бурной!

мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напр. при стихахъ Самозванца:

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина Ш, 43 и слѣд.

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ... полились слезы, поздравленія! «Эванъ, эвоэ, дайте чаши!...» О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

Можно себѣ представить, какое ободряющее, возбуждающее дѣйствіе произвелъ на Пушкина, много лѣтъ читавшаго свои произведенія только «старой нянѣ» да рѣдкимъ гостямъ своимъ, этотъ неподдѣльный, искренній восторгъ лучшей части русскаго общества— московской университетской молодежи [1]). Это былъ, навѣрно, одинъ изъ лучшихъ и плодотворнѣйшихъ моментовъ жизни художника. Пушкинъ, который по самой природѣ своей представлялъ въ высокой степени отрадный для насъ типъ великорусской, ничѣмъ несокрушимой энергіи, который и въ уединеніи Михайловскаго, «въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада», подъ двойнымъ полицейскимъ надзоромъ, мечталъ объ основаніи большаго литературнаго журнала [2]), теперь, видя вокругъ себя столько умныхъ, прекрасно под-

[1]) Братья Веневитиновы, состоявшіе съ Пушкинымъ въ родствѣ, получили прекрасное домашнее образованіе, но они брали частные уроки у знаменитаго московскаго профессора словесности и поэта Мерзлякова и выдержали при университетѣ экзаменъ на основаніи указа 1809 г. авг. 6-го—экзаменъ, довольно солидный, обнимавшій часть предметовъ философскаго и часть юридическаго факультетовъ. Старшій изъ Веневитиновыхъ, Дмитрій, слушавшій лекціи Давыдова, Павлова, Лодера, хотя и умеръ, едва достигнувъ совершеннолѣтія (1805—1827 г.), успѣлъ составить себѣ крупное литературное имя и какъ поэтъ, и какъ мыслитель. Онъ былъ авторомъ единственной критической статьи объ «Онѣгинѣ», остановившей на себѣ вниманіе Пушкина; онъ, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на Пушкина и побуждалъ его изучать Гете. Вмѣстѣ съ Д. Веневитиновымъ въ архивѣ м. и. д. служилъ С. П. Шевыревъ, воспитывавшійся въ университетскомъ Пансіонѣ одновременно съ В. П. Титовымъ и потомъ слушавшій лекціи въ московскомъ университетѣ. На стихотвореніе Шевырева «Я есмь» Баратынскій обратилъ вниманіе Пушкина еще до пріѣзда его въ Москву; тогда же кн. Вяземскій очень тепло рекомендовалъ Пушкину Погодина (Л. Н. Майковъ. Очерки. 1895, стр. 769).

[2]) Письмо кн. Вяземскому № 172.

готовленныхъ, даже ему импонирующихъ своей серьезностью и знаніями, горячо преданныхъ дѣлу людей, немедленно приступаетъ къ осуществленію ихъ общей идеи! Уже 24-го октября основаніе Московскаго Вѣстника, журнала не только литературнаго, но и научнаго и политическаго (цѣль его, какъ опредѣлилъ Д. Веневитиновъ: «опираясь на твердыя начала философіи, представить Россіи полную картину ума человѣческаго,—картину, въ которой она видѣла бы свое собственное предназначеніе»), было отпраздновано торжественнымъ, но веселымъ обѣдомъ, въ которомъ принимали участіе настоящіе и будущіе профессора нашего университета. Редакторомъ журнала былъ выбранъ тотъ же молодой историкъ Погодинъ; Пушкинъ долженъ былъ отдавать Вѣстнику все болѣе крупное и цѣнное, что выйдетъ изъ-подъ пера его, и за это получать опредѣленное, очень значительное по тому времени годовое содержаніе. Итакъ, Пушкинъ нашелъ возможность приблизиться къ осуществленію своей великой цѣли—реформѣ русской литературы—благодаря московской университетской молодежи.

Извѣстно, что самому Пушкину Московскій Вѣстникъ принесъ больше вреда, чѣмъ пользы (узнавъ, что онъ отдался одному журналу, другіе принялись усиленно придираться къ нему), что просуществовалъ онъ сравнительно недолго (неполныхъ три года), что онъ далеко не оправдалъ всѣхъ ожиданій, которыя возлагали на него основатели, но все-же онъ представляетъ важную страницу въ исторіи развитія русской мысли. Извѣстно, что Пушкинъ не одобрялъ и способа веденія журнала, слишкомъ академическаго и серьезнаго, мало привлекательнаго для большой публики; извѣстно, что онъ далеко не вполнѣ сочувствовалъ и критическимъ взглядамъ Шевырева. Но все же онъ на всю жизнь свою остался въ самыхъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и съ Шевыревымъ и съ ихъ друзьями; онъ не только имѣлъ на нихъ сильное и благотворное вліяніе, но и самъ пользовался ихъ знаніями [1]). Когда въ 1830—31 гг. Пушкинъ по случаю своей женитьбы проживалъ въ Москвѣ цѣлыми мѣсяцами, онъ черезъ Погодина сблизился даже съ извѣстнымъ Надеждинымъ, который недавно жестоко нападалъ на него въ томъ же Вѣстникѣ Европы. Пушкинъ помѣстилъ въ его Телескопѣ двѣ полемическія статьи противъ Булгарина

[1]) См. его многочисленныя письма къ Погодину въ VII т.; его конспектъ статьи объ Исторіи поэзіи Шевырева въ V т. и пр.

и Греча подъ псевдонимомъ Θеофилакта Косичкина, —самыя остроумныя въ этомъ родѣ статьи, какія мы имѣемъ едва ли не до настоящаго времени. Вскорѣ послѣ женитьбы, въ мартѣ 1831 г., Пушкинъ пишетъ въ Петербургъ Плетневу: «Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т.-е. надъ предразсудками и вандализмомъ» (№ 279).

Какъ видите, Пушкинъ невысоко цѣнитъ современный ему московскій университетъ [1]), но горячо заботится объ его лучшемъ будущемъ. Извѣстно, что желаніе его исполнилось: Шевыревъ получилъ московскую каѳедру и былъ учителемъ нашихъ незабвенныхъ учителей—Буслаева, Соловьева, Тихонравова. Когда Пушкинъ осенью 1831 г. переѣхалъ съ дачи въ Петербургъ и сталъ посѣщать разнообразные круги общества, онъ могъ воочію убѣдиться, что интеллигентная молодежь и здѣсь смотритъ на него съ тою же любовью, съ тѣмъ же уваженіемъ, почти благоговѣніемъ, какъ и въ Москвѣ въ 1826 г. Пусть преслѣдуютъ его журналисты и литературные староверы, пусть косятся на него не въ мѣру усердные охранители! Онъ знаетъ, что лучшая часть Россіи за него и что самому правительству, которое недавно относилось къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, онъ можетъ принести крупную пользу.

Тогда онъ настойчиво добивается позволенія стать во главѣ политическаго органа и, наконецъ, достигаетъ цѣли; главныхъ сотрудниковъ для него онъ ищетъ не только въ Петербургѣ, но и обращается къ тому же московскому университету. «Знаете-ли,—пишетъ онъ лѣтомъ 1832 г. Погодину,—что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія (очевидно, Сѣв. Пчелы) палы. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется» (№ 328).

[1]) Около того же времени пишетъ онъ Погодину: «Жалѣю, что вы еще не раздѣлались съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ. А ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету». Барсуковъ, «Погодинъ», III, 308.

Въ сентябрѣ того же года Пушкинъ отправляется въ Москву по разнымъ дѣламъ и, можетъ быть, главнымъ образомъ, по газетнымъ,—искать около нашего университета дѣльныхъ, серьезныхъ сотрудниковъ. Тогда то вмѣстѣ съ товарищемъ министра С. С. Уваровымъ Пушкинъ въ первый и послѣдній разъ вступаетъ въ самыя стѣны университета и присутствуетъ на лекціяхъ. Вотъ что мы знаемъ объ этомъ отъ самого Пушкина:

«Сегодня,—пишетъ онъ женѣ 27-го сентября,—ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора, но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ, а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе» (№ 331).

Нужно ли доказывать, что въ этихъ словахъ проявляется то же стремленіе Пушкина представить себя гораздо худшимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Постоянно встрѣчаясь въ обществѣ съ людьми, которые имѣли слабость совершенно обратную, Пушкинъ и въ лѣтахъ мужества остается вѣренъ своей отроческой манерѣ самообвиненія. Не для шума и соблазна жертвовалъ онъ своимъ дорогимъ временемъ и не могъ онъ быть *оглашеннымъ* въ Московскомъ университетѣ, гдѣ всѣ лучшіе студенты и молодые профессора благоговѣли передъ его именемъ. Черезъ три дня Пушкинъ, забывъ о прежнемъ письмѣ своемъ, разсказываетъ Натальѣ Николаевнѣ: «На-дняхъ я былъ приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ, съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ, а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія» (№ 332).

Насмѣшливый тонъ Пушкина не можетъ скрыть отъ насъ его гуманнаго, теплаго чувства къ бывшему литературному противнику, съ которымъ онъ теперь сошелся въ работахъ и въ которомъ прозрѣлъ увлекающагося своимъ скептицизмомъ, но честнаго, преданнаго дѣлу научнаго дѣятеля.

Позволю себѣ привести изъ записокъ С. М. Соловьева отзывъ Каченовскаго о Пушкинѣ, сдѣланный имъ черезъ 3—4 года послѣ смерти поэта.

«Одинъ только писатель у насъ,—говорилъ Каченовскій профессору Крюкову,—могъ писать исторію простымъ, но живымъ и сильнымъ, достойнымъ ея языкомъ. Это А. С. Пушкинъ, давшій пре-

восходный образецъ историческаго изложенія въ своей Исторіи Пугачевскаго бунта».

«Всякій ли способенъ,—замѣчаетъ по этому поводу С. М.,—и по смерти врага сдѣлаться безпристрастнымъ въ отношеніи къ нему?» О посѣщеніи Пушкинымъ университета и объ его бесѣдѣ съ Каченовскимъ я могу привести два разсказа современниковъ; одинъ— неизвѣстнаго бывшаго студента, передававшаго свои воспоминанія поэту А. И. Майкову [1]).

«Когда Каченовскій читалъ лекцію о «Словѣ о полку Игоревѣ», графъ (sic) Уваровъ привелъ на лекцію Пушкина. Вотъ, господа,— сказалъ Уваровъ студентамъ, указывая на Каченовскаго:—вотъ передъ вами наука, а вотъ,—указывая на Пушкина,—само искусство. Каченовскій сталъ читать лекцію о «Словѣ», уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своими стихами, не выдержалъ, пустился защищать. Но защита, должно быть, была слаба». Мало вѣроподобнаго въ этомъ разсказѣ: какъ ни были просты нравы тогдашняго университета, посторонній посѣтитель, а въ особенности всегда деликатный Пушкинъ не рѣшился бы прервать профессора во время лекціи; а если бы и случилась съ нимъ такая бѣда, не въ такомъ тонѣ написалъ бы онъ женѣ о встрѣчѣ съ Каченовскимъ.

Несравненно правдивѣе, интереснѣе и полнѣе другой разсказъ очевидца, тоже написанный много лѣтъ спустя, но крупнымъ художникомъ слова, однимъ изъ продолжателей великаго дѣла Пушкина, авторомъ «Обломова» и «Обрыва».

Вотъ какъ разсказываетъ Гончаровъ, бывшій тогда студентомъ словеснаго отдѣленія, о появленіи Пушкина въ нашемъ университетѣ [2]).

«Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію; я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга... Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше

---

1) «Заря» 1870 г., № 1-й, стр. 105—106 (соч. Пушкина, изд. «фонда», V, 259).

2) «Вѣстн. Евр.» 1887 г., № 4-й.

эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви у обѣдни и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы. «Вотъ вамъ теорія искусства, — сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и, указывая на Давыдова,—а вотъ и самое искусство», — прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о «Словѣ о полку Игоревомъ». Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію послѣ Давыдова и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался по поводу «Слова о полку Игоревомъ» разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ. «Подойдите ближе, господа, это для васъ интересно»,—пригласилъ насъ Уваровъ и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова, обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе видѣть и слышать нашего кумира.

«Я не припомню подробностей ихъ состязанія,—помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древне-русскаго эпоса, а Каченовскій вонзилъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ, а глаза бросали молніи сквозь очки... Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать. Впрочемъ меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ. Съ перваго взгляда наружность его казалась невзрачною: средняго роста, худощавый, съ мелкими чертами смуглаго лица. Только когда вглядишься пристально въ глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство въ этихъ глазахъ, которыхъ потомъ не забудешь. Въ позѣ, въ жестахъ, сопровождавшихъ его рѣчь, была сдержанность свѣтскаго благовоспитаннаго человѣка. Лучше всего, по-моему, напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго. Во всѣхъ другихъ копіяхъ у него глаза сдѣланы слишкомъ открытыми, почти выпуклыми, носъ — выдающимся; это невѣрно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорціональная лицу голова, съ негустыми, кудрявыми волосами».

Напомню, что Пушкинъ почтилъ своимъ присут-

ствіемъ нашъ университетъ въ переходное время, наканунѣ его реформы, проведенной спутникомъ поэта Уваровымъ [1]).

Эта реформа докончила превращеніе стараго университета, изъ котораго почти наканунѣ пріѣзда Пушкина былъ уволенъ за малоуспѣшность Виссаріонъ Бѣлинскій, въ Московскій университетъ вѣчно памятной эпохи Грановскаго.

Газета Пушкина не осуществилась, и онъ усилилъ свои историческія работы. Черезъ полгода послѣ посѣщенія университета онъ по секрету сообщаетъ Погодину, что выпросилъ у государя Погодина себѣ въ сотрудники. «Я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями [2])».

Погодинъ, конечно, съ гордой радостью принялъ это предложеніе; но по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ, и это предположеніе не осуществилось. Послѣднее, до насъ дошедшее, письмо Погодину Пушкинъ писалъ за 9 мѣсяцевъ до смерти (14-го апрѣля 1836 г.). Пушкинъ извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Москву, чтобы порыться въ архивѣ и повидаться съ нимъ.

М. П. Погодинъ, жизнь котораго теперь намъ извѣстна, можно сказать, вдоль и поперекъ, — былъ человѣкъ не безъ недостатковъ и слабостей; но онъ былъ талантливый, живой, энергичный, высокополезный для своего времени дѣятель науки, литературы и даже политики.

Если бы его труды были впятеро меньше, а недостатки въ десять разъ крупнѣе, чѣмъ они были въ дѣйствительности, они всѣ простились бы ему за то, что онъ много возлюбилъ свою родину, родную литературу и ея великаго реформатора Пушкина. Вотъ что разсказываетъ покойный Буслаевъ объ одной изъ его лекцій [3]): «Помню изъ своей студенческой жизни утро холодное и мрачное. Это было въ самомъ началѣ февраля 1837 г. Мы ждали Михаила Петровича на лекцію уже въ новомъ зданіи университета, въ Большой залѣ. Приходитъ М. П., весь взволнованный, блѣдный, изму-

[1]) Будущихъ студентовъ стали подвергать серьезному экзамену съ 1831 г.; въ управленіе министерствомъ С. С. Уваровъ вступилъ въ 1833 г. Новый уставъ опубликованъ въ 1835 г.; тогда же попечителемъ назначенъ гр. Строгановъ.

[2]) Письмо № 340. Полный текстъ у Барсукова, IV, 159 и слѣд.

[3]) Мои досуги, II. 254—5.

ченный, самъ не свой—едва можно узнать его, точно послѣ тяжкой болѣзни, садится на каѳедру и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не можетъ промолвить ни слова; наконецъ, задушаемый рыданіями, передаетъ намъ о великомъ бѣдствіи, постигшемъ Россію: Пушкина не стало, онъ померъ!

«Надобно знать патріотическія чувства, какія питалъ М. П. ко всему, что составляетъ славу и гордость нашего отечества, и потомъ его товарищескія отношенія къ Пушкину, чтобы оцѣнить, въ какой степени были искренни и глубоки тѣ чувства, съ которыми профессоръ отнесся къ своимъ слушателямъ.

«И теперь, спустя цѣлыя 40 лѣтъ, всякій разъ, какъ придетъ мнѣ на умъ мысль о преждевременной кончинѣ великаго поэта, въ моей памяти живо возстаетъ симпатичная личность профессора, который въ одну изъ самыхъ скорбныхъ, самыхъ тяжелыхъ минутъ своей жизни, не запирается у себя дома, въ эгоистическомъ отчужденіи отъ толпы, но спѣшитъ раздѣлить съ своими слушателями великое горе, какъ онъ дѣлился съ ними и своими радостями въ ученыхъ открытіяхъ».

Такъ оплакивали безвременную кончину поэта въ этихъ стѣнахъ.

Въ Петербургѣ единственная журнальная замѣтка, искренно и горячо выражавшая горькое чувство лучшей части нашего общества [1]), появилась въ Литературныхъ Прибавленіяхъ, которыя издавалъ кандидатъ Московскаго университета Краевскій.

Тѣсная связь Московскаго университета съ Пушкинымъ, конечно, не прекратилась со смертью поэта, напротивъ, стала еще тѣснѣе. Тотъ же Буслаевъ, разсказъ котораго привелъ я, за исходный пунктъ первой своей научной работы принимаетъ языкъ Пушкина [2]). Его лучшій ученикъ и товарищъ Тихонравовъ раздѣляетъ свои ранніе труды между древне-русской литературой и пушкинскимъ періодомъ [3]). Воспитанникъ Московскаго университета Галаховъ первый вводитъ Пушкина и его ближайшихъ послѣдователей въ обиходъ нашей средней школы, что въ то время казалось не-

[1]) «Солнце нашей поэзіи закатилось» и пр. «Лит. прибавл.» 30 февраля 1837 года.

[2]) О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1847 г.

[3]) См., напр., разборъ замѣтокъ Гаевскаго о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига. 1853 г.

слыханной смѣлостью. Погодинъ и Шевыревъ всю жизнь свою продолжаютъ проповѣдовать ученикамъ своимъ культъ Пушкина [1]).

Въ 40-хъ годахъ, какъ вы знаете, московская, а за ней и вся русская интеллигенція дѣлится на два лагеря: славянофиловъ и западниковъ. Это была идейная борьба честныхъ, другъ друга уважающихъ противниковъ, но тѣмъ не менѣе борьба упорная, жестокая, тогда казавшаяся непримиримою. На двухъ пунктахъ однако, сходились противники: на горячей любви къ памяти и дѣлу Пушкина, котораго каждая партія имѣла право считать своимъ, и на высокомъ уваженіи къ святымъ, какъ тогда говорили, стѣнамъ Московскаго университета. Вожаки дружески сближались съ врагами только на какомъ-нибудь университетскомъ торжествѣ: на интересномъ диспутѣ, на обѣдѣ послѣ публичныхъ лекцій Грановскаго и пр. Воспоминаніе объ этихъ *святыхъ стѣнахъ* и любовь къ Пушкинской поэзіи учащаяся молодежь уносила изъ Москвы въ глубь темной провинціи, въ казенныя палаты, уѣздныя училища, врачебныя управы, въ помѣщичьи усадьбы. Эти два воплощенія идеи свѣта и прогресса: Пушкинъ и Московскій университетъ поддерживали въ людяхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ искру Божію, подготовляли честныхъ и вѣрныхъ работниковъ для эпохи великихъ реформъ Царя-Освободителя. Когда въ литературѣ происходитъ гоненіе на поэзію и на Пушкина, Московскій университетъ въ немъ не участвуетъ. Но какъ только начинается благотворная реакція, онъ выступаетъ на первый планъ.

Въ вѣчно памятные іюньскіе дни 1880 г. нашъ университетъ и состоящее при немъ Общество любителей словесности вполнѣ естественно берутъ на себя главенство въ великомъ дѣлѣ проявленія благодарности геніальному труженику. Много прекрасныхъ рѣчей было произнесено въ тѣ торжественные дни. Слова Достоевскаго, Тургенева, Аксакова—крупныя художественныя произведенія, имѣвшія огромное вліяніе на воспитаніе послѣдующихъ поколѣній; они вновь вселили въ нашу молодежь любовь къ Пушкину. Но научная рѣчь, сжато и сильно подводившая итоги всему, что до тѣхъ поръ было сдѣлано по изученію Пушкина, была одна—профессора Московскаго университета Тихонравова.

---

[1]) Напомню, что лучшіе изъ нынѣ здравствующихъ знатоковъ Пушкина, П. А. Ефремовъ и П. И. Бартеневъ, московскіе студенты.

Сошли со сцены и Тургеневъ, и Достоевскій, и Писемскій, и Аксаковъ, и Н. С. Тихонравовъ. Какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ настало время эпигоновъ... Но за то слава имени Пушкина, сила его вліянія на всю массу русскихъ и обрусѣлыхъ людей въ эти 19 лѣтъ возросла во много, много разъ. Осуществилась его предсмертная мечта: онъ сталъ любезенъ всему народу русскому. Постараемся же усердной разработкой идей и созданій Пушкина отблагодарить нашего общаго великаго учителя и утѣшителя.

Н. М. КОНШИНЪ 1793—1859 г.

(Эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма, по неизданнымъ документамъ).

Герой настоящаго очерка, «скромный» поэтъ пушкинской эпохи и кружка,—очень не крупная величина въ исторіи русской литературы: онъ заурядный стихотворецъ и романистъ, главныя произведенія котораго встрѣчались похвалами друзей, болѣе или менѣе колкими порицаніями литературныхъ враговъ и холоднымъ равнодушіемъ немногихъ безпристрастныхъ критиковъ; всѣ они читались или просматривались публикой, но ни одно не потребовало втораго изданія. Но онъ задушевный другъ Баратынскаго, близкій пріятель Дельвига и хорошій знакомый Пушкина, имѣвшій печальное счастіе видѣть великаго поэта за нѣсколько часовъ до дуэли и испытать на себѣ его рѣдкую доброту. Онъ, стало быть, одинъ изъ тѣхъ любителей отечественной словесности, въ кружкѣ которыхъ росъ и крѣпъ геній Пушкина; уже одного этого было бы достаточно, чтобы возбудить интересъ къ его личности и къ его произведеніямъ, въ которыхъ эта личность отражается. Но этого мало: Коншинъ хотя не выдающійся, но характерный представитель русскаго романтизма, школы вліятельной, но еще плохо обслѣдованной, исторія которой пока не богата даже и матеріалами; а такъ какъ онъ жилъ и работалъ долго, то на его примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ романтизмъ перерождается у насъ въ школу историческую, въ данномъ случаѣ съ славянофильской окраской. Наконецъ, самыя перипетіи его жизни влюбчивый, легкомысленный офицеръ-игрокъ превращается въ страстнаго любителя словесности и усерднаго ея работника, потомъ въ чиновника, наконецъ, въ серьезнаго *педагога*, которому поручено руководить сперва низшими, а потомъ и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, при участіи III отдѣленія лишается

мѣста, а потомъ снова получаетъ почти попечительскій постъ— представляютъ любопытную картинку изъ жизни русской интеллигенціи первой половины нашего столѣтія [1]).

Николай Михайловичъ Коншинъ [2]) производилъ себя отъ стариннаго дворянскаго рода, одинъ изъ представителей котораго, Гаврило Коншинъ, состоя въ чинѣ полковника и лейбъ-гвардіи капитана, подписалъ вмѣстѣ съ другими смертный приговоръ царевичу Алексѣю. Предки его матери, урожденной Изъѣдиновой, по семейному преданію, произошли отъ татарина, *изъѣденнаго* змѣей, которая и осталась въ ихъ гербѣ [3]). Онъ родился въ 1793 г., былъ воспитанъ «въ строгости» (вѣроятно, безъ матери), но, очевидно, не въ бѣдности; на 12 году отданъ «въ В... гимназію [4])», но затѣмъ отправленъ въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ. Отвергнутый богатымъ дядей, мальчикъ оказался на попеченіи своей бабушки Владыкиной и посторонней ему барыни Воейковой (урожденной кн. Касаткиной-Ростовской), которая сочинила ему письмо къ великому князю Константину Павловичу. Письмо возъимѣло дѣйствіе, и мальчикъ поступилъ въ корпусъ; но такъ какъ у него не оказалось бумагъ, доказывающихъ его дворянское происхожденіе, то его записали въ роту для разночинцевъ, откуда онъ и былъ выпущенъ черезъ 3 года кондукторомъ въ инженерный корпусъ [5]).

[1]) За сообщеніе библіографическихъ указаній для этой моей работы приношу глубокую благодарность С. А. Венгерову и В. И. Саитову.

[2]) Главнымъ матеріаломъ для составленія настоящаго біографическаго очерка, въ особенности его начала, послужила мнѣ собственноручная рукопись Коншина, хранящаяся въ Имп. Публ. библ.; она озаглавлена: «Для немногихъ» и написана между 18 мая и 8 іюня 1824 г., когда авторъ проживалъ въ Костромѣ и готовился къ свадьбѣ; при ней 2 эпиграфа (изъ Юнга и Вольтера), краткое предисловіе и рядъ небольшихъ приписокъ до 7 окт. 1837 г. Цитаты, которыя я буду приводить ниже безъ обозначенія источника, взяты всѣ изъ нея. Автобіографическая записка Коншина о войнѣ 1812 г. напечатана (съ сильными сокращеніями) проф. Корсаковымъ въ *Ист. Вѣстн.* 1884 г., № 8. Канву для послѣдующей дѣятельности Коншина дали мнѣ его формулярные списки и др. «дѣла», касающіяся его службы, любезно предоставленныя въ мое пользованіе въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія; остальное взято изъ его сочиненій и переписки, къ сожалѣнію, пока очень мало мнѣ извѣстной.

[3]) Эти свѣдѣнія взяты мною изъ предисловія и приписки Коншина къ рукописному оригиналу его *Компаніи 1812 г.* (Рукоп. Имп. публ. библ.).

[4]) Такъ какъ это было послѣ 1803 г., то съ точностью опредѣлять, какая именно была эго гимназія, невозможно; но, вѣроятно, воронежская, судя по его, *курскимъ* родственникамъ (см. ниже).

[5]) Свое воспитаніе среди разночинцевъ онъ называлъ «унизительнымъ» и, вѣроятно, не всѣмъ охотно говорилъ о немъ; вотъ почему и въ формулярѣ и во всѣхъ словаряхъ онъ и показанъ ошибочно «воспитанія домашняго».

Благодаря хлопотамъ той же Воейковой, 1 ноября 1811 г. онъ былъ переведенъ юнкеромъ въ гвардейскую конную артиллерію; через 2 мѣсяца онъ держалъ офицерскій экзаменъ и 25 декабря 1811 г. произведенъ въ прапорщики. По прекрасно выдержанному экзамену онъ долженъ бы былъ поступить въ гвардію, но такъ какъ его бумаги все еще были не въ порядкѣ, то, несмотря на обѣщанія великаго князя, онъ былъ назначенъ въ армію.

Итакъ, отрокомъ и юношей Коншинъ былъ предоставленъ самому себѣ, успѣлъ кое-что выстрадать и пользовался помощью только случайныхъ благодѣтелей. Но теперь офицерскій мундиръ открывалъ для него не узкую дорогу.

Судя по удачному экзамену и поступленію въ артиллерію, Коншинъ вынесъ изъ корпуса достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ наукахъ, которыя преподавались тогда будущимъ офицерамъ; а изъ послѣдующаго видно, что съ дѣтства онъ хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ и уже въ юности развилъ въ себѣ нѣкоторый вкусъ въ литературѣ.

Мы не знаемъ, подъ чьимъ непосредственнымъ вліяніемъ воспитался въ этомъ отношеніи Коншинъ, но считаемъ нужнымъ напомнить, что въ то время любовь къ литературнымъ занятіямъ, такъ сказать, носилась въ воздухѣ среди русскаго общества, т.-е. среди лучшей части дворянства. Это было время перечитыванія повѣстей Карамзина и его подражателей и увлеченія первыми произведеніями Жуковскаго. Всему давалъ тонъ молодой просвѣщенный царь, окруженный самыми интеллигентными людьми. Это было время широкаго и свободнаго общенія Россіи съ Западомъ, который уже перестал страшить насъ гидрою революціи. Въ это именно время кн. Борисъ Владиміровичъ Голицынъ учредилъ въ Москвѣ литературныя частныя собранія, на которыхъ дѣйствовали Карамзинъ и Мерзляковъ, на которыхъ промелькнула и всесвѣтная знаменитость— m-me де-Сталь. Мудрено ли, что способный и энергичный молодой офицеръ постарался въ этомъ отношеніи не отстать отъ другихъ и подчинился господствовавшему въ то время тону?

Въ январѣ 1812 г. Коншинъ отправляется къ мѣсту служенія въ Смоленскъ, а въ февралѣ ѣдетъ въ отпускъ въ Курскъ для свиданія съ «богатыми дядями». Здѣсь онъ въ первый разъ вступаетъ въ «общество» на правахъ полноправнаго и даже интереснаго члена; а такъ какъ голова его переполнена сентиментальными романами

и романсами, то онъ, конечно, и начинаетъ влюбляться («гдѣ я не любилъ, тамъ я не жилъ», говоритъ онъ ниже), причемъ старается пріобрѣсти благосклонность предметовъ своего поклоненія сочиненіемъ «пѣсенокъ и куплетовъ».

Мы не будемъ слѣдить за исторіей его увлеченій, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего особенно характернаго [1]) и не будемъ также излагать его неудачное (вслѣдствіе болѣзни) участіе въ отечественной войнѣ въ 1812 г., такъ какъ оно пересказано въ другомъ мѣстѣ [2]). Коншину не посчастливилось и въ въ 1813 г.: въ то время, какъ другіе пожинали лавры за границей, онъ вмѣстѣ съ своей батареей «формируется» въ Брянскѣ (гдѣ по его словамъ, на весь городъ было 3 *дамы*), потомъ въ концѣ августа выступаетъ въ Гродно, гдѣ выучивается играть въ банкъ и едва избѣгаетъ глупой дуэли изъ-за другого. Весной 1814 г. его батарею ведутъ за Варшаву, потомъ къ Кракову [3]), гдѣ онъ дѣлается членомъ общества стражей св. Гроба, получаетъ на это званіе дипломъ и «съ восторгомъ» надѣваетъ на себя соотвѣствуюшій крестъ. Оттуда имъ объявленъ походъ въ Шкловъ, гдѣ Коншинъ познакомился и подружился съ 60-тилѣтнимъ протоіереемъ Александромъ Старинкевичемъ, учителемъ французскаго языка въ Шкловскомъ корпусѣ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго образованія, ума и скромности, «какого душа моя давно искала». На дверяхъ его кабинета, заключавшаго отборную биліотеку «на всѣхъ языкахъ», была характерная надпись: «Pour vivre heureux, vivons cachés». Подъ вліяніемъ Старинкевича и его кружка, состоявшаго главнымъ образомъ изъ молодыхъ дамъ, Коншинъ сильно увлекается чтеніемъ и развиваетъ въ себѣ любовь къ людямъ. Но перерожденіе его было. очевидно, не полное: отправившись въ Вильно за рекрутами, онъ сѣлъ играть съ шулерами и былъ обыгранъ навѣрняка.

Глубокой осенью 1815 г. онъ былъ принужденъ совершить походъ въ Лифляндію, откуда проѣхалъ въ Петербургъ, чтобы пови-

[1]) Кромѣ развѣ его откровеннаго признанія, что у дамъ (въ противоположность дѣвицамъ), даже любившихъ поэзію, онъ имѣлъ успѣхъ только въ началѣ знакомства, а потомъ часто заслуживалъ презрѣніе: «не даромъ вы (друзья) звали меня красной дѣвушкой».

[2]) *Ист. Вѣстн.* 1884 г., № 8, въ вышеуказанной статьѣ.

[3]) Въ формулярѣ его отмѣчено, что съ 20 іюня по 16 сентября онъ участвовалъ въ заграничномъ походѣ «въ сильномъ авангардѣ подъ командою А. П. Ермолова».

даться съ сестрами и устроить свои дѣла. Такъ какъ ему не удалось перейти въ гвардію, то онъ весной 1816 г. перевелся въ Молдавскую армію; но, не найдя тамъ такого товарищества, какъ въ прежней службѣ, онъ, пробывъ тамъ всего полтора года съ небольшимъ, подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ [1]), гдѣ служилъ его отецъ въ департаментѣ мануфактуръ. Здѣсь Николай Коншинъ причислился къ тому же департаменту и, «скрѣпя сердце», сталъ ходить на службу. Но скоро онъ сообразилъ, что ему гораздо выгоднѣе вновь поступить въ военную службу, дослужиться до майора и тогда уже опредѣлиться къ «гражданскимъ дѣламъ» (очевидно, перспектива экзамена на коллежскаго ассесора, тогда для всѣхъ, кромѣ питомцевъ высшихъ учебныхъ заведеній, обязательнаго, нисколько ему не улыбалась), и съ марта 1819 г. мы видимъ его снова въ офицерскомъ мундирѣ въ Нейшлотскомъ полку въ Финляндіи. Въ это время, по словамъ автобіографіи, съ Коншинымъ произошла перемѣна къ лучшему: разочаровавшись почему-то въ карьерѣ (т.-е., въ спеціально гвардейской карьерѣ?), онъ сталъ скроменъ и началъ посвящать несравненно больше времени на чтеніе и серьезныя занятія, что, конечно, не мѣшало ему по-прежнему увлекаться и любовью [2]), и женскою дружбой. Въ это то время онъ познакомился и близко сошелся съ Баратынскимъ, о чемъ говоритъ такъ [3]):

«Тутъ небо послало мнѣ товарища, добраго Баратынскаго. Первый разъ въ жизни я встрѣтился еще съ человѣкомъ, который характеромъ и сердцемъ столько походилъ на меня. Я не хочу говорить много о его несчастіи: потомство разсудило Овидія и Августа [4]),

[1]) Произведенъ въ подпоручики 12 янв. 1817 г., уволенъ поручикомъ 10 февр. 1818 года.

[2]) Къ какой-то Амаліи Н. Когда *по обстоятельствамъ* (подчеркнуто въ оригиналѣ) любовь къ Амаліи охладѣла, онъ влюбился въ нѣкую Т., ради которой въ 1822 г. ѣздилъ въ Петербургъ.

[3]) Печатаемъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

[4]) Послѣ обнародованія письма Баратынскаго къ Жуковскому (*Русск. Архивъ* 1868 г., стр. 147 и слѣд.), писаннаго въ 1824 г., мы знаемъ, что въ дѣлѣ Баратынскаго не было ни Овидія, ни Августа, а была только скверная шалость (воровство денегъ на лакомства) дурно направленнаго мальчика и неправильно развитого полумальчика, къ которой начальство отнеслось съ неразумной строгостью, а послѣ статьи: *Е.А. Баратынскій по бумагамъ пажескаго корпуса* (*Русск. Стар.* 1870 г., стр. 638 и сл.) и убѣдительныхъ разъясненій С. А. Венгерова (*Критико-біограф. словарь*. Спб., 1891 г., II, стр. 130 и слѣд.), очевидно, что и въ

но не римляне; скажу только, что я не видѣлъ человѣка, менѣе убитаго своимъ положеніемъ; оно сдѣлало его опытнымъ, много выше его лѣтъ, а благородная свобода, примѣта души возвышенной и генія, само собою поставила его выше толпы, его окружающей. Онъ былъ всѣми любимъ, но казалось и не замѣчалъ этого, равно какъ и своего несчастія. Глаза его, кажется, говорили судьбѣ слова безсмертнаго безумца: «Getate [1]) mi ove volete voi che m'importa!»

Какъ извѣстно, Баратынскій въ 1820 г. съ производствомъ изъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры былъ переведенъ именно въ тотъ же Нейшлотскій полкъ, гдѣ служилъ Коншинъ (съ 4 дек. 1819 г. штабсъ-капитаномъ, съ 11 февр. 1821 г.—капитаномъ, какъ видно изъ его формуляра); извѣстно также, что званіе «нижняго чина» не мѣшало Баратынскому находиться въ обществѣ офицеровъ на правахъ равнаго. Очевидно, что Коншинъ, хоть и старшій лѣтами, подчинился своему болѣе даровитому и болѣе образованному пріятелю, который уже и тогда имѣлъ значительныя литературныя связи. До тѣхъ поръ Коншинъ имѣлъ только *стремленіе* къ поэзіи, а Баратынскій помогъ ему осуществить ихъ; въ томъ же журналѣ *Благонамѣренный*, гдѣ годъ назадъ явилось, благодаря Дельвигу, первое стихотвореніе Баратынскаго, въ 1820 г. въ № XVII (стр. 329), явилось и первое, сколько мы знаемъ, стихотвореніе Коншина за его полной подписью, озаглавленное *Баратынскому* [2]). Выписываемъ его полностью:

Куда дѣвался мой Поэтъ?
Гдѣ ты, любимецъ Грацій томный?
Умолкъ, умолкъ, и вѣсти нѣтъ!
А я букетъ цвѣточковъ скромный,
На мѣсто лавровыхъ вѣнковъ,
Творцу элегій посвящаю,
И вмѣстѣ съ ними приплетаю

этомъ будто бы откровенномъ письмѣ Баратынскій, напуганный ужасною карой, старался представить дѣло лучше, нежели оно было въ дѣйствительности. Изъ словъ Коншина ясно, что въ 1820 году Баратынскій, находясь подъ еще болѣе свѣжимъ впечатлѣніемъ своего позора, былъ еще менѣе откровененъ и сочинилъ своему новому другу какую-то совсѣмъ невѣроятную басню.

Исторія Баратынскаго, оказавшагося впослѣдствіи безусловно честнымъ и вполнѣ порядочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, должна быть въ высшей степени поучительна для слишкомъ строгихъ педагоговъ.

[1]) Чит. Gettate.

[2]) Оно помѣчено 1 авг. 1820 г.

Своихъ десятка два стиховъ.
Мой другъ! благодари боговъ
За даръ поэзіи прекрасный;
Но даръ сей будетъ даръ напрасный
Въ шуму невѣждъ и болтуновъ.
Уже тобой забыта лира;
Паукъ заткалъ ея струны;
Цѣвница и свистокъ сатира
Лежатъ въ пыли погребены
У ногъ бездушнаго кумира;
Забыты боги и Темира
И сладкіе о счастьѣ сны.
А я въ глуши уединенья,
Дыша свободою полей,
Въ смиренной хижинѣ моей
Вкушаю мирны наслажденья.
Пою и Вакха, и вино,
Пишу стихи, читаю, плачу.
Поэтъ! на время все дано;
Такъ время-ль тратить на-удачу?

Если мы сравнимъ эту пьеску съ стихотвореніемъ Баратынскаго: *Дельвигу*, напечатаннымъ въ томъ же 1820 г. въ *Невскомъ Зрителѣ* [1]), мы убѣдимся, что Коншинъ и въ отношеніи формы, и въ отношеніи идеи оказывается явнымъ подражателемъ и ученикомъ своего молодого друга, ученикомъ не бездарнымъ, но и ни капельки не опаснымъ для учителя. Къ такимъ ученикамъ-поклонникамъ относятся съ особою нѣжностью даже и высоко-даровитые люди, и 20-лѣтнему унтеръ-офицеру не могло не льстить его профессорское положеніе по отношенію къ заслуженному штабсъ-капитану. Въ 1820—21 гг. Баратынскій адресуетъ Коншину три стихотворныхъ посланія, которыя счелъ достойными печати [2]). Довѣряя вполнѣ искренности поэзіи Баратынскаго, мы усматриваемъ изъ этихъ пьесъ, что предметами разговоровъ друзей были вопросы «житейской философіи» и отношенія къ женщинамъ; въ послѣднемъ пунктѣ вѣроятно, роли перемѣнялись, и учителемъ уже оказывался болѣе опытный Коншинъ; третье посланіе, гдѣ поэтъ говоритъ:

[1]) Въ *Сочиненіяхъ* Баратынскаго. М., 1869 г., № VIII, стр. 12—14.

[2]) См. ibid., №№ XI (Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ), XX (Живи смѣлѣй, товарищъ мой) и XXI (Пора покинуть, милый другъ, знамена вѣтренной Киприды).

Оставимъ юнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладострастья;
Не упоенія, а счастья
Искать для сердца должно намъ!

повидимому, не столько выражаетъ настроеніе юнаго поэта, сколько его 28-лѣтняго друга.

Въ началѣ 1821 г. бригада, въ которой служили Баратынскій и Коншинъ, получила приказаніе выступить въ Петербургъ для занятія карауловъ [1]). Дельвигъ отправился на выборгскую дорогу въ Парголово, чтобы встрѣтить Баратынскаго, и, по всей вѣроятности тогда же познакомился съ Коншинымъ. Баратынскій поселился вмѣстѣ съ Дельвигомъ въ Смоленскомъ полку, а Коншинъ недалеко отъ нихъ. Пріятели часто видались и устраивали пирушки. Результатомъ одного или нѣсколькихъ такихъ сходбищъ явилось до сихъ поръ не напечатанное полностью стихотвореніе: *Къ нашимъ*, представляющее подражаніе лицейскому стихотворенію Пушкина: *Пирующіе студенты* (1814 г., изд. фонда, I, стр. 31—4), которое въ свою очередь представляетъ подражаніе *Пѣвцу въ станѣ русскихъ воиновъ* Жуковскаго. Стихотвореніе это цѣликомъ приписывается Коншину [2]). Но нѣсколько ироническое отношеніе къ «плаксивой» музѣ Баратынскаго, мѣстами сильный и рѣзкій стихъ, какимъ въ то время не владѣлъ Коншинъ, восхваленіе *свободы* и явная неполнота нѣкоторыхъ стиховъ скорѣй приводятъ къ мысли, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, написаннымъ въ складчину, въ которой, между прочимъ, участвовалъ и Коншинъ.

Стоянка продолжалась около полугода, послѣ чего бригада вернулась въ Финляндію, въ Роченсальмъ. Лѣтомъ 1822 г. Дельвигъ вмѣстѣ съ Эртелемъ и Н. И. Павлищевымъ (будущимъ шуриномъ Пушкина) посѣтили Баратынскаго и Коншина въ Роченсальмѣ, памятникомъ чего остался прекрасный переводъ застольной пѣсни Коцебу: Es kann ja nicht immer so bleiben, тоже, повидимому, сдѣланный въ складчину [3]).

[1]) См. *В. И. Гаевскаго*: «Дельвигъ», статья 2-я, въ *Совр.* 1853 г., май, III стр. 25 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 45 и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 50. Напечатанъ въ альманахѣ Коншина за подписью Б. Д. стр. 138—9. Свѣдѣнія о пребываніи Баратынскаго и Коншина въ Петербургѣ въ 1821 г. В. И. Гаевскій заимствовалъ изъ рукописнаго *Воспоминанія о Бара-*

Изъ автобіографіи Коншина узнаемъ мы, что около этого времени (весною 1822 г.) онъ познакомился съ своей будущей супругой (дочерью инженернаго генералъ-маіора Васильева — Авдотьей Яковлевной), которую будто бы онъ полюбилъ еще заочно, какъ предназначенную ему самимъ Провидѣніемъ. Извѣстно, что у большинства молодыхъ людей такимъ «роковымъ встрѣчамъ» предшествуетъ болѣе или менѣе ясно сознаваемое стремленіе къ семейному очагу. Баратынскій, какъ узнаемъ изъ тѣхъ же записокъ, служилъ наперсникомъ и «конфидентомъ» для Коншина при этой его послѣдней и счастливой любви, перипетіи которой, весьма подробно изложенныя, не представляютъ ничего особенно характернаго, за исключеніемъ развѣ такого пріема ухаживанія: юнкера устраиваютъ спектакль; Коншинъ берется завѣдывать имъ и вставляетъ въ пьесу свои стишки, долженствующіе открыть его чувства возлюбленной.

Но мы забѣжали впередъ; вернемся на минуту къ первому стихотворенію Коншина. Нѣкоторые его образы и выраженія: «любимецъ грацій», «букетъ цвѣточковъ скромный», «пишу стихи, читаю, *плачу»* указываютъ, что, ставъ ученикомъ своего младшаго друга, онъ не могъ, да въ то время и не желалъ, вѣроятно, отрѣшиться отъ традицій предшествовавшей эпохи, отъ вліянія Карамзина и кн. Шаликова, слѣды которыхъ можно подмѣтить и въ послѣдующихъ его произведеніяхъ, но въ болѣе слабомъ видѣ.

Съ 1821 г. Коншинъ начинаетъ печататься въ журналѣ *Соревнователь* [1]; въ его VIII № за этотъ годъ онъ помѣстилъ очень недурное стихотвореніе *Барону К**** (Клеркеру, какъ видно изъ записокъ, своему пріятелю и сослуживцу), гдѣ онъ противополагаетъ

тынскомъ Коншина (вѣроятно, написано послѣ 1841 г.), которое, какъ и цитируемая имъ тетрадь стихотвореній Коншина, находится до сихъ поръ въ частномъ владѣніи—въ бумагахъ покойнаго Плетнева, и мнѣ не были доступны.

[1]) Полное его заглавіе: *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. Труды вольнаго общества любителей россійской словесности.* Общество это составилось въ 1816 году, а было утверждено въ 1818 г. Съ 1823 г. это общество собирается въ домѣ Державина (на Фонтанкѣ) въ память великаго поэта. Въ это врем предсѣдателемъ общества былъ Ѳедоръ Глинка; въ числѣ членовъ состояли и Ѳ. Булгаринъ, и Н. Гречъ, и Кондратій Рылѣевъ, и Александръ Бестужевъ, и гр. Хвостовъ; здѣсь кн. Н. А. Цертелевъ предложилъ для чтенія свой *Обзоръ русской словесности.* Въ книжкахъ *Соревнователя* мы находимъ и стихотворенія Кюхельбекера («Хоръ изъ Аргивянъ»), и К. Рылѣева (большой отрывокъ изъ его поэмы:

свою «разочарованность» юношеской свѣжести барона; въ 1824 г. (№ VII)—небольшое стихотвореніе *Къ Лидѣ*, заключающее въ себѣ описаніе мрачной Финляндіи; въ немъ есть неровности, неудачныя сочетанія, вродѣ «унылая грудь», но есть мѣстами небезталанно выраженное искреннее чувство [2]), а въ 1825 г. (№ V, стр. 177—198) тамъ появилась поэма Н. Коншина—*Владѣтель волшебнаго хрусталька, аллегорическая сказка*, которою авторъ былъ настолько доволенъ, что сейчасъ же перепечаталъ ее отдѣльной книжкой (Спб., 1825 г.) съ присоединеніемъ стихотворнаго посвященія дядѣ Изъѣдинову. А между тѣмъ на всякій не подкупленный дружбой къ автору вкусъ это очень плохая поэма. Правда, риѳмы въ ней богаты и звучны; но эта звучность пріобрѣтается при посредствѣ насилій надъ русскимъ синтаксисомъ и даже надъ этимологіей (вродѣ: *востоку* риѳмуетъ «къ потолоку»). Правда, кое-гдѣ авторъ выказываетъ изобрѣтательность воображенія; но въ общемъ содержаніе сказки донельзя запутанно и просто нелѣпо. Начать съ того что сказку читаетъ гусарскій полковникъ Глѣбъ Угаровъ, читаетъ ее по рукописи, которая унаслѣдована имъ отъ какого-то Мавра. Герой сказки, по имени Силачъ, родился «въ полночныхъ льдахъ Америки»; неизвѣстно, какіе люди и неизвѣстно за что звѣрски убиваютъ его отца и мать, послѣ чего онъ попадаетъ въ Европу, живетъ сперва въ свѣтѣ, потомъ въ пустынѣ съ духами, въ обществѣ которыхъ находитъ и потомъ хоронитъ любимую женщину; потомъ въ продолженіе 20 лѣтъ онъ изучаетъ всѣ науки и разочаровывается въ нихъ. Тогда къ нему приходитъ страшный посѣтитель съ чашею и кинжаломъ, объявляетъ ему, что это онъ убилъ его родителей и вообще отравилъ всю его жизнь; но теперь, видя его душевную силу, онъ пришелъ вознаградить его за всѣ страданія; при этомъ онъ превращается въ свѣтлое существо и даритъ ему хрусталекъ, открывающій истину и въ то же время переносящій въ міръ волшебной красоты. Въ концѣ присоединено такое характерное толкованіе къ этому архи-романтическому, но не богатому красками вздору:

Гайдамаки, и самого А. Пушкина. *Въ декабрѣ 1825 г.* (очевидно, въ первыхъ числахъ) въ обществѣ «цензоромъ поэзіи» былъ избранъ К. Ѳ. Рылѣевъ, до тѣхъ поръ состоявшій тамъ только членомъ цензурнаго комитета!

[2]) Черезъ два года Коншинъ довольно безцеремонно перепечаталъ это стихотвореніе въ *Новостяхъ Литературы* (кн. XVI, стр. 118—120), озаглавивъ его: *Къ Деліи* и пропустивъ нѣсколько строкъ.

Когда судьба твой міръ разочаруетъ,
Засядетъ грусть въ груди твоей нѣмой,
Когда любовь свѣтильникъ свой задуетъ,
Твоихъ надеждъ исчезнетъ пестрый рой:
Не плачь тогда, проснувшійся мечтатель!
Не порицай предвѣдущихъ небесъ,
И *Опытъ*, твой безжалостный каратель,
Введетъ тебя въ святилище чудесъ,
Наставитъ умъ премудростью высокой
И въ счастіе одѣнетъ уголъ твой;
Онъ дастъ тебѣ магическое око,
И правды день блеснетъ передъ тобой!

Но въ историко-литературномъ отношеніи эта поэма не лишена интереса, такъ какъ показываетъ вѣянія, господствовавшія въ то любопытное время среди любителей словесности. Гусарскій полковникъ (здѣсь совершенно неумѣстный) едва ли не вдохновленъ Денисомъ Давыдовымъ; «полночные льды Америки» ввелъ въ моду Шатобріанъ съ своею Аталой; рукопись Мавра—общее мѣсто въ средневѣковыхъ позднихъ поэмахъ, унаслѣдованное нѣмецкими романтиками и перешедшее къ намъ въ переводахъ. 20-лѣтнее изученіе наукъ сильно напоминаетъ пушкинскаго финна изъ *Руслана и Людмилы* [1]), которая, повидимому, вмѣстѣ съ *Пирами* Баратынскаго обусловила и весь тонъ «сказки» Коншина—смѣсь фантастики съ отступленіями, которыя очень часто претендуютъ на шутливость. Что же касается до замысловатой идеи «Волшебнаго хрусталька», выраженной въ приведенномъ нами заключеніи, то она явно заимствована Коншинымъ изъ прекраснаго стихотворенія его друга и учителя Баратынскаго: *Истина* (въ изд. № XXXVII, напеч. 1824 г. въ *Полярной Звѣздѣ*).

Вотъ что тамъ говоритъ олицетворенная Истина, явившаяся поэту (послѣ разрушительнаго *опыта*).

Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) захочу
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,

[1]) Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну и т. д.

Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ направлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой и т. д.

Какъ ясна и въ то же время глубока мысль у Баратынскаго, и какъ она односторонне-прозаична въ холодной аллегоріи Коншина!

Несравненно лучше удавались ему мелкія стихотворенія, въ особенности не элегическаго, а добродушно-веселаго характера. Въ 1823 г. онъ помѣстилъ въ *Новостяхъ Литературы*, изд. А. Воейковымъ и В. Козловымъ [1]), три стихотворенія: *Походъ* (кн. IV, стр. 207), *Къ ручью* (V, 15) и *Воспоминаніе*. Въ первомъ изъ нихъ есть довольно смѣлая строфа, хотя и съ бѣдною риѳмой:

Звучитъ призывный барабанъ;
Окончилось служенье Фебу;
Пѣвецъ взглянулъ прискорбно къ небу,
И спряталъ лиру въ чемоданъ [2]).

Воспоминаніе, судя по искренности тона, имѣетъ автобіографическое значеніе: вѣроятно, Коншинъ имѣетъ въ немъ въ виду нѣкую Амалію, за которой онъ ухаживалъ прежде встрѣчи съ своею будущею женой. Въ 1824 г. въ № 2 *Мнемозины* (стр. 155) [3]) Коншинъ помѣстилъ небольшое элегическое стихотвореніе какому-то Р...ву, своему товарищу по службѣ, которому поэтъ напоминаетъ

Первый нашъ бивакъ
И образъ маленькой пастушки [4]).

Чтобы покончить съ стихотвореніями Коншина за этотъ періодъ заглянемъ въ 1826—7 гг. Въ журналѣ А. Воейкова: *Славянинъ* за 1826 г. (стр. 152—3) онъ помѣстилъ стихотвореніе «къ Лилѣ», начинающееся такъ:

Юныя флоры май благодатный
Снова объемлетъ милый кумиръ;
Алыя розы, листъ ароматный
Снова лобзаетъ нѣжный зефиръ и т. д.

[1]) Здѣсь участвовали и Рылѣевъ, и баронъ Дельвигъ, и А. Пушкинъ, и Баратынскій, и друг.

[2]) Это стихотвореніе перепечатано въ Московскомъ сборникѣ: *Эвтерпа* въ 1831 году (стр. 136).

[3]) Изд. кн. В. Одоевскаго и К. Кюхельбекеръ въ Москвѣ.

[4]) Перепечатано въ Московскомъ сборникѣ 1835 года: *Весенніе цвѣты* (стр. 102—103).

Судя по изобилію классическихъ украшеній, надо думать, что оно относится къ первымъ опытамъ нашего поэта.

Въ изящномъ *Певскомъ Альманахѣ* за тотъ же годъ Коншинъ напечаталъ 3 стихотворенія: небольшое посланіе Б...ну [1]), на тему даже имъ, Коншинымъ, уже нѣсколько затасканную [2]), довольно объемистые (стр. 213—218) «Отрывки изъ посланія къ моему доктору о привычкѣ къ чаю» и свою единственную небольшую пьесу, пережившую автора: это «Пѣсня (на голосъ популярной французской пѣсенки)». Вотъ ея текстъ (187—8):

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, улетитъ;
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозитъ.
  Летитъ стрѣлой
  Нашъ вѣкъ младой;
  Какъ сладкій сонъ
  Минуетъ онъ.
  Лови, лови
  Часы любви,
  Пока огонь горитъ въ крови.
Затмится тоскою
Нашъ младости пиръ;
Обманетъ мечтою
Украшенный міръ.
  Бѣднѣетъ свѣтъ;
  Что день—то нѣтъ
  Мечты златой,
  Мечты живой!
  Лови, лови и пр.
Какъ май ароматный—
Веселье весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны—
  Такъ юность дней!
  Вся радость въ ней!
  Друзья, скорѣй
  Все въ жертву ей!
  Лови, лови и т. д.

[1]) В. М. Бакунину?
[2]) Поэтъ даетъ совѣты юному гусару: Ср. выше его стихотвореніе барону К.

Люби—и смѣйся надъ молвою
И надъ шушуканьемъ глупцовъ
И всею почитай душою—
Веселье, славу и любовь.

Нельзя не видѣть здѣсь явнаго, хотя, вѣроятно, и безсознательнаго подражанія пушкинскому стихотворенію *Адели* [3]), но нельзя отрицать и того, что немногія изъ русскихъ искусственныхъ пѣсенъ представляютъ такую гармонію между идеей (положимъ, не глубокой и не оригинальной) и звучною формой.

Эта «пѣсня» съ совершенно произвольнымъ эпитетомъ «Цыганская» была положена на музыку А. Л. Гурилевымъ (1802—1856 г.). издана въ первый разъ Бернардомъ, потомъ гг. Гутхейлемъ и Юргенсономъ и до сихъ поръ поется въ студенческихъ кружкахъ.

«Отрывки изъ посланія доктору» оригинальнѣй и искреннѣй по содержанію (авторъ перебираетъ моменты своего прошлаго, когда наслаждался чаемъ въ обществѣ друзей) и заключаются довольно удачной (за исключеніемъ одного полустиха) строфой:

И такъ, мой докторъ, вотъ начало
Моей привычки роковой!
Лѣчи меня, но твой больной
Все любитъ чай свой, какъ бывало.
Онъ и теперь предъ комелькомъ
Одинъ, никѣмъ не замѣчаемъ (?),
Съ больною музою и *чаемъ*
Справляетъ *тризну по быломъ.*

Въ *Невскомъ Альманахѣ* за 1827 г. Коншинъ помѣстилъ только одно стихотвореніе (стр. 189): *Дверь*, мрачно-романтическое, но лишенное смысла; оригинально оно только по красивому размѣру, да и тотъ — явное подражаніе *Смальгольмскому барону* Жуковскаго (1822 г.).

Литературная дѣятельность Коншина не ограничивалась одними стихотвореніями: уже въ 1822 г. въ томъ же *Соревнователѣ* (№ IV. стр. 1—32) онъ напечаталъ переводный съ французскаго отрывокъ изъ Робертсоновой *Исторіи Карла V* объ отреченіи его и смерти. а въ слѣдующемъ 1823 г. тамъ же (№ II, 146—173) перевелъ оттуда же другой отрывокъ—объ орденѣ іезуитовъ. Оба перевода

[3]) 1822 г. по изд. фонда I, 281. По размѣру ср. «Испанскій романсъ» (1824 г. I, 307):

Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви.

не свободны отъ синтаксическихъ неправильностей, но точны и въ общемъ не дурны.

Есть еще указаніе на его прозаическій трудъ несравненно большаго объема: во всѣхъ формулярахъ Коншина мы читаемъ, что 27 января 1822 года онъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ «за переводъ исторіи *Карла Великаго*». Такъ какъ такой книги или статьи его, сколько мы знаемъ, не существуетъ, то можно было бы предположить, что писарь смѣшалъ Карла V съ Карломъ Великимъ; но въ *Соревнователѣ* за 1823 годъ № III, стр. 363—4 напечатано объявленіе о вновь выходящей книгѣ *Царствованіе Карла Великаго, короля французскаго, императора западнаго*, 3 части. Перевелъ съ французскаго Н. Коншинъ, *дѣйствительный членъ* [2]) С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности». Очевидно, этотъ переводъ Коншинъ представилъ еще въ началѣ 1822 г. на высочайшее благоусмотрѣніе, получилъ поощрительную награду и потомъ сталъ искать издателя. Дѣло было близко къ осуществленію (въ объявленіи говорится и о бумагѣ и о цѣнѣ будущей книги); но такъ какъ подписка не привлекла многихъ желающихъ, книга на свѣтъ не появилась.

Возвращаюсь къ біографіи Коншина. Невѣста его, очевидно, была безъ средствъ, такъ какъ едва предложеніе его было принято, онъ начинаетъ усиленно хлопотать объ устройствѣ своихъ дѣлъ. Онъ подаетъ въ отставку и получаетъ ее «съ повышеніемъ», т.-е. съ правомъ на чинъ колл. ассесора при поступленіи въ гражданскую службу. Въ январѣ 1824 года онъ является въ Петербургъ и выхлопатываетъ себѣ «довольно выгодное мѣсто» чиновника особыхъ порученій при костромской казенной палатѣ. Остатокъ зимы, вся весна и лѣто 1824 г. уходитъ у него на устройство служебныхъ и домашнихъ дѣлъ [3]); въ августѣ онъ ѣдетъ навстрѣчу невѣстѣ

[1]) Въ 1824 г. въ томъ же *Соревнователѣ* (№ IX, 255 — 290) Коншинъ перевелъ съ франц. перевода гр. Мирабо рѣчь: «Почему французскій языкъ сдѣлался всеобщимъ языкомъ въ Европѣ». Переводъ хорошъ, но рѣчь малосодержательна.

[2]) Въ таковые онъ переименованъ изъ членовъ-сотрудниковъ одновременно съ К. Рылѣевымъ еще 30 декабря 1821 г.

[3]) Его душевное настроеніе въ это время видно изъ предисловія къ его запискамъ, которое приводимъ цѣликомъ, съ ороографіей подлинника:

«Теперь, когда я оставляю уже холостую жизнь, когда выступаю изъ царства мечтаній въ область существенности, я рѣшаюсь накидать на бумагу исторію своихъ похожденій; ее прочтутъ можетъ быть нѣкогда товарищи моей юности, и мы вмѣстѣ посмѣемся надъ *прошедшимъ* и сравнимъ—стали ли въ *настоящемъ* благоразумнѣе. Ее пробѣжитъ мелькомъ подруга назначенная мнѣ промысломъ, спи-

въ Тверь, и 3 сентября тамъ происходитъ вѣнчаніе. Коншинъ былъ счастливъ въ семейной жизни, какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ къ рукописи *для немногихъ*: отъ 31 мая 1827 г. и отъ 7 окт. 1837 г. [1]).

сходительно перевертывая листы или нескромные или щекотливые для нея; конечно, я не выиграю въ ея мнѣніи ничего для меня выгоднаго, но по крайней мѣрѣ она узнаетъ, что я ничего не хотѣлъ скрывать отъ нее».

[1]) Въ 1837 г. у него уже 4 сына и «счастливый и благодарный мужъ молитъ Бога за своего утѣшителя».

Такъ какъ Баратынскій не будетъ играть роли въ дальнѣйшей судьбѣ Коншина, то приводимъ теперь же содержаніе его немногихъ послѣдующихъ писемъ къ женатому пріятелю, хранящихся въ Публичной библіотекѣ и представляющихъ не безъинтересный матеріалъ для біографіи Баратынскаго.

Получивъ отъ Коншина письмо о свадьбѣ, Баратынскій сердечно радуется его счастію; о себѣ же пишетъ: «я живу по маленьку ни веселъ, ни скученъ. Волочусь отъ бездѣлья за Анютой, обыкновенно по воскресеньямъ у Лутковскаго. Дома пишу стихи и лѣчусь отъ раны, которую нанесла мнѣ любовь; но это рана не сердечная... Въ Петербургѣ на-чисто промотался» (безъ даты).

Отъ 26 февраля (вѣроятно 1825 г.) Баратынскій благодаритъ Коншина за присылку денегъ (Коншинъ былъ, очевидно, долженъ ему); обвиняетъ себя въ пессимизмѣ; на лѣто съ полкомъ идетъ въ Петербургъ.

Отъ 19 декабря 1826 г. «Такъ, мой милый, вашего полку прибыло: я женатъ и счастливъ. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось къ тихой и нравственной жизни». Онъ сравниваетъ свою Настеньку съ врачемъ-цѣлителемъ. Коншина проситъ онъ кланяться его отцу, финляндское гостепріимство котораго онъ помнитъ. Онъ собирается прожить въ Москвѣ по крайней мѣрѣ годъ.

Въ сентябрѣ 1829 г. Баратынскій, отвѣчая на просьбу Коншина прислать ему стиховъ для альманаха, обѣщаетъ доставить желаемое къ 1 ноября; «но не прогнѣвайся, пришлю немного. Нынѣшній годъ за разными семейными заботами я писалъ очень мало, но чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Братски подѣлюсь между тобою и Дельвигомъ». Поздравляетъ Коншина «съ семейственною надеждой»: «Знаю по себѣ, какъ велика радость быть отцомъ. У меня, братъ, уже порядочная семейка: сынъ и дочь, да еще потерялъ малютку». Съ барономъ Розеномъ онъ познакомился мелькомъ у Полевого. При слѣдующемъ письмѣ (безъ даты) онъ прилагаетъ стихи («Фея» и друг.) и поздравляетъ Коншина съ дочерью. «Воображаю твою радость и очень, очень бы желалъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ быть у тебя на крестинахъ. Когда-то сведетъ насъ Богъ! Моя жизнь, кажется, всегда будетъ дѣлиться между Москвою и Тамбовомъ».

Въ той же папкѣ Публичной библіотеки находится письмо Баратынскаго къ Н. Полевому (безъ даты, но съ почтовою отмѣткой 1827 г. 25 ноября), который печаталъ его стихотворенія. Бар. очень доволенъ изданіемъ, проситъ послать 600 экземпляровъ Дельвигу; считаетъ, что много долженъ Полевому; на разсылку поручаетъ взять 100 рублей у его тестя; проситъ доставить по экз. кн. Вяземскому, Дмитріеву, Погодину. Въ началѣ же этого письма Бар. выражаетъ свое восхищеніе Онѣгинымъ.

Менѣе удачно шли дѣла Коншина по службѣ, судя по тому, что ему приходилось перемѣнять мѣста: прослуживъ меньше году въ костромской казенной палатѣ, онъ 28 апрѣля 1825 года опредѣленъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ (не сказано чѣмъ; вѣроятно, это было только причисленіе), и 30 сентября того же года назначенъ въ тверскую казенную палату. Тамъ оставался онъ два года съ небольшимъ, до 30 ноября 1827 г., и вышелъ въ отставку. Только къ 1 марта 1829 г. онъ нашелъ, наконецъ, мѣсто по себѣ: былъ назначенъ правителемъ канцеляріи главноуправляющаго Царскимъ Селомъ и дворцовымъ правленіемъ. Въ этой должности оставался онъ болѣе 8 лѣтъ, получилъ нѣсколько наградъ (между прочимъ монаршее благоволеніе за участіе, въ качествѣ правителя дѣлъ, въ слѣдственной коммиссіи по безпорядкамъ въ Старой Русѣ, во время такъ называемаго холернаго бунта), и въ этотъ-то періодъ онъ сошелся съ Дельвигомъ и Пушкинымъ.

Пушкинъ замѣтилъ Коншина еще въ 1825 г.: въ письмѣ къ Жуковскому изъ Михайловскаго [1]) онъ называетъ свою жизнь «элегіей вродѣ Коншина», очевидно, въ смыслѣ плохой элегіи. Въ 1831 г. проживая лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ былъ съ нимъ въ личныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ [2]), и Коншинъ, благодаря своему оффиціальному положенію, имѣлъ случай оказать поэту незначительную услугу. Но еще за полтора года до тѣхъ поръ Коншинъ вмѣстѣ съ бар. Розеномъ, безъ сомнѣнія, черезъ посредство Дельвига, съ которымъ Коншинъ уже давно на *ты* [3]), успѣли добыть отъ Пушкина три его стихотворенія для своего альманаха *Царское Село*.

Этотъ альманахъ — первое крупное литературное предпріятіе Н. М. Коншина; онъ изданъ очень красиво, съ виньеткой, прекраснымъ портретомъ барона Дельвига и нотами для послѣдней пѣсни. Въ немъ 48 пьесъ, изъ которыхъ только 6 прозаическихъ.

[1]) Отъ 17 августа. Изд. лит. фонда, т. VII, стр. 156.

[2]) См. письмо Пушкина безъ даты, т. VII, стр. 285.

[3]) Въ автографахъ Публ. библ. хранятся два письма Дельвига къ Коншину; одно безъ даты (судя по содержанію, отъ ноября или начала декабря 1829 г.), изъ котораго видно, что Дельвигъ подписывалъ вторыя корректуры альманаха и вообще имѣлъ надъ нимъ верховный надзоръ (хотя распредѣленіе статей уже сдѣлано бар. Розеномъ или Деларю); а второе отъ 8 мая 1830 г., въ которомъ Дельвигъ извѣщаетъ Коншина о радостномъ семейномъ событіи, рожденіи у него дочери, будущей подружки дочери Коншина.

Въ числѣ 42 стихотвореній 10 принадлежатъ одному изъ редакторовъ барону Розену и 4 другому—Коншину (одно изъ нихъ шутливое: *Процессъ*, написанное размѣромъ басенъ, очень недурно [1]). Дельвигъ далъ только одно стихотвореніе (*Пѣсня*) [2]), очевидно изъ старыхъ завалявшихся; но за то онъ далъ повѣсть подъ названіемъ *Село Ивановское* (стр. 244—261) которую подписалъ анаграммой: А. Влидьге. Положимъ, и повѣсть, очевидно, изъ очень юныхъ произведеній Дельвига, и въ ней, кромѣ красиваго языка, нѣтъ никакихъ достоинствъ. Но могла ли самая пылкая дружба ожидать, чтобы Дельвигъ, всецѣло занятый своей *Литературной Газетой* и *Сѣверными Цвѣтами*, отдавалъ лучшія свои вещи въ чужой альманахъ? Довольно и того, что онъ уступилъ ему рядъ стихотвореній Пушкина и Баратынскаго [3]). Изъ другихъ извѣстныхъ поэтовъ Ѳ. Глинка далъ 4 стихотворенія и отрывокъ изъ исторіи войны 1812 г., Деларю—4 стихотворенія, О. Сомовъ далъ двѣ повѣсти. Остальные поэты и прозаики выступали здѣсь чуть ли не въ первый разъ или скрывались подъ буквами и анонимами. Каждый изъ редакторовъ далъ по одной повѣсти: Коншинъ—*Островъ на садовомъ озерѣ* (преданіе), бар. Розенъ—*Розалію* [4]). Повѣсть Коншина, выступившаго въ первый разъ на поприщѣ беллетриста, очень обширна (стр. 10—126) и, очевидно, друзьямъ его нравилась; языкъ ея—гладкій и нѣсколько тягучій; описанія придворныхъ празднествъ при дворѣ Екатерины отдѣланы очень старательно; высокихъ чувствъ: преданной дружбы, благородства, героизма, а главное: пылкой, но самой чистой любви—количество неизмѣримое, но рельефности въ характерахъ нѣтъ и признаковъ, и сюжетъ баналенъ до крайности. Любопытно только сочувственное отношеніе въ польской аристократіи (представителемъ ея является графъ Огинскій) и благополучная развязка, устраиваемая Екатериной II. Повѣсть барона Розена несравненно оригинальнѣе по сюжету и красивѣй по отдѣлкѣ, хотя тоже очень сентиментальна и лишена характеровъ. Въ общемъ, *Царское Село* не хуже и не лучше

---

[1]) Другое стихотвореніе *Посланіе къ М...* перепечатано въ московскомъ сборникѣ *Роза грацій*, 1831 г., стр. 37.

[2]) Если не считать вышеупомянутой застольной пѣсни Коцебу, въ которой, судя по подписи Б. Д., Дельвигу принадлежитъ львиная доля.

[3]) Всего 4 стихотворенія, одно подписано только буквами Е. Б—ій.

[4]) Подписался, должно быть, для разнообразія: *Б. Р—ъ*.

другихъ альманаховъ того времени, и критическіе отзывы объ немъ обусловливались, главнымъ образомъ, отношеніемъ кружка къ партіи *Литературной Газеты* и къ тому или другому изъ участниковъ альманаха. Такъ NN (Надеждинъ) въ *Вѣстникѣ Европы* [1]) разбранилъ *Царское Село* въ пухъ и прахъ, нашелъ «ридикюльное» даже въ стихотвореніи Пушкина [2]): *Зимнее Утро* и похвалилъ только «искрящіяся жизнью истинною» стихотворенія Глинки. Въ *Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности на 1830 г.*, изд. В. П. Оленымъ [3]). *Царское Село* названо «прекраснымъ подаркомъ любителямъ русской литературы», и объ издателяхъ сказано, что «ихъ имена давно уже съ выгодной стороны извѣстны въ отечественной словесности». Въ *Сѣверномъ Меркуріи* (1830 г., № 9) *Царское Село* тоже удостоилось большихъ похвалъ; даже о повѣсти Коншина сказано, что «слогъ часто живописенъ» и что она «имѣетъ достоинство стать исторической»; разруганъ только одинъ О. М. Сомовъ. Въ *Московскомъ Телеграфѣ*, повидимому, самъ Н. Полевой, по поводу *Царскаго Села* остроумно смѣется надъ альманашниками вообще и ихъ христорадничаньемъ передъ извѣстными поэтами [4]) и, хотя не подводитъ гг. Коншина и барона Розена «подъ категоріею альманачниковъ» (sic), но все же ставитъ вопросъ: *для чего* изданъ ими альманахъ? Повѣсть Коншина онъ признаетъ довольно плохою, а *Розалію* написанной «съ чувствомъ и прекрасно».

Но Коншинъ, очевидно, болѣе вѣрилъ устнымъ и письменнымъ похваламъ друзей, нежели критикамъ враждебнаго лагеря: въ 1833 г. онъ издалъ книжку: *Двѣ повѣсти* (изъ записокъ о Финляндіи) съ посвященіемъ барону К. Г. Клеркеру, изъ исторіи предковъ котораго будто бы взяты эти разсказы. Первая повѣсть называется *Густавъ Вертъ* и представляетъ довольно замѣтное подражаніе *Гану Исландцу* Гюго. Герой ея—аристократъ, племянникъ министра, погубившій массу женщинъ, но бѣшено полюбившій послѣднюю похищенную имъ дѣвушку, которая и спасаетъ его отъ смерти. Ма-

[1]) 1830 г., № 3, стр. 243—8.

[2]) Котораго, впрочемъ, онъ называетъ: «нашъ любимый поэтъ».

[3]) Стр. 272.

[4]) По примѣрному наблюденію критика, Пушкинъ «иногда броситъ что-нибудь»; также снисходителенъ и кн. Вяземскій, Баратынскій даетъ рѣже, Дельвигъ—почти никогда, Ѳ. Глинка—*всегда и много*.

нера—архиромантическая: каждая глава, вводящая новое лицо, начинается, какъ новый романъ; переходы отъ одного положенія къ другому чрезвычайно быстры и рѣзки; есть потопленіе, двойное сумасшествіе, необыкновенный силачъ, переодѣванья и пр. Вторая повѣсть: *Тайна,* герой которой полковникъ Ториньи принимаетъ на себя чужую вину и тѣмъ чуть не на вѣкъ лишаетъ себя свободы и счастья, написана въ другомъ тонѣ, болѣе спокойномъ и меланхолическомъ. Характеровъ нѣтъ и въ поминѣ ни въ той, ни въ другой; большинство лицъ (во второй повѣсти даже всѣ) необыкновенно добродѣтельны и благородны. Видно, что авторъ очень добрый и чувствительный человѣкъ (окончаніе въ обѣихъ повѣстяхъ счастливое), но плохой романистъ, лишенный наблюдательности и не богатый воображеніемъ. Книжка Коншина, сколько я знаю, удостоилась одной только рецензіи въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1833 г. № 11, стр. 468—471), рецензіи не ругательной: авторъ названъ «человѣкомъ съ дарованіемъ», но при этомъ о *Густава Вертѣ* сказано, что онъ составленъ «изъ чужихъ впечатлѣній» и лишенъ естественности; рецензентъ болѣе доволенъ *Тайной;* «будь эта повѣсть лучше развита, лучше обставлена, она была бы хороша», находитъ онъ. Почему-то *Телеграфъ* не доволенъ многочисленными эпиграфами Коншина изъ Баратынскаго, Дельвига и Пушкина.

Черезъ годъ Коншинъ печатаетъ цѣлый историческій романъ въ 3-хъ томикахъ: *Графъ Обоянскій или Смоленскъ въ 1812 г.* Разсказы инвалида [1]). Несмотря на интересъ исторической канвы. близко знакомой автору по собственному опыту (припомнимъ, что Коншинъ въ 1812 г. дѣйствовалъ именно подъ Смоленскомъ), гр.

[1]) На сценѣ нѣтъ никакого инвалида. Сюжетъ въ двухъ словахъ такой: графъ Обоянскій, въ отчаяніи послѣ смерти дочери, предался дурной компаніи и, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Богуславомъ, обыгралъ навѣрняка бригадира Мирославцева, который скоро умеръ, оставивъ въ благородной бѣдности вдову и дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ Богуслава, храбрый офицеръ, влюбляется въ дочь Мирославцева и любимъ ею взаимно. Но стремленіе Богуслава женить сына на богатой и его же участіе въ гибели Мирославцева ставятъ между ними неодолимыя препятствія. Между тѣмъ гр. Обоянскій подъ вліяніемъ видѣнія,—ему явилась его дочь въ сопровожденіи 4-хъ человѣкъ *въ красномъ* и воззвала къ его совѣсти,—раскаялся во всѣхъ своихъ поступкахъ и ищетъ случая загладить ихъ. Подъ видомъ старика купца онъ является къ Мирославцевымъ, охраняетъ ихъ во время нашествія французовъ и, возвративъ Софьѣ состояніе отца, устраиваетъ ея бракъ съ молодымъ Богуславомъ.

Оболнскій едва ли не слабѣйшее произведеніе Коншина. Правда, лѣсная жизнь помѣщиковъ и крестьянъ во время французовъ изображена красиво и эффектно; но этотъ эпизодъ сильно напоминаетъ съ одной стороны французскіе романы изъ временъ вандейской войны, а съ другой *Монастырку* Погорѣльскаго (1830—1833). О характерахъ и думать нечего: здѣсь нѣтъ ни женщинъ, ни мужчинъ, а «дѣвы», мудрые и великодушные «мужи», «юные герои» и «героини». Историческая часть блѣдна, а романтическая скучна до крайности; даже слогъ испещренъ курьезными неправильностями [1]). Но доброе сердце автора и оптимизмъ его выражаются и здѣсь и, пожалуй, еще съ большею рельефностью, нежели гдѣ бы то ни было: дурными людьми у него оказываются только управляющій и камердинеръ Богуслава; остальные всѣ до одного хорошіе; французскіе офицеры — образцы великодушія и благородства, поляки въ арміи Наполеона точно также. Одни евреи должны бы быть комичны своею трусостью, но комизмъ Коншина слабъ до крайности.

Любопытны совпаденія въ нѣкоторыхъ деталяхъ этого плохого романа съ *Войною и Миромъ;* и здѣсь выведенъ партизанъ Денисъ Давыдовъ подъ именемъ Дениса Свислоча; и здѣсь Мюратъ оказывается боевымъ офицеромъ, который чувствуетъ себя неловко въ иной, болѣе важной роли (II, 224).

Въ романѣ довольно много разсужденій автора: о законахъ, о купечествѣ, о поэзіи и пр., но въ нихъ мало оригинальнаго [2]).

Романъ Коншина достался на рецензію 24 лѣтнему Бѣлинскому, только что выступавшему въ журналѣ Надеждина съ *Литературными Мечтаніями;* въ томъ же № 8 *Молвы*, гдѣ онъ заканчиваетъ свою знаменитую критическую статью, онъ огуломъ вмѣстѣ съ повѣстью Масальскаго и *Шпіонами* казнитъ и *Графа Обоянскаго.*

«Что сказать о *Графѣ Обоянскомъ?* Судя по эпиграфу [3]), вы по-

[1]) Наприм., *Огромное восклицаніе* (т. I, стр. 63), *Обогащенный анекдотами продолжительной службы* (ibid. стр. 70). *Съ холоднымъ разсудкомъ на линіи* (ibid. стр. 72), *Множество гостей отсвѣчивалось по безконечнымъ аллеямъ* (стр. 85). *Врядъ ли кому удалось испытать надъ собою подобнаго смыслу* (стр. 138), *скоро въ передней раздалась походка* (стр. 140) и т. д.

[2]) Любопытно развѣ то, что благодушный Коншинъ (т. III. стр. 124) допускаетъ въ поэзіи насмѣшку, даже «*самую ѣдкую*, но... *чуждую личности* (sic) и растворенную всею любезностью общежитія».

[3]) *Изъ пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ.*

«Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды».

думаете, что здѣсь дѣло идетъ о знаменитой войнѣ 1812 г. и герояхъ, увѣковѣчившихъ въ ней имена свои? Ничуть не бывало: это *Дюкредюмснилевскій* романъ съ *Вальтеръ Скоттовскими* приправами. Въ немъ нѣтъ ни слога, ни мыслей, ни созданія, ни характеровъ, ни занимательности; словно гора съ плечъ сваливается у васъ, когда вы дочитываетесь до отраднаго слова: *конецъ*. Тутъ вамъ поневолѣ придутъ на память сіи остроумные стихи:

Всю проповѣдь отца Тарасія хоть кинь!
Одно понравилось мнѣ слово въ ней: аминь!

«Жаль, очень жаль; ибо, какъ ни плохо произведеніе г. Коншина, а все видно, что онъ могъ бы сдѣлать лучшее употребленіе изъ своихъ дарованій».

Немного ниже Бѣлинскій признаетъ, что *Графъ Обоянскій* въ художественномъ отношеніи ниже даже безграмотныхъ *Шигоновъ*.

Отзывъ Бѣлинскаго въ данномъ случаѣ, не въ примѣръ прочимъ, совпадаетъ съ отзывомъ *Сѣв. Пчелы*, Булгарина (№ 256, подписано Р. М.). Рецензентъ *Пчелы*, изложивъ содержаніе романа, смѣется надъ капризомъ героини, которая оказывается «строже уголовной палаты», издѣвается надъ слогомъ и длиннотами и находитъ романъ слабымъ во всѣхъ отношеніяхъ; а между тѣмъ, по его словамъ, «въ газетахъ хвалили *Графа*, прославляли его умнымъ и дѣльнымъ!»

Эти отзывы надолго отбили у Коншина охоту къ литературѣ, и въ продолженіе цѣлыхъ 6 лѣтъ мы не находимъ ни одной печатной строки его; но дружескихъ сношеній съ литераторами онъ не прерывалъ и, черезъ Пушкина, выхлопатывалъ себѣ мѣсто.

Вотъ что разсказывалъ Коншинъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ Ярославлѣ о своемъ свиданіи съ Пушкинымъ по этому дѣлу [1]:

«Это было въ 1837 году. Я желалъ тогда поступить на вакансію директора училищъ Тверской губ. Конечно,—думалъ я,—литературные труды мои даютъ мнѣ нѣкоторое право на то, чтобы не быть совершеннымъ профаномъ въ ареопагѣ педагоговъ; но, ради большого успѣха, я счелъ не излишнимъ, сверхъ другихъ лицъ, попросить и Пушкина, чтобъ и онъ, съ своей стороны, объяснилъ бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову, что я за личность.

---

[1]) Статья Н. И. Рагозинникова въ *Ярославск. Губ. Вѣд.* 1864 г., №№ 17 и 18. Перепечатано въ *Русск. Арх.* Л. Трефолевымъ 1877 г., № 12, ст. 402—403.

«Вотъ пріѣзжаю къ нему 27 января, утромъ, часовъ въ 10, и нахожу въ передней два ящика съ пистолетами; при нихъ вижу посланнаго изъ магазина. Думаю: это—дѣло обыкновенное для Пушкина; онъ охотникъ стрѣлять въ цѣль... Говорю камердинеру:

«— Дома баринъ?

«Тотъ суетится и скороговоркой смутно отвѣчаетъ:

«— Дома-съ. Пожалуйте въ кабинетъ.

«Иду туда. Нахожу Пушкина еще въ утреннемъ домашнемъ костюмѣ и какъ-то странно разстроеннаго и взволнованнаго. Говорю ему о своемъ дѣлѣ, а онъ въ это время безпрерывно перебѣгаетъ отъ дивана къ двери комнаты, почти смежной съ переднею комнатой.

«Ну, вижу, у него какая-то особенная забота, и поднимаюсь уже уйти; но онъ удерживаетъ меня и съ видимымъ волненіемъ говоритъ отрывисто:

«— Хорошо... Хорошо, Николай Михайловичъ... Радъ тебѣ пособить... Сейчасъ, сейчасъ ѣду.

«Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то прибавляетъ:

«— Ахъ, братъ!.. Теперь нельзя... Да постой! Онъ (С. С. Уваровъ), кажется, знаетъ тебя...

«Видя его тревожное состояніе, говорю ему:

«— Ну, Александръ Сергѣевичъ, не во-время я къ тебѣ заѣхалъ; лучше побываю на-дняхъ.

«— Ничего... ничего, любезный мой! — отвѣтилъ онъ.—Какъ тамъ знать, что будетъ послѣ?... Сегодня я его не увижу... Такъ лучше напишу...

«И вотъ поспѣшно взялъ онъ изъ-подъ преспапье бумагу и началъ писать записку къ С. С. Уварову, по-французски.

«Замѣчаю, что за начальнымъ словомъ «Monsieur», выведеннымъ дрожащею рукой, слѣдуютъ еще двѣ фразы, которыя скоро зачеркивается. Вдругъ онъ встаетъ и говоритъ мнѣ:

«Не дивись, что я киплю душой... Знаешь мою горячность... До сихъ поръ не умѣю владѣть собой. Экое дѣло! не пишется... Да лучше увижусь... Скажу, скажу ему...

«Я поторопился взять шляпу, а онъ, при прощаньѣ, какъ будто со слезами на глазахъ, поцѣловалъ меня.

«Каково же было мое изумленіе, когда я черезъ день узналъ, что для Пушкина настали уже послѣднія минуты жизни!»

Повидимому, этотъ разсказъ внушаетъ полное довѣріе отъ начала до конца. Коншинъ—человѣкъ честнѣйшій, память Пушкина чтилъ высоко, и послѣднее съ нимъ свиданіе, происходившее при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ помнить со всѣми деталями. Съ другой стороны, передающій этотъ разсказъ Н. И. Рагозинниковъ, учитель русской словесности въ Ярославлѣ, слыхалъ его, безъ сомнѣнія, не одинъ разъ и могъ и желалъ возстановить его въ подробности; конечно, Пушкинъ или Коншинъ, можетъ быть, говорили не совсѣмъ тѣ слова, какія приведены здѣсь, но, вѣдь, это не важно. А факты: пріѣздъ Коншина къ Пушкину утромъ 27 января съ просьбой о протекціи передъ Уваровымъ, доброта Пушкина и его готовность помочь пріятелю, попытка писать французское письмо Уварову, наконецъ, его прощальный поцѣлуй,— все это, *повидимому*, установлено незыблемо.

Но обратимся къ документамъ.

22 декабря 1836 г. Пушкинъ пишетъ Коншину въ Царское Село [1]):

«Письмо *ваше* очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ — увы!— я не въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, *не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо*! Все-таки вы меня забыли, хоть, наконецъ, и вспомнили. И я позволю дружески вамъ за это попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, что я васъ увижу. Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе. А. П.»

Изъ этого письма, во-первыхъ ясно, что Коншинъ не былъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, какъ можно думать по вышеприведенному разсказу: не только они не на *ты*, но Пушкинъ, повидимому, совсѣмъ не имѣетъ представленія о существованіи *Графа Оболянскаго*, хотя въ свое время, надо думать, и получилъ его отъ автора.

Во-вторыхъ, дѣло о назначеніи Коншина директоромъ училищъ въ Тверь начато не 27 января, а *за пять недѣль до тѣхъ поръ*,

---

[1]) Изд. фонда, т. VII, стр. 417.

начато не простой рекомендаціей, а несравненно практичнѣе— докладной запиской, которую Пушкинъ передалъ Жуковскому для врученія министру, причемъ Жуковскій, очевидно, долженъ былъ присоединить и свое ходатайство.

Утромъ 27 января 1837 г. Коншинъ могъ быть у Пушкина не для того, чтобы просить его ходатайства передъ Уваровымъ, а развѣ для того. чтобы поблагодарить его за удачно направленныя хлопоты; еслибы Пушкинъ былъ ему нуженъ для какого-нибудь другаго шага по тому же дѣлу, Коншинъ, вѣроятно, не забылъ бы этого.

Кто же такъ исказилъ правду и съ какою цѣлью? Сознательнаго искаженія, конечно, ни съ чьей стороны не было, а здѣсь дѣйствовалъ законъ безсознательнаго творчества, въ силу котораго мелкія и не характерныя событія исчезаютъ, а крупныя сближаются по времени и мѣсту.

Коншинъ просилъ Пушкина похлопотать за него передъ Уваровымъ; Пушкинъ съ обычной добротой взялся за это дѣло. Коншинъ приходилъ къ Пушкину незадолго до его дуэли и замѣтилъ его нервное возбужденіе. Сопоставленія этихъ двухъ группъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы черезъ нѣкоторое время самъ Коншинъ убѣдился, что Пушкинъ изъявлялъ полную готовность помочь собрату именно въ это роковое утро.

Но у Коншина было письмо Пушкина отъ 22 декабря, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, дорожилъ и о существованіи котораго г. Рагозинниковъ могъ и не знать. Поэтому вѣроятнѣе, что не Коншинъ такъ разсказывалъ дѣло, а г. Рагозинниковъ, знавшій, что Коншинъ получилъ свое мѣсто, благодаря хлопотамъ Пушкина незадолго до его смерти, *такъ понялъ* Коншина или, что вѣрнѣе, *такъ припомнилъ* его разсказъ черезъ 8 лѣтъ (Коншинъ уѣхалъ изъ Ярославля въ 1856 г., а г. Рагозинниковъ писалъ въ 1864 г.).

Возстановленіе истины, конечно, нисколько не уменьшаетъ доброты и *нѣжности сердца* Пушкина (см. І. с. Л. Трефолева). Коншинъ, безъ сомнѣнія, съ умиленіемъ припоминалъ, какъ любезенъ и сердеченъ былъ съ нимъ Пушкинъ, несмотря на переживаемую имъ драму.

Что заставило Коншина покинуть свою видную службу, гдѣ на-

чальство награждало его довольно усердно [1]), и искать мѣста въ провинціи по чуждой ему до тѣхъ поръ педагогіи? По всей вѣроятности, недостатокъ средствъ и увеличеніе семейства [2]).

Съ 12 мая 1837 г. Коншинъ служитъ въ Твери директоромъ училищъ и служитъ очень удачно [3]). Направленіе его кабинетныхъ трудовъ за это время измѣняется, и онъ начинаетъ довольно усердно заниматься исторіей. Первое, сколько мы знаемъ, его произведеніе, съ которымъ онъ выступилъ послѣ 6-лѣтняго перерыва, историческая статья: *Взглядъ на древнюю Тверь*, напечатанная въ *Маякѣ* П. Корсакова и С. Бурачка за 1840 г. (IV, стр 144 и слѣд.). Статья указываетъ на старательное изученіе Карамзина (авторъ до нѣкоторой степени усвоилъ и слогъ его) и на умѣнье подобрать кое-какіе свои матеріалы. Въ этомъ году *Маякъ* еще не имѣлъ такого специфически-гасительнаго характера, какой получилъ онъ подъ редакціей одного Бурачка, съ 1841 г. Коншинъ отдаетъ и въ этомъ году туда свое стихотвореніе *Четыре вѣка* [4]); но скоро, повидимому, направленіе журнала оттолкнуло его, и въ 1842 г. онъ переходитъ въ *Москвитянинъ* и печатаетъ тамъ свое стихотвореніе *Октавы* [5]). Это, сколько мы знаемъ, его послѣднее самостоятельное поэтическое произведеніе [6]): съ появленія *Актовъ историческихъ* (1-й томъ 1841 г.) Коншинъ всецѣло отдается работамъ по исторіи, но почему-то свои для того времени далеко не

---

[1]) 12 авг. 1830 г. онъ произведенъ въ надв. совѣтники; 20 апр. 1832 г. получилъ высочайшее благоволеніе за работу въ Старо-Русской коммиссіи (см. выше), 6 апр. 1835 г. получилъ Станислава 2-й ст., 20 апр. 1837 г.—Анну.

[2]) Дочь, о которой была рѣчь выше, вѣроятно умерла рано; но 21 дек. 1831 г. у него родился сынъ Николай, 17 іюля 1833 г.—Михаилъ, 9 іюля 1835 г.—Яковъ и 18 сент. 1836 г.—Өедоръ. Имѣнія за нимъ никакого не числилось.

[3]) 23 окт. 1842 г. онъ награжденъ Анной съ короною, 1 ноября 1843 г.—чиномъ статскаго совѣтника; 10 декабря 1846 г. ему прислано высочайшее благоволеніе; 24 іюля 1847 г. исходатайствована пенсія въ 643 р.

[4]) IV, стр: 23—24. Стихотвореніе написано красивымъ размѣромъ, не лишено мысли, но тяжело по слогу. Оно начинается:

Виномъ поэтическимъ ожилъ бокалъ;
Собранье пирующихъ встало; . . . .
Къ нимъ сердца любимецъ внезапно присталъ
Потѣшиться жизнью бывалой. . .
Онъ знаетъ и небо, и сердце людей,
И дивныя пѣсни поетъ чародѣй.

[5]) Часть V, № 9. стр. 5—6 еще болѣе оригинальное по мысли (въ природѣ все пестро и не сходно; только люди стремятся ввести въ общество однообразіе и равенство; однако старанія ихъ безплодны), но также неудачное по слогу.

[6]) Въ *Совр*. 1853 г., № 23, стр. 176, онъ напечаталъ довольно удачный переводъ стихотворенія Шиллера.

безъинтересные труды оставляетъ въ портфелѣ, кромѣ одного, самаго важнаго, который сдѣлалъ имя его вѣчно памятнымъ для всѣхъ, кто занимается исторіей до-петровской литературы: разумѣю *коншинскій списокъ Домостроя*.

Весною 1848 г. Коншинъ нашелъ въ Новгородѣ рукописный сборникъ, въ которомъ оказался «современный» списокъ Домостроя съ неизвѣстной до тѣхъ поръ послѣдней главой: *Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну*, начинающейся указаніемъ на Сильвестра и сына его Анфима. Въ маѣ Коншинъ сообщаетъ объ открытіи своему непосредственному начальнику Д. П. Голохвастову, но не дѣлаетъ изъ этого тайны и для другихъ [1]). Сильно заинтересованный Голохвастовъ добываетъ для сличенія 4 списка Домостроя, но самое изданіе съ подведеніемъ варіантовъ поручаетъ Коншину какъ «опытному знатоку и любителю отечественной исторіи, словесности и древностей [2])».

Письмо Коншина къ Погодину отъ 19 авг. 1840 г. [3]) показываетъ, какъ онъ увлекался своими открытіями, и какъ высоко чтилъ онъ изслѣдователей русской старины [4])

Послѣ большой и важной работы о Домостроѣ и Сильвестрѣ, Коншинъ, повидимому, всецѣло отдается службѣ и семьѣ. Служба его идетъ бойко, но не безъ невольныхъ «авантюровъ». 24 марта 1849 г. онъ получаетъ признательность министра за исходатайствованіе у тверского дворянства добавочной суммы въ три съ половиной тысячи ежегодно на улучшеніе содержанія благороднаго пан-

---

[1]) См. *Н. П. Барсуковъ* «Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 489 и слѣд. (Спб., 1896 г.). Въ бумагахъ Шевырева (Имп. Публ. библ.) имѣется письмо Коншина отъ 29 ноября 1848 г., гдѣ онъ извѣщаетъ Шевырева, что «готовится издать любопытную древность, случайно имъ открытую».

[2]) См. предисловіе къ изданію *Домостроя* во *Временникѣ* за 1849 г. стр. V. Другую работу Коншина, которою Голохвастовъ не успѣлъ воспользоваться, см. въ *Чтеніяхъ* за 1874 г., I, стр. 64—110.

[3]) См. *Барсуковъ* l. c.

[4]) Вотъ списокъ его собственныхъ историческихъ работъ, хранящихся въ его рукописяхъ въ Публ. библіотекѣ:

1. Слѣдственное дѣло о убіеніи царевича Дмитрія.

Здѣсь довольно обстоятельно разобранъ матеріалъ, на основаніи котораго Коншинъ приходитъ къ заключенію, что Годуновъ положительно невиненъ въ убійствѣ Димитрія.

2. Сцена временъ в. кн. Вас. Ивановича 1525 г. (выписка изъ *Актовъ*, т. I, №№ 72, 161 и др.

3. Посланіе Сильвестра и пр.; Голохвостовъ уже названъ покойнымъ.

4. Списокъ съ рп. Домостроя (рядъ тетрадей).

5. *Нѣчто о царѣ Борисѣ Θеодоровичѣ Годуновѣ.* Тетрадь въ 15 листовъ, соб-

сіона при тверской гимназіи, а черезъ 5 мѣсяцевъ (28 авг.), какъ лицо, пользующееся особымъ довѣріемъ начальства, онъ переводится на очень трудный въ то время постъ директора вновь открытой 4-й московской гимназіи. Извѣстно, что эта гимназія явилась замѣной московскаго дворянскаго института, который былъ закрытъ по волѣ императора Николая, и что это закрытіе «произвело тяжкое впечатлѣніе на общество[1])». Изъ архивнаго дѣла о службѣ Коншина видно, что московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій, желая по возможности «прекратить непріятные толки», ходатайствовалъ, чтобы директоромъ вновь открываемой гимназіи былъ утвержденъ профессоръ Чивилевъ, бывшій директоръ института (тогда москвичамъ могло бы показаться, что закрытія никакого не было, а только преобразованіе учебнаго заведенія въ другой типъ). Но высшее начальство имѣло другіе виды, и министръ гр. Уваровъ на это не согласился. Положеніе Коншина, назначеннаго противъ желанія генералъ-губернатора, вѣроятно, было не изъ легкихъ; но непосредственное начальство было имъ, очевидно, довольно: менѣе чѣмъ черезъ годъ (8 іюня 1850 г.) онъ былъ назначенъ на высшій постъ—директора Демидовскаго лицея[2]).

Въ продолженіи 3-хъ лѣтъ служба его въ Ярославлѣ идетъ тихо и мирно. Когда 6 іюня 1853 г. лицей праздновалъ свой 50-лѣтній

ственноручная. Вполнѣ обработанная статья, цѣль которой опять таки оправдать Бориса относительно цареубійства.

6. Тоже, черновикъ; часть чужою рукой.

7. *Марья Ивановна Хлопова, царица невѣста.* 5 листовъ собственноручныхъ, черновикъ.

8—10. *Бояринъ М. Б. Шеинъ*, въ 3-хъ видахъ (два черновика и одинъ бѣловой экз., къ концу переходящій въ черновикъ). Статья стройная и хорошо написанная.

11. *Еретики XVI столѣтія* (на основаніи *Актовъ*, I, №№ 238—9), небольшая обработанная статья.

12. О кн. Ив. Хворостининѣ, тоже вполнѣ обработана.

13. Черновикъ доклада Голохвастову о *Сильвестровскомъ сборникѣ* (см. *Чтенія* 1874 г., I. стр. 64 и слѣд.).

14. О губной Бѣлозерской грамотѣ (*Акты*, I, № 187), обработана.

15. Прерванная обѣдня (*Акты*, I, № 253), тоже.

Здѣсь же находятся его характеристики Жуковскаго и Дельвига, напечатанныя мною въ *Русской Старинѣ* 1897 г., № 2.

[1]) См., между прочимъ, *Барсуковъ*, о. с., 264 и слѣд.

[2]) На переѣздъ ему дано, по его просьбѣ, заимообразно 400 рублей.

юбилей [1]), Коншинъ былъ на немъ любезнымъ и услужливымъ хозяиномъ, и попечитель В. И. Назимовъ при самомъ началѣ празднества въ рѣчи къ студентамъ и публикѣ восхвалялъ Коншина за его плодотворные труды на пользу лицея. На юбилеѣ, кромѣ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, присутствовали и два декана Московскаго университета: С. И. Баршевъ и С. П. Шевыревъ.

Самый актъ открылъ Коншинъ «краткою и сильною рѣчью», которая заключала въ себѣ «воспоминаніе важнѣйшихъ событій въ жизни лицея, ознаменованныхъ милостями двухъ монарховъ, и указаніе на теперешнее назначеніе заведенія [2])»; затѣмъ слѣдовало извлеченіе изъ исторической записки проф. Гладкова и рѣчь Шевырева, а затѣмъ «рядъ пиршествъ», продолжавшійся дней пять. Черезъ 10 дней послѣ юбилея Коншинъ былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники [3]).

Но немедленно вслѣдъ за этимъ подъемомъ служебнаго счастія начинаются и служебныя злоключенія Коншина. Изъ секретнаго дѣла, любезно предоставленнаго мнѣ начальствомъ архива министр. народн. просвѣщенія, мы узнаемъ, что 7 окт. 1853 г. гр. „Орловъ вошелъ съ такимъ представленіемъ къ управляющему министерствомъ просвѣщенія: до свѣдѣнія III отдѣленія дошло, что директоръ Демидовскаго лицея Коншинъ, «пользуясь неограниченнымъ самовластіемъ, предоставляетъ себѣ будто бы оцѣнивать успѣхи воспитанниковъ, и, пользуясь этимъ правомъ (sic) часто вопреки справедливыхъ убѣжденій наставниковъ, выказываетъ нѣкоторымъ образомъ стремленіе свое къ личнымъ выгодамъ». Есть указаніе, что это самовластіе директора и стремленіе къ личнымъ выгодамъ проявляется въ особенности при пріемныхъ экзаменахъ; такъ и въ настоящемъ году по его настоянію принятъ въ студенты Захаровъ, который «будто бы» подарилъ Коншину пару лошадей и корову. Увѣряютъ, что и другіе вновь поступившіе давали директору по-

---

1) Описаніе его, составленное Шевыревымъ, см. въ *Моск. Вѣд.* 1853 г., 18 іюня.

2) Рѣчь эта напечатана и въ *Моск. Вѣд.*, и отдѣльною брошюрой (въ ней всего 7 стран.); но изъ нея нельзя ничего выжать, что можно бы прибавить къ сухо-хвалебному отзыву *Московскихъ Вѣдомостей*, будто Коншинъ никогда и не жилъ другою жизнью! Впрочемъ, и рѣчь проф. Шевырева также оффиціально-безсодержательна; только въ ней больше цвѣтовъ краснорѣчія. Это—меньше вина ораторовъ, чѣмъ времени.

3) Послѣ отъѣзда Шевырева изъ Ярославля между нимъ и Коншинымъ вновь возникла переписка, продолжавшаяся года два (хранится въ бумагахъ Шевырева въ Публ. библ.), но не представляющая особаго интереса.

дарки. Имѣются свѣдѣнія, что Коншинъ предоставилъ всѣ распоряженія по хозяйству лицея и по пансіону эконому Кригеру, который, имѣя отъ того немалыя выгоды, дѣлится ими и съ самимъ директоромъ. Дисциплина въ лицеѣ слаба: студенты посѣщаютъ трактиръ Трехлѣтова, гдѣ для нихъ отведена особая комната (sic).

Управляющій министерствомъ довелъ объ этомъ конфиденціально до свѣдѣнія московскаго попечителя. Попечитель В. И. Назимовъ въ отвѣтной бумагѣ отъ 3 ноября 1853 г. энергично защищалъ Коншина, указывая на то, что онъ привелъ лицей въ порядокъ; но попечитель не отрицалъ того, что Коншинъ *не въ ладахъ съ профессорами* (намекъ на предполагаемый источникъ доноса?). Чтобы выяснить степень справедливости приводимыхъ гр. Орловымъ фактовъ, онъ со своей стороны обѣщалъ имѣть за Коншинымъ секретное наблюденіе.

Черезъ годъ, 7 окт. 1854 г., гр. Орловъ, очевидно, не получившій никакого успокоенія отъ этого «секретнаго наблюденія», а вмѣсто того получившій новый доносъ, снова пишетъ министру, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, студенты Демидовскаго лицея ведутъ себя дурно: посѣщаютъ трактиръ *Лондонъ* (переѣхали, стало быть, отъ Трехлѣтова!), играютъ въ карты и пьянствуютъ. Министръ снова пишетъ объ этомъ попечителю, а попечитель, посылавшій въ Ярославль изслѣдовать дѣло статскаго совѣтника Ѳедорова, снова защищаетъ Коншина и, вѣроятно, при этомъ препровождаетъ черновую бумагу «слѣдствія» (Ѳедорова?), изъ которой видно, что Коншинъ совсѣмъ не причастенъ взяткамъ, но рѣзокъ съ профессорами и излишне снисходителенъ къ студентамъ на экзаменахъ.

Защищаетъ лицей и губернаторъ Бутурлинъ, очевидно спрошенный о поведеніи студентовъ.

В. И. Назимовъ съ такою же энергіей оправдываетъ лицеистовъ (не вступая, впрочемъ, въ разсмотрѣніе того, посѣщаютъ ли они трактиръ и какой именно) и Коншина въ донесеніи отъ *7 іюня 1856 г.,* снова повторяя, что Коншинъ благоустроилъ лицей; но онъ не отрицаетъ въ Коншинѣ «нѣкоторой строптивости характера» и допускаетъ, что онъ можетъ быть виновенъ «въ излишнемъ присвоеніи себѣ власти». Что же касается до пріемныхъ экзаменовъ, то попечитель считаетъ профессоровъ и именно *молодыхъ* наклонными къ «*излишней* строгости»; Коншинъ же, по его словамъ,

принималъ въ студенты сравнительно легко, *желая увеличить средства лицея.*

Но это оправданіе для Коншина было уже, такъ сказать, посмертнымъ: изъ его письма къ А. Е. Кисловскому отъ *6 іюня* 1856 г. мы знаемъ, что, *исполняя волю министра*, онъ уже послалъ прошеніе объ отставкѣ. О томъ же упоминаетъ онъ и въ письмѣ къ министру отъ 9 іюня, причемъ убѣдительнѣйше проситъ пособія въ 1,000 руб., такъ какъ на его рукахъ не только его семья, но и семья его покойнаго отца. Получилъ онъ 1,000 рублей или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно.

Полагаю, что относительно этого «секретнаго дѣла» не можетъ быть двухъ мнѣній: бывшій другъ Баратынскаго и Дельвига, выучившійся грамотно писать уже въ свою бытность директоромъ училища въ Твери, по степени своей подготовки въ «камеральныхъ наукахъ» не стоялъ въ уровень съ подчиненными ему до нѣкоторой степени профессорами, не сошелся съ ними и, пожалуй, иногда предпочиталъ ихъ обществу общество студентовъ изъ дворянъ [1]). Испытавъ на себѣ и своихъ современникахъ, что человѣкъ почти безъ всякаго школьнаго образованія можетъ быть полезнымъ дѣятелемъ и желая получше *поставить* ввѣренное ему учрежденіе, онъ наклоненъ принимать въ студенты молодыхъ дворянъ и съ очень недостаточною подготовкой; а профессора этихъ его соображеній не раздѣляютъ, и такъ какъ, вслѣдствіе его «рѣзкости», не могутъ бороться съ нимъ законнымъ путемъ, то обращаются къ пути, учтиво говоря, *окольному* (конечно, не вся коллегія виновата въ этомъ, но и одного-двухъ членовъ ея болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать намъ печальное понятіе о нравственномъ уровнѣ всего лицея; конечно, доносчикомъ могъ быть и не профессоръ, а какой-нибудь канцелярскій чиновникъ, выгнанный Коншинымъ за взятки или за слишкомъ частое посѣщеніе Трехлѣтовыхъ и Лондоновъ; но неоднократныя указанія Назимова на распри Коншина съ профессорами и, съ другой стороны, указаніе гр. Орлова на «справедливыя убѣжденія наставниковъ» болѣе чѣмъ подозрительны).

Всего страннѣй исходъ дѣла; лицо, поставленное во главѣ высшаго учебнаго заведенія, обвиняется во взяткахъ со студентовъ и въ казнокрадствѣ. Попечитель, опираясь на факты, его безусловно

---

[1]) 10 февр. 1855 г., поздравляя Шевырева съ полученіемъ *генеральства*, Коншинъ пишетъ ему: «студенты пили у меня за здоровье ваше».

въ этомъ оправдываетъ, но указываетъ при этомъ, что это лицо, очень полезное для даннаго дѣла вообще, наклонно къ превышенію власти. Чего слѣдуетъ ожидать? Безъ сомнѣнія, что лицу будутъ указаны законные предѣлы его власти. Ничуть не бывало: ему просто предписывается подать прошеніе объ отставкѣ: изъ-за него, молъ, происходитъ непріятная переписка.

Коншинъ повиновался безпрекословно и былъ за то вознагражденъ приличною пенсіей (въ 1,371 р. 97 коп.).

Что въ его взятки и казнокрадство никто не вѣрилъ, доказываетъ послѣдующее. 8 мая 1859 г. отставной д. с. с. Коншинъ, проживающій въ Петербургѣ, подаетъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія Г. П. Ковалевскому объ опредѣленіи его вновь на службу «по благоусмотрѣнію». Черезъ 10 дней (очевидно, обо всемъ уже было переговорено заранѣе) Высочайшимъ приказомъ онъ назначается главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири и немедленно получаетъ двойные прогоны на 10 лошадей и половину жалованья. 11 іюня онъ выѣзжаетъ къ мѣсту служенія. Но его служебная и жизненная карьеры кончились: выѣхалъ ли онъ изъ Петербурга больнымъ или по дорогѣ простудился, мы не знаемъ; 28 октября 1859 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири изъ Омска извѣщаетъ министра просвѣщенія, что Коншинъ уже болѣе шести недѣль не скрѣпляетъ бумагъ по тяжкой болѣзни, а вслѣдъ за этимъ приходитъ изъ Омска же извѣщеніе, что 31 октября Коншинъ скончался. Вдовѣ его назначена полная пенсія мужа 1,371 р. 97 коп.

Письма Коншина, бывшія въ моемъ распоряженіи, такъ немногочисленны и такъ оффиціальны, что на основаніи ихъ догадываться о томъ, *какъ именно* совершился переходъ романтика французскаго пошиба въ горячіе поклонники Погодина и Шевырева, было бы опасно. Но самый фактъ этого перехода достаточно краснорѣчивъ. Изъ ненапечатанныхъ трудовъ Коншина за этотъ періодъ (1837—1849) видно, что ему одному изъ первыхъ пришла идея обработывать несомнѣнные историческіе документы въ небольшіе культурно-историческіе очерки,—идея, которую черезъ два десятка лѣтъ съ такимъ успѣхомъ эксплоатировали гг. Есиповъ, Семевскій, Шубинскій, Карновичъ, и др.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.

(По новымъ документамъ [1]).

14 апрѣля этого года исполняется 40 лѣтъ со дня смерти Петра Яковлевича Чаадаева, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей русскихъ. Историкъ будетъ въ большомъ затрудненіи, если подростокъ или мало начитанный юноша попроситъ у него краткаго и категорическаго отвѣта на вопросъ: что представлялъ изъ себя П. Я. Чаадаевъ? Человѣкъ, навсегда покинувшій службу въ 25—27 лѣтъ въ чинѣ ротмистра, никоимъ образомъ не можетъ считаться государственнымъ дѣятелемъ. Чаадаева нельзя назвать вліятельнымъ и плодовитымъ писателемъ, такъ какъ все, напечатанное имъ при жизни по-русски, ограничивается одною статьею въ $1^1/_2$ печатныхъ листа, а его произведенія, вышедшія по-французски послѣ его смерти, заключаются въ небольшой книжкѣ, которая едва ли разошлась въ тысячѣ экземпляровъ и которая, навѣрное, втрое менѣе того, что написано объ ея авторѣ. Чаадаевъ былъ другомъ Пушкина, имѣлъ на поэта вліяніе въ ту пору его юности, когда слагалось его міровоззрѣніе, и оказалъ ему серьезную услугу въ критическій моментъ его жизни. Это, конечно, очень важно; но это не достаточное основаніе для того, чтобы писать объ немъ десятки статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ Пушкину; а главное—Чаадаевъ игралъ выдающуюся роль, оказалъ наибольшее вліяніе на русское общество не въ пушкинскій, а въ послѣпушкинскій періодъ, въ приснопамятную эпоху *сороковыхъ годовъ*, въ эпоху формированія знаменитыхъ школъ славянофиловъ и западниковъ, въ эпоху полнаго расцвѣта нашего самосознанія. Для этого великаго дѣла Чаадаевъ сдѣлалъ больше, нежели иные популярные и плодовитые писатели той поры, больше, нежели многіе государственные дѣятели, стоявшіе десятки лѣтъ у самаго, такъ называемаго, «кормила».

---

[1]) *Русск. Мысль.* Апрѣль 1896 г.

Вмѣсто того, чтобы повторять опубликованныя въ статьяхъ Лонгинова [1]), Жихарева [2]) и Свербеева [3]) біографическія свѣдѣнія о Чаадаевѣ, мы предлагаемъ нашимъ читателямъ сухой. но очень важный документъ—*указъ объ отставкѣ* Чаадаева, хранящійся въ Румянцевскомъ музеѣ (въ папкѣ подъ № 1032). Печатаемъ его съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

«По указу Его Велич. и пр.

«Предъявитель сего Ротмистръ Петръ Яковлевъ сынъ Чеодаевъ, какъ значится изъ полковаго формулярнаго списка: отъ роду имѣетъ 25 лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ Подпрапорщикомъ 812 мая 12-го, произведенъ Прапорщикомъ 812-го сентября 20-го, произведенъ въ Ахтырскій Гусарскій полкъ Поручикомъ 813-го апрѣля 20-го; изъ онаго полка переведенъ Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій полкъ Корнетомъ 816-го апрѣля 15-го, Поручикомъ 816 іюля 15-го, назначенъ адьютантомъ къ Генералъ-Адьютанту Васильчикову 1-му 817-го декабря 11-го; произведенъ Штабъ-Ротмистромъ 819-го февраля 2-го, Ротмистромъ 819-го декабря 15-го. Во время службы своей въ походахъ и сраженіяхъ находился: 812 года въ россійскихъ предѣлахъ въ Генеральномъ сраженіи августа 24-го и 26-го при селеніи Бородинѣ и при преслѣдованіи непріятеля; октября 6-го въ Ночной Экспедиціи при разбитіи непріятельскаго корпуса при селеніи Тарутинѣ въ резервѣ; октября 11-го подъ Городомъ Малымъ Ярославцемъ; 813-го генваря 1-го по выступленіи россійской арміи въ прусскія владѣнія при переходѣ черезъ рѣки Неманъ, Вислу, Одеръ и Эльбу; апрѣля 20-го въ Генеральныхъ сраженіяхъ Саксонскаго владѣнія при городѣ Люценѣ; мая 9-го при городѣ Бауценѣ въ резервѣ; при вступленіи россійскихъ войскъ въ Богемію и потомъ при проходѣ черезъ Дефилей Гизгюбель и Голенбергъ въ Саксоніи, августа 16-го при Пирно, при ретирадѣ черезъ Дефилей Гизгюбель и Голенбергъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ; 17-го августа при удержаніи непріятельскаго корпуса генерала Вандама подъ Кульмомъ: за что награжденъ орденомъ Св. Анны 4-го класса; 18-го августа при разбитіи онаго корпуса, октября 4-го и 6-го при Лейпцигѣ съ полкомъ

---

[1]) ***Русск. Вѣстн.*** 1862 г., № 11.

[2]) ***Вѣстн. Евр.*** 1871 г., № 7 (статья 1-я).

[3]) ***Русск. Арх.*** 1868 г., стр. 976 и слѣд.

находился; за отличіе же въ компанію 1813-го года награжденъ отъ Его Величества короля прусскаго орденомъ за заслуги. Сверхъ вышеописанныхъ знаковъ отличій имѣетъ Серебренную медаль въ память 1812 года установленную. Въ штрафахъ, подъ судомъ и домовыхъ отпускахъ не бывалъ; холостъ; къ повышенію аттестовался достойнымъ. А сего 1821 года февраля въ 21-й день по Высочайшему приказу по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы. Во свидѣтельство чего по Высочайше предоставленному мнѣ уполномочію Сей Указъ данъ Ротмистру Чеодаеву за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ Герба моего печати, при главной квартирѣ въ С.-Петербургѣ марта 29 дня 1821 года.

«Его Имп. Величества Генералъ-Лейтенантъ и пр.

Васильчиковъ».

Приводимый документъ прежде всего, повидимому, прочно устанавливаетъ годъ рожденія Чаадаева, относительно котораго, какъ извѣстно, существуетъ разногласіе; свидѣтельствуя, что въ февралѣ и мартѣ 1821 г. Чаадаеву было 25 лѣтъ, указъ объ отставкѣ, стало быть, подтверждаетъ предположеніе М. И. Жихарева, что Чаадаевъ родился въ 1796 г. (27 мая), и опровергаетъ слова Лонгинова, который датой рожденія Чаадаева считаетъ 27 мая 1793 года [1]). Но въ формулярныхъ спискахъ и указахъ объ отставкѣ такъ часто встрѣчаются явныя ошибки въ опредѣленіи возраста служащихъ, что мы не можемъ придавать этой цифрѣ рѣшающаго значенія. Если при документахъ офицера или чиновника не было приложено метрическаго свидѣтельства,—а только съ января 1831 г. стали его требовать отъ поступающихъ на службу [2]), возрастъ его опредѣлялся по наружности или съ его собственныхъ словъ; а такъ какъ мало вѣроятно, чтобы Чаадаевъ сталъ пускаться въ личныя объясненія съ полковымъ писаремъ, который составлялъ его указъ объ отставкѣ, то весьма возможно, что цифра 25 выставлена здѣсь безъ достаточнаго основанія.

Но тому же документу мы можемъ вѣрить безусловно, когда онъ свидѣтельствуетъ, что Чаадаевъ вступилъ на службу не въ 1811 г., какъ утверждаетъ Лонгиновъ и нѣкоторые другіе, а 12 мая 1812 г. Этому обстоятельству мы придаемъ немаловажное значеніе, а именно:

[1]) Свербеевъ выражается осторожнѣе: по его словамъ, Чаадаевъ родился въ первыхъ годахъ послѣдняго десятилѣтія.

[2]) *Полн. Собр. Зак.* 1831 г. № 4313.

если Чаадаевъ вступилъ юнкеромъ въ гвардію въ 1811 г., онъ, стало быть, началъ свою карьеру, какъ огромное большинство дворянской молодежи того времени, которая отъ юныхъ ногтей мечтала о гвардейскомъ мундирѣ; если же, какъ мы теперь навѣрное знаемъ, годъ и число поступленія на службу записывались, разумѣется, немедленно и безошибочно,—онъ вступилъ только 12 мая 1812 г., мы имѣемъ солидныя основанія полагать, что онъ шелъ въ полкъ не для того, чтобы красоваться мундиромъ, а для того, чтобы защищать родину, какъ въ 1812 г. шли и студенты, и доктора философіи, и дипломаты и проч. [1]). Въ маѣ 1812 г., правда, война еще не была объявлена, но въ тѣхъ кругахъ, гдѣ вращался юный Чаадаевъ, прекрасно знали, насколько она неизбѣжна [2]). Возможно, конечно, что близость войны только *совпала* съ тѣмъ возрастомъ Чаадаева, который родные его заранѣе назначали для его поступленія на службу, но все то, что мы знаемъ по преданію о рѣдкихъ способностяхъ юнаго Чаадаева, о его серьезной подготовкѣ [3]) и ранней самостоятельности, наконецъ, самый фактъ его сиротства и независимости уменьшаютъ степень этой возможности до послѣднихъ предѣловъ.

Далѣе, документъ этотъ свидѣтельствуетъ, какое дѣятельное участіе принималъ Чаадаевъ въ войнахъ 1812 и 1813 годовъ (въ чемъ, впрочемъ, мы и безъ того не имѣли основанія сомнѣваться), съ точностью указываетъ, такъ сказать, этапы его перваго подневольнаго путешествія по Европѣ и исправляетъ мелкія, но не всегда маловажныя ошибки его біографовъ [4]).

---

[1]) Курьезно, что въ этомъ случаѣ малосовѣстливый врагъ Чаадаева Вигель говоритъ о немъ правду, и утверждаетъ (т. I, стр. 547—8), что онъ вступилъ въ военную службу «во время Отечественной войны».

[2]) Съ января 1812 года Александръ и Наполеонъ уже дѣятельно приготовляются къ войнѣ (см. Михайловскій—Данилевскій, *Описаніе Отеч. войны* т. I, стр. 64). Въ письмѣ къ шведскому королю отъ 13 февр. Александръ выражаетъ твердую рѣшимость воевать съ Наполеономъ (ib. стр. 66). Въ февралѣ же Наполеонъ заключаетъ союзъ съ Пруссіей, въ мартѣ—съ Австріей, и французскія войска приближаются къ Одеру; въ мартѣ и Россія подписываетъ оборонительный и наступательный союзъ съ Швеціей. Въ апрѣлѣ происходятъ послѣдніе переговоры между Россіей и Наполеономъ (ib. стр. 79 и слѣд.), и уже 9 апрѣля Александръ отправляется къ арміи (ib. стр. 90).

[3]) По словамъ Жихарева, онъ уже тогда собиралъ себѣ библіотеку.

[4]) Жихаревъ (*Вѣстн. Европы* 1871 г., № 7, стр. 186) увѣряетъ, будто Чаадаевъ «въ 1814 г., въ самомъ Парижѣ, *по какимъ-то неудовольствіямъ*, перешелъ изъ Семеновскаго полка въ Ахтырскій гусарскій», а изъ указа явствуетъ, что переходъ этотъ совершился задолго до Парижа, въ самый день люценскаго сраженія.

Наконецъ, тотъ же документъ даетъ еще новое, хотя и косвенное, доказательство лживости все еще популярной легенды о позднемъ прибытіи Чаадаева въ Троппау, о гнѣвѣ за то императора Александра и объ изгнаніи Чаадаева со службы. «Въ штрафахъ... не бывалъ; къ повышенію аттестовался достойнымъ», — конечно, только стереотипныя фразы, но все же онѣ съ достаточною убѣдительностью доказываютъ, что явнаго гнѣва государя и увольненія безъ прошенія не было.

Нельзя не подивиться тому, что этотъ *миѳъ* все еще продолжаетъ повторяться, несмотря на статьи Лонгинова и на документы, опубликованные въ *Русскомъ Архивѣ* въ 1875 г. [2]). Императоръ Александръ пишетъ (отъ 10 ноября 1820 г.) Васильчикову, что онъ получилъ первое извѣстіе о семеновской исторіи 29 октября и ровно ничѣмъ не даетъ понять, что онъ недоволенъ медленностью извѣщенія; ужели онъ сталъ бы стѣсняться передъ тѣмъ, кто неудачнымъ выборомъ курьера былъ виновенъ въ этой предполагаемой медленности? Далѣе въ томъ же письмѣ государь пишетъ: «Я уже сообщилъ вамъ черезъ Волконскаго и *черезъ Чаадаева* различныя замѣчанія, которыя пришли мнѣ на мысль [3])». Могъ ли государь такъ благодушно отзываться о молодомъ офицерѣ, который своею лѣнью и изнѣженностью поставилъ его въ такое неловкое положеніе передъ Меттернихомъ, и могъ ли онъ дѣлать этого офицера повѣреннымъ своихъ мыслей, если между ними, дѣйствительно, произошла тяжелая сцена, о которой сообщаетъ сказаніе?

Далѣе въ томъ же письмѣ Александръ говоритъ: «Уже за мною смотрятъ во всѣ глаза по поводу семеновской исторіи. Ее нельзя было скрыть: всѣ петербургскіе посланники писали о ней [1]).» Еслибъ въ самомъ дѣлѣ австрійскій посланникъ прислалъ объ этой исторіи извѣщеніе раньше, чѣмъ получилъ его самъ государь, какъ могъ послѣдній въ данномъ случаѣ не упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ?

---

[1]) А всего удивительнѣе, что кн. А. Васильчиковъ, опубликовавшій эти документы, убѣжденъ (т. I, стр. 347), что Чаадаевъ опоздалъ своимъ прибытіемъ, такъ какъ ночевалъ по дорогѣ раза 2 или 3, пилъ кофе и пр.

[2]) Ibid., стр. 351: «Je vous ai fait connaitre par Uolchonsky et par Tchéadaeff différantes observations, qui me sont venues à la pensée.

[3]) Ibid., стр. 352: «On a déjà les yeux ouverts sur moi, par rapport à l'histoire survenue au rég. de Séménowsky. Elle n'a pu être cachée: tous les ministres étangers à Pétersbourg ont ecrit».

Итакъ, ясно, что ничего подобнаго не было, что государь принялъ Чаадаева въ Троппау безъ гнѣва и разстался съ нимъ ласково. Изъ чего же возникъ этотъ миѳъ? Ужели подъ нимъ вовсе нѣтъ реальной основы?

Въ миѳѣ всегда два фактора: истина и фантазія, но не въ томъ смыслѣ, что послѣдняя только преувеличиваетъ или, какъ говорятъ, *украшаетъ* первую (въ этомъ случаѣ возникаетъ только *сага*), а въ томъ, что фантазія выражаетъ въ вымышленномъ, всѣмъ понятномъ, *конкретномъ* образѣ *общую* истину, причины и отдѣльные моменты которой неясны, неуловимы для массы. Такъ и здѣсь. Всѣмъ было извѣстно, что Александръ поѣхалъ на западъ государемъ либеральнымъ, вовсе не расположеннымъ къ стѣснительнымъ мѣрамъ; а возвратился онъ сторонникомъ политики Меттерниха. Чѣмъ объяснить это и какъ выразить? Воображеніе ищетъ *одного* рѣшительнаго момента (тогда какъ въ дѣйствительности, напротивъ, подобные процессы совершаются всегда постепенно) и находитъ его въ семеновской исторіи. Меттерниху въ его борьбѣ съ либеральными воззрѣніями Александра она была, какъ говорится, на руку; а еслибъ онъ узналъ о ней раньше Александра, какъ такой ловкій интриганъ *могъ* эффектно воспользоваться ею! Съ докладомъ о ней поѣхалъ Чаадаевъ [1]), человѣкъ, очень заботившійся о своей наружности и удобствахъ; развѣ онъ не *могъ* опоздать и пріѣхать послѣ простого австрійскаго курьера? А если онъ опоздалъ, то за этимъ, въ силу свойствъ и положеній дѣйствующихъ лицъ, *должно* было послѣдовать именно то, что разсказывается. Разумѣется, мы этимъ не хотимъ сказать, что въ чьей-либо одной или во многихъ головахъ одновременно происходилъ такой процессъ во всей его послѣдовательности; тотъ, кто первый разсказалъ эту исторію (а, вѣдь, кто-нибудь долженъ же былъ первымъ пустить ее въ ходъ, хотя бы и въ значительно иномъ видѣ) создалъ ее сразу, какъ говорится, *по вдохновенію*; но наблюдатель имѣетъ полное право разложить это вдохновеніе на составные элементы его.

Однимъ изъ такихъ составныхъ элементовъ была для всѣхъ неожиданная отставка Чаадаева, котораго считали любимцемъ госу-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ доказалъ Лонгиновъ, первый докладъ поѣхалъ съ фельдъ-егеремъ, а Чаадаевъ отправился съ донесеніемъ о мѣрахъ, принятыхъ начальствомъ; но публика объ этомъ не могла знать, и отъѣздъ простого фельдъегеря остался для нея непримѣтнымъ.

даря и будущимъ флигель-адъютантомъ, и столь же неожиданная, почти явная немилость, эту отставку сопровождавшая: Чаадаева не произвели при отставкѣ въ слѣдующій чинъ.

Что побудило Чаадаева подать въ отставку, мы навѣрное не знаемъ; мы можемъ только догадываться, на основаніи того, что намъ извѣстно о характерѣ Чаадаева и отчасти на основаніи разсказовъ его младшихъ современниковъ, что къ этому важному шагу побудили его злостныя петербургскія сплетни. О немъ разсказывали, будто онъ, изъ желанья выслужиться и добиться флигель-адъютантскаго мѣста, предалъ своихъ бывшихъ товарищей—семеновцевъ. Сплетни не имѣли ни малѣйшаго основанія, кромѣ общаго нерасположенія къ Чаадаеву, который держалъ себя слишкомъ вдалекѣ отъ толпы; но Чаадаевъ былъ изъ тѣхъ безмѣрно самолюбивыхъ людей, которые, презирая толпу, въ тоже время ужасно чувствительны къ ея дурному о нихъ мнѣнію. «Меня считаютъ карьеристомъ; такъ вотъ я же покажу имъ, какой я карьеристъ!—разсуждалъ онъ. Обвиненіе противъ меня—ложь и клевета; но я не хочу пачкать мое чистое имя даже поводомъ къ клеветѣ». Мы знаемъ, что онъ не заткнулъ рта клеветникамъ, а явная немилость царская только дала имъ новую пищу.

Причину немилости указываетъ намъ тотъ же архивъ Васильчикова [1]), но указываетъ очень туманно. Кн. Волконскій пишетъ Васильчикову изъ Лайбаха 21 февраля 1821 г.: «Я васъ предупреждаю, дорогой другъ, что его величество, вслѣдствіе вашего письма отъ 4 февраля изъявилъ согласіе на отставку вашего адъютанта Чаадаева, но безъ повышенія его въ чинѣ, такъ какъ, пока я васъ запрашивалъ, что заставляетъ его покидать службу, государь со стороны (d'après des informations, parvenues d'un autre côté) получилъ о немъ свѣдѣнія, очень неблагопріятныя, которыя е. в. сообщитъ вамъ по возвращеніи въ Петербургъ». Далѣе кн. Волконскій говоритъ о нежеланіи государя, чтобъ это дошло до свѣдѣнія Чаадаева; если онъ спроситъ, почему ему не дали чина, слѣдуетъ указать на его молодость и на недовольство государя его нежеланіемъ продолжать службу. Кн. Волконскій думаетъ, что Васильчиковъ будетъ очень удивленъ тѣмъ, что покажетъ ему государь относительно Чаадаева.

---

[1]) *Русск. Арх.* 1875 г., т. II, стр. 76 и слѣд.

Очевидно, что рѣчь идетъ о какомъ-то доносѣ на Чаадаева; полагаютъ [1], что здѣсь надо разумѣть записку агента Грибовскаго [2], который упоминаетъ объ участіи Чаадаева въ тайномъ обществѣ. Но *напечатанная* записка Грибовскаго представляетъ это общество столь невиннымъ и участіе Чаадаева столь ничтожнымъ, что только отсутствіе другихъ документовъ заставляетъ насъ придавать ей такое значеніе.

Итакъ, Чаадаевъ оказался внѣ службы, стало-быть, по-тогдашнему, внѣ всякой общественной дѣятельности. Человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и рѣдкими способностями, крайне самолюбивый, а стало-быть и честолюбивый, онъ не могъ въ 25 лѣтъ закончить свою карьеру, не могъ удалиться *на покой* въ Москву или въ деревню. Еслибъ онъ вздумалъ заняться хозяйствомъ и устройствомъ быта своихъ крестьянъ, изъ этого вышло бы такъ же мало толку, какъ изъ хозяйничанья Онѣгина, и имъ овладѣла бы скука и тоска въ такой же или даже большой степени: онъ несравненно лучше воспитанъ, чѣмъ Онѣгинъ; не m-r l'Abbé училъ его, а лучшіе профессора Московскаго университета [3]; онъ серьезнѣе и дѣльнѣе Онѣгина; онъ не *типъ*, а счастливое исключеніе, и наука «страсти нѣжной» не могла наполнить его жизни даже и въ ранней юности. Чаадаевъ уѣзжаетъ заграницу доучиваться и прилагаетъ къ этому дѣлу всю свою огромную энергію [4]. Онъ остается заграницей такъ долго, что друзья его, въ томъ числѣ и Пушкинъ, готовы считать его навсегда покинувшимъ неблагодарную родину.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ Чаадаевъ, человѣкъ одинокій, европеецъ par excellence, свободно писавшій на трехъ европейскихъ языкахъ, «измѣнникъ своей родинѣ и вѣрѣ отцовъ», по убѣжденію многочисленныхъ враговъ его, имѣвшій полную возможность устроиться несравненно удобнѣе въ faubourg St-Germain, нежели на Новой Басманной, и играть тамъ видную роль хотя бы по своему близкому знакомству съ нѣмецкой наукой и литературой, которыя въ то время

[1] Ibid., стр. 80—81.
[2] Idib., т. III, стр. 423 и слѣд.
[3] Мерзляковъ, Буле, Баузе и Шлецеръ-сынъ. См. Лонгиновъ, l. c.
[4] Подробныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ именно былъ Чаадаевъ и что дѣлалъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ; въ бумагахъ его имѣются отрывки его дневника, веденнаго въ Германіи (по-нѣмецки, съ примѣсью французскихъ и англійскихъ цитатъ), но они еще не обслѣдованы. Изъ 2-го его *Письма* (*Oeuvres chois. de Tch. par Gagarin*, Paris, 1862, стр. 96) видно, что онъ былъ въ Италіи и изучалъ памятники античнаго искусства à la lumière de leur soleil natal.

были въ модѣ во Франціи, не остался навсегда заграницей? Мы не знаемъ частныхъ причинъ, побудившихъ его къ возвращенію; но для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что была причина и общая, можетъ быть болѣе влiятельная, нежели всѣ частныя, вмѣстѣ взятыя: и Вигель, и Языковъ были одинаково несправедливы къ Чаадаеву; онъ любилъ свое некультурное отечество и стремился служить ему по мѣрѣ силъ и возможности.

По отзывамъ современниковъ, Чаадаевъ первые 2—3 года въ Москвѣ велъ жизнь довольно уединенную и былъ настроенъ очень мрачно; онъ считалъ себя больнымъ, постоянно совѣтовался съ докторами и, дѣйствительно, бывалъ временами недалекъ если не отъ душевной, то отъ нервной болѣзни. Въ письмахъ къ нему, изъ которыхъ иныя относятся къ этому періоду, мы не нашли никакихъ указаній на спеціальную причину такого настроенія [1]), и опять-таки склонны остановиться на причинѣ общей. По пословицѣ: «вмѣстѣ тошно, а розно грустно», Чаадаевъ за границей тосковалъ *по родинѣ*, а теперь, въ Москвѣ, послѣ погрома 1826 г., когда дворянское общество лишилось многихъ лучшихъ членовъ своихъ, а на остальныхъ напалъ страхъ и трепетъ, тоскуетъ *отъ родины* и не знаетъ, что ему дѣлать съ собою. Эта внутренняя борьба совпадшая, къ тому же, съ переходомъ отъ молодости къ полной зрѣлости, завершилась въ 1829 г. рѣшимостью писать для поученія своихъ согражданъ: 1 декабря этого года помѣчено знаменитое *Философское письмо* [2]).

Оно написано въ формѣ частнаго посланія къ умной и любознательной дамѣ, но это только литературная форма (форма, впрочемъ, очень характерная какъ для Чаадаева, такъ и вообще для литературныхъ нравовъ эпохи, когда самые серьезные вопросы стараются дѣлать общедоступными, и когда женщина выступаетъ, какъ равноправный членъ интеллигентнаго общества): Чаадаевъ писалъ какъ его, такъ и слѣдующія *Письма*, для публики и распростра-

[1]) Можетъ быть, къ этому времени относится неблагопріятная перемѣна въ матеріальномъ положеніи П. Я. Чаадаева. Жихаревъ считаетъ все состояніе братьевъ въ милліонѣ на ассигнаціи; а въ 40-хъ годахъ П. Я. получаетъ отъ брата деньги по третямъ, 666 р. серебромъ въ треть, и бываетъ въ очень затруднительномъ положеніи, если деньги запаздываютъ; но П. Я. былъ не такой человѣкъ, чтобы серьезно огорчаться этимъ обстоятельствомъ.

[2]) Въ изданіи Гагарина 3-е *Письмо* помѣчено: Nécropolis (т. е. Москва) 1829, 16 février: но цифра года здѣсь, надо думать, или произвольна, или ошибочна.

нялъ его не только между своими пріятелями, какъ Пушкинъ и др., но, какъ видно изъ восторженнаго письма къ нему проф. Мудрова [1]), и между выдающимися людьми всѣхъ классовъ, понимающими по-французски.

Но почему же Чаадаевъ распространяетъ свои *Письма* только въ рукописи и только по-французски (по-русски и въ печати появилось, какъ извѣстно, его первое *Письмо* въ 1836 г. и, судя по собственнымъ словамъ автора, почти противъ его воли)? Или онъ такъ презиралъ массу русскаго общества, что не считалъ его способнымъ понять его глубокія и оригинальныя мысли? Или болѣзненное самолюбіе заставило его ограничиваться ролью подпольнаго публициста?

Оба эти невыгодныя для Чаадаева предположенія устраняются документомъ, находящимся въ томъ же Румянцевскомъ музеѣ, въ папкѣ подъ № 1034. Это—листъ писчей бумаги, имѣющій водяной знакъ 1832 года и, судя по обрывкамъ нитокъ, вырванный изъ какой-то тетради. Вотъ буквальное его воспроизведеніе съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

От 31 генваря 1833 г.

Комитетъ находитъ слѣдующее:

1) Въ первой статьѣ, содержащей въ себѣ опроверженіе возраженій Протестантовъ противъ церкви Католической и защищеній достоинства сей церкви при многихъ сужденіяхъ правильныхъ есть такія мысли, кои не могутъ быть одобрены. Именно стран. 5, стр. 13. «Въ золотой вѣкъ церкви, въ вѣкъ величайшихъ ея страданій, — еще струилась кровь Спасителя». Кровь Спасителя, въ собственномъ смыслѣ, изливалась во время его страданій, и тогда, когда воинъ пронзилъ копьемъ ребро его. Въ смыслѣ таинственномъ она не перестаетъ изливаться и нынѣ и во всѣ времена церкви Христіанской въ таинствѣ Евхаристіи. Слѣдовательно пролияніе крови Спасителя нельзя относить, какъ отличительный признакъ къ церкви Апостольской I и II вѣка по Р. Х., о которой говоритъ здѣсь сочинитель. Стран. 5, стр. 16: «Безразсудно мечтать о возвращеніи такого состоянія вещей, которое происходило только отъ чрезвычайныхъ бѣдствій, угнетавшихъ первыхъ христіанъ». Подъ симъ состояніемъ разумѣетъ сочинитель совер-

[1]) См. нашу замѣтку въ *Русской Старинѣ* 1896 г., мартъ, стр. 611—617.

шенство церкви Апостольской (стр. 3), но нельзя сказать, что сіе совершенство происходило единственно отъ бѣдствій церкви. Бѣдствіе было только содѣйствующею причиною, а не главною. Стран. 7, стр. 2—5: «Таинство причащенія, сіе чудное открытіе разума Христіян., если позволено такъ выразиться, матеріализируетъ души». Оба сія выраженія (открытіе разума христ. и матеріализуетъ души) —неправильны. Стран. 10, стр. 1—5: «Папство въ свое время происходило существенно изъ источника духа христіанства... почему же не предоставить ему первенства передъ всѣми христіанскими обществами». Стран. 11, стр. 1—3: «Оно совершенно выполняетъ всегда свое предназначеніе, сосредоточиваетъ мысли христіанъ». Стран. 13: «Пусть оно исчезнетъ съ лица земли и вы увидите, въ какое заблужденіе впадутъ общества религіозныя». Всѣ сіи мысли противны истиннымъ понятіямъ о православіи, чистотѣ и превосходствѣ церкви Восточной.

2) Въ статьѣ о Моисеѣ (стр. 12—21) основныя понятія несправедливы. Главное недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что сочинитель видитъ въ Моисеѣ не посланника Божія, а законодателя, который при всей странности характера, совмѣщающаго въ себѣ свойства противоположныя, силою своего генія и употребленіемъ средствъ необыкновенныхъ достигаетъ того, что утверждаетъ на цѣлые вѣка въ народѣ израильскомъ свою систему—монотеизмъ. Эти превратныя и противныя смыслу Св. Писанія понятія о Моисеѣ выражены на стр. 15— «не знаю, чему болѣе удивляться и далѣе»... Сюда же относятся слѣдующія выраженія. Стран. 17: «Моисей могъ найти у своего народа или у другихъ идею о Богѣ національномъ, могъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, такъ какъ воспользовался другими... для того, чтобы ввести въ мысль человѣческую свой высокій монотеизмъ». Стран. 13—19: «Читайте второзаконіе съ сей точки зрѣнія, и васъ удивитъ свѣтъ, разливающійся отселѣ не только на систему Моисея, но и на всю откровенную философію. Каждое слово сей особенной книги даетъ видѣть идею господствующую (надъ строкой карандашемъ: l'idée surhumaine) въ духѣ ея писателя. Отселѣ также просходятъ и ужасныя истребленія, кои предписывалъ Моисей. Его предназначеніе не состояло въ томъ, чтобы представить образецъ справедливости и совершенства нравственнаго, но въ томъ, чтобы вложить въ духъ человѣческій оную неизмѣримую идею, ко-

торой не могъ духъ человѣческій произвести изъ себя». Кромѣ сего главнаго заблужденія встрѣчаются въ сей статьѣ и другія неправильныя мысли, кои замѣчены на самой рукописи. Стр. 13, 19—25, 18, 16, 20, 19 et cetera.

Поелику же по исключеніи сихъ мыслей въ статьѣ о Моисеѣ останется нѣсколько отрывковъ, кои хотя не заключаютъ въ себѣ понятій ложныхъ, но соединены съ мыслями неправильными и безъ оныхъ не будутъ имѣть связи, то вся статья сія не можетъ быть также одобрена.

Очевидно, это копія постановленія цензурнаго комитета относительно какой-то запрещенной книги или составной изъ нѣсколькихъ частей статьи, сдѣланная, вѣроятно, какимъ-то мелкимъ чиновникомъ (почеркъ писарскій) по заказу лица, интересовавшагося судьбою этой книги или статьи. Подозрѣвать подлинность этого документа нѣтъ возможности: во-первыхъ, кому придетъ охота сочинять такую неостроумную критику? а, во-вторыхъ, и подделать слогъ и образъ мыслей цензоровъ того времени дѣло почти невозможное.

Сравнивая выписки, сдѣланныя комитетомъ изъ разбираемыхъ статей съ французскимъ изданіемъ Писемъ Чаадаева, мы убѣждаемся, что «первая статья» комитета есть очень хорошій, хотя не вездѣ точный переводъ послѣдней части 2-го Письма Чаадаева[1]); что же касается до комитетской Статьи о Моисеѣ, она представляетъ переводъ части 3-го Письма (отъ стр. 97 и дальше).

Сопоставимъ этотъ документъ съ письмомъ Чаадаева къ Пушкину отъ 7 іюля 1831 г. [2]), гдѣ онъ настойчиво требуетъ, чтобы поэтъ немедленно вернулъ ему его статью, и выражаетъ надежду, что онъ будетъ въ состояніи издать ее avec le reste de mes écri-

---

[1]) Первой выпискѣ соотвѣтствуетъ на стр. 82: L'âge d'or de l'église, on le sait, était celui de ses plus grandes souffrances, celui où... encore ruisselait le sang de Sauveur; il est absurde de rêver le retour d'un état de choses qui ne résultait que des immences misères qui accablaient les premiers chrétiens. Стр. 83: Le sacrement de la communion, cette merveilleuse découverte de la raison chrétienne, qui, s'il est permis de s'exprimer ainsi, matérialise les âmes.

Относительно папства французскій текстъ выражается обстоятельнѣе и сильнѣе: Que la papauté soit, comme en le voudrait, d'institution humaine, si les choses de cette proportion se faisaient de main d'homme (стр. 85).

[2]) См. Русск. Арх. 1881 г., стр. 429 и слѣд.

tures, мы, во-первыхъ, убѣждаемся, что слова Чаадаева вовсе не были пустою фразой или только средствомъ выманить у забывчиваго пріятеля свою рукопись и, во-вторыхъ, что Чаадаевъ въ 1832 году изъ своихъ Писемъ составилъ книжечку или рядъ статей, которыя намѣревался опубликовать по-русски, но намѣренія своего не исполнилъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ началѣ 30-хъ годовъ Чаадаевъ пользовался въ своемъ кружкѣ уваженіемъ и имѣлъ вліяніе на многихъ лицъ; но наиболѣе блестящій и вліятельный періодъ его жизни начался съ 1836 г., когда, послѣ напечатанія его перваго Философскаго Письма, его велѣно было признать сумасшедшимъ. Самое появленіе его статьи должно было вызвать рядъ серьезныхъ возраженій и опроверженій: Хомяковъ готовилъ громовый отвѣтъ; Пушкинъ уже написалъ Чаадаеву очень горячее и умное письмо, гдѣ благожелательно и съ полнымъ уваженіемъ къ знаніямъ и уму автора, но рѣшительно высказывалъ свое несогласіе съ воззрѣніями своего старшаго друга; многія лица изъ московской интеллигенціи почувствовали себя почти лично оскорбленными рѣзкостью его взглядовъ. Но Чаадаевъ былъ отданъ подъ надзоръ полицейскихъ докторовъ, и Пушкинъ прячетъ свое письмо въ портфель, Хомяковъ находитъ, что Чаадаеву и безъ него «довольно неучтиво отвѣтили», а представители московской интеллигенціи, начиная съ бывшаго министра И. И. Дмитріева, спѣшатъ визитами высказать свое уваженіе умалишенному мыслителю. Даже высшіе представители московской администраціи были возмущены такимъ неожиданнымъ исходомъ литературнаго дѣла. Ça n'a que trop duré,—сказалъ возвратившійся въ Москву послѣ этого событія ея генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, — il faut pourtant que cette farce finisse [1]).

Такимъ образомъ московское общество чуть ли не въ первый разъ заявило свой протестъ противъ насилія надъ свободною мыслью, и тѣмъ деликатно, но наглядно доказывало автору Философскаго Письма, насколько онъ преувеличивалъ нашу некультурность и равнодушіе къ духовнымъ интересамъ.

---

[1]) Жихаревъ: «Вѣст. Евр.» 1871 г., № 7, стр. 35.

20 лѣтъ прожилъ послѣ этого Чаадаевъ въ Москвѣ безвыѣздно [1]) и все время пользовался уваженіемъ московскаго общества. Его глубокомысленныя и тонкія остроты передавались изъ устъ въ уста (иныя не забыты и до сихъ поръ); пилигримство къ басманскому филисофу, сперва по средамъ вечеромъ, потомъ по понедѣльникамъ утромъ и бесѣда съ нимъ въ англійскомъ клубѣ для многихъ была почти потребностью; пріѣзжіе являлись къ нему на поклонъ, какъ къ московской знаменитости.

Въ этой короткой «поминальной» замѣткѣ не мѣсто говорить о міровоззрѣніи Чаадаева и о томъ, какъ проводилъ онъ свое ученіе въ обществѣ и какъ вліялъ на современную ему литературу и на младшее поколѣніе. Мы ограничимся только заявленіемъ, что онъ никогда до самой смерти своей не былъ достопримѣчательностью прошлаго, а всегда шелъ во главѣ умственнаго движенія. Имъ восторгались и его злобно бранили, но, не смотря на нѣкоторые крупные недостатки его характера, никто никогда не рѣшался посмотрѣть на него сверху внизъ, отнестись къ нему съ пренебреженіемъ.

Въ 40-хъ годахъ съ нимъ отчаянно воюютъ славянофилы, но умнѣйшіе изъ нихъ всегда сознаютъ, какъ многимъ они ему обязаны и какого честнаго противника имѣютъ они въ немъ. Люди его направленія преклоняются передъ нимъ, какъ передъ высшимъ существомъ. Папки Румянцевскаго музея, изъ которыхъ взяты вышеприведенные документы, переполнены письмами, авторы которыхъ обращаются къ нему съ словами cher et bon maître и подписываются disciple. Онъ человѣкъ безусловно свободный, а между тѣмъ его корреспонденты и корреспондентки съ полнымъ убѣжденіемъ и, прибавимъ, съ достаточнымъ основаніемъ говорятъ о драгоцѣнности его времени, о важности его обязанностей. Развѣ не важное дѣло такъ вліять на дореформенное московское общество, чтобы при немъ, Чаадаевѣ, «нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости» (Жихаревъ), во всѣхъ возбуждать стремленіе къ высшимъ духовнымъ интересамъ, стремленіе служить народу, вмѣсто того, чтобы жить на его счетъ? Развѣ легкое дѣло въ то

---

[1]) Въ 1840 году онъ хотѣлъ уѣхать изъ нея и переселиться въ деревню (въ Нижегородскую губернію, Ардатовскій уѣздъ) къ брату или, по крайней мѣрѣ, писалъ къ нему о такомъ своемъ намѣреніи, судя по отвѣту Михаила Яковлевича отъ 22 декабря. Но изъ этого ничего не вышло.

время быть человѣкомъ истинно-религіознымъ и въ то же время истинно либеральнымъ и просвѣщеннымъ (Лонгиновъ)? Слава передового и умнѣйшаго человѣка въ Москвѣ не давалась даромъ, и Чаадаевъ долженъ былъ много работать, много читать и думать, чтобы въ англійскомъ клубѣ въ концѣ 40-хъ годовъ съ успѣхомъ доказывать нелѣпость и безнравственность крѣпостного права и въ самый разгаръ севастопольской войны заявлять о необходимости уступокъ и мира.

Съ годами портился характеръ Чаадаева; въ немъ замѣчалось старческое раздражительное самолюбіе, иногда мелочность; въ обыденной жизни, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ онъ, какъ и многіе другіе мыслители, былъ, повидимому, всегда неискусенъ; а подъ старость, можетъ быть, впадалъ и въ ребяческія ошибки. Но его обширный теоретическій умъ, мѣткость рѣчи и тонкая наблюдательность оставались въ всей силѣ до послѣднихъ дней его жизни.

Мѣсяцевъ за восемь до смерти онъ, очевидно, чувствовалъ ослабленіе въ своемъ организмѣ и оставилъ слѣдующее завѣщаніе (Румянцевскій музей, папка № 1032).

«Въ случаѣ скоропостижной смерти моей прошу того или тѣхъ изъ родственниковъ моихъ или пріятелей, которымъ случится быть въ то время, или вскорѣ послѣ того, въ домѣ моемъ распорядиться слѣдующимъ образомъ:

1. Предоставить людямъ моимъ Титу и Василисѣ за ихъ службу и дружбу изъ имущества моего мебели, платье, бѣлье, серебро и все прочее, за исключеніемъ книгъ, картинъ, бюстовъ и шкатулки, завѣщанныхъ мною племяннику моему Михаилѣ Ивановичу Жихареву, карманныхъ часовъ моихъ, завѣщанныхъ Софьѣ Яковлевнѣ Шульцъ, и кольца на рукѣ моей, завѣщаннаго княжнѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой.

2. Постараться похоронить меня или въ Донскомъ монастырѣ, близъ могилы Авдотьи Сергѣевны Норовой, или въ Покровскомъ, близъ могилы Екатерины Гавриловны Левашевой. Если же и то и другое окажется невозможнымъ, то въ селѣ Говѣиновѣ, гдѣ похоронена тетушка моя княжна Анна Михайловна Щербатова.

3. Увѣдомивъ брата моего о кончинѣ моей, написать ему, что прошу у него прощенья въ огорченіяхъ, невольно ему причиненныхъ, и желаю, чтобы мальчикъ Егоръ, у меня служившій, отпущенъ былъ на волю, если того пожелаетъ.

4. Бумаги мои, запечатавъ, отослать Михайлѣ Ив. Жихареву.

5. Должникамъ моимъ сказать, что всѣ долги мои безъ малѣйшаго прекословія заплачены будутъ братомъ моимъ, такъ какъ онъ наслѣдуетъ послѣ меня достаточнымъ капиталомъ; объ исполненіи этого моего желанія прошу особенно М. И. Жихарева.

6. Всѣмъ друзьямъ и пріятелямъ моимъ сказать, что прошу у нихъ прощенія во всемъ томъ, чѣмъ могъ заслужить ихъ неудовольствіе.

Петръ Чаадаевъ.

Августа 20, 1855 г.

Подобный этому листъ находится у княгини Натальи Дмитріевны Шаховской, другой—у Антона Егоровича Венцеля».

Отчасти по печатнымъ матеріаламъ, а главнымъ образомъ по рукописямъ того же Румянцевскаго музея не трудно выяснить отношенія Чаадаева ко всѣмъ лицамъ, здѣсь упоминаемымъ.

Характерно въ пунктѣ 5-мъ неправильно употребленное слово должникъ при сильномъ и точномъ слогѣ всего завѣщанія. Вотъ отчего Чаадаевъ (какъ и многіе другіе русскіе баре) предпочиталъ писать по-французски, хотя и владѣлъ прекрасно языкомъ отечественнымъ: онъ не зналъ дѣловыхъ русскихъ словъ.

Относительно того же 5-го пункта замѣтимъ, что, судя по другимъ бумагамъ этой папки, братъ Чаадаева Михаилъ Яковлевичъ никакого капитала послѣ него не наслѣдовалъ (а по денежнымъ дѣламъ отъ П. Я., дѣйствительно, огорченій получалъ не мало), и кредиторовъ покойнаго удовлетворить не могъ.

Въ заключеніе печатаемъ изъ папки № 1034 еще одинъ документъ—посмертный. Это письмо на имя Жихарева, написанное 27 ноября 1863 года, когда-то извѣстнымъ литераторомъ и поэтомъ, а въ это время уже сильно постарѣвшимъ Ѳедоромъ Глинкою, въ благодарность за присылку ему фотографіи съ картины, изображающей кабинетъ Чаадаева съ самимъ хозяиномъ (оригиналъ хранится въ томъ-же Румянцевскомъ музеѣ).

«Г. Тверь

Много и премного одолжили Вы меня, Милостивый Государь Михаилъ Ивановичъ, приславъ фотографическое изображеніе кабинета незабвеннаго и часто поминаемаго Петра Яковлевича. Благодарю за эту присылку и столько же за пріятное вниманіе Ваше. У меня портретъ П. Яковлевича, имъ же подаренный, стоитъ въ

красномъ углѣ, а подъ портретомъ (для незнавшихъ его), вмѣстѣ съ его аутографомъ, помѣщены стишки, съ которыхъ копію Вамъ посылаю. Повторяя благодарность свою, съ отличнымъ къ Вамъ почтеніемъ, имѣетъ честь быть вашимъ,

Милостивый Государь,
покорноусерднымъ слугою
Ѳ. Глинка.

На другомъ листкѣ почтовой бумаги:

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.
(Человѣкъ, памятный Москвѣ).

Одѣтый праздникомъ, съ осанкой важной, смѣлой,
Когда являлся онъ предъ публикою бѣлой
Съ умомъ блистательнымъ своимъ,
Смирялось все невольно передъ нимъ!
Другъ Пушкина любимый, задушевный,
Всѣхъ знаменитостей тогдашнихъ былъ онъ другъ:
Умомъ его бесѣды увлеченный,
Кругомъ его умовъ тѣснился кругъ;
И кто не жалъ ему съ почтеньемъ руку?
Кто не хвалилъ его ума?...
Но пилъ и онъ изъ чаши жизни муку
И выпилъ Горе отъ ума.

Чрезвычайно любопытно и во многихъ отношеніяхъ поучительно это многократное сопоставленіе Чаадаева съ Чацкимъ.

За 13 лѣтъ до того, какъ Чаадаевъ былъ признанъ оффиціально безумнымъ, въ ноябрѣ 1823 года Пушкинъ слышалъ [1]), будто «Грибоѣдовъ написалъ комедію на Чаадаева», что онъ находитъ крайне неблагороднымъ «въ теперешнихъ обстоятельствахъ».

Черезъ три года, въ самый годъ смерти Чаадаева, гр. Ростопчина рискнула написать стихотворное продолженіе Горе отъ ума. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ ея Чацкій изображенъ плѣшивымъ [2]).

Положимъ, въ продолженіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ всякій много думающій человѣкъ можетъ потерять волосы; но почему

[1]) См. письмо его кн. Вяземскому, изд. фонда VII, 58.

[2]) Ср. стихотвореніе Языкова о Чаадаевѣ.

Ты все свое презрѣлъ и выдалъ!
И ты еще не сокрушенъ:
Ты все стоишь, плѣшивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ.

автору пришло на мысль подчеркнуть это обстоятельство? На одномъ этомъ, конечно, ничего строить нельзя, но ея Чацкій — з а п а д н и к ъ, врагъ славянофиловъ. О древней Руси онъ говоритъ:

Та варварская Русь въ невѣжествѣ истлѣла [3])

и немного ниже онъ заявляетъ:

Повѣрьте, господа, я тоже патріотъ,
Не меньше васъ люблю я Русь святую,
Хотя не облекусь въ одежду шутовскую,
Чтобъ разсмѣшить на улицѣ народъ.

Нельзя кажется не согласиться съ тѣмъ, что эти стихи были бы умѣстнѣе въ устахъ Чаадаева, пустившаго въ ходъ извѣстную остроту, будто народъ принималъ Аксакова за персіянина, нежели въ устахъ Чацкаго, такъ жестоко разгромившаго фракъ и бритые подбородки.

Пока мы ограничимся простымъ указаніемъ на отождествленіе передового русскаго человѣка съ героемъ безсмертной комедіи, на это не случайное, конечно, совпаденіе поэзіи и дѣйствительности.

---

[3]) Стр. 325.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ О П. Я. ЧААДАЕВѢ [1]).

Изъ той же папки Румянцевскаго Музея № 1032, откуда мы взяли нѣсколько документовъ, опубликованныхъ нами въ журналѣ «Русская Мысль» (апрѣль нынѣшняго года) печатаемъ 3 интересныхъ письма, изъ которыхъ два первыя дополняютъ очень важнымъ фактомъ біографію «христіанскаго философа» [2]), а третье характеризуетъ его отношенія къ московскимъ литературнымъ кружкамъ.

Два первыя письма писаны «департаментской» писарской рукой и подписаны извѣстнымъ и грознымъ для многихъ въ то время именемъ *графа Бенкендорфа*.

Первое письмо помѣчено 23 іюня 1833 года и адресовано «Его высокоблагородію Чаадаеву» (въ то время гр. Бенкендорфъ, очевидно, не зналъ имени и отчества своего корреспондента). Вотъ текстъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника:

Милостивый Государь.

Письмо ваше ко мнѣ отъ 1-го сего Іюня, я имѣлъ счастіе въ подлинникѣ представить Государю Императору, и Его Величество, всемилостивѣйше соизволяя на поступленіе ваше въ службу, желаетъ, чтобы вы продолжали оную по Министерству Финансовъ.

Извѣщая васъ, Милостивый Государь, о таковомъ Его Величества соизволеніи, я покорнѣйше прошу не оставить меня вашимъ по сему предмету отзывомъ..

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

вашъ покорнѣйшей слуга

графъ Бенкендорфъ.

[1]) Изв. Отд. русскаго языка и Словесности 1896 г. кн. 2-я.

[2]) П. Я. Чаадаевъ такъ самъ называетъ себя въ письмѣ къ княгинѣ Мещерской отъ 27 мая 1839 г. Oeuvres choisies, стр. 193.

И такъ оказывается, что лѣтомъ 1833 г. П. Я. Чаадаевъ, послѣ того, какъ цензура нашла невозможнымъ допустить печатаніе въ русскомъ переводѣ Философскихъ Писемъ (см. вышеназванную статью мою въ Русской Мысли), желая такъ или иначе служить родинѣ, черезъ графа Бенкендорфа обратился къ Государю съ просьбою вновь принять его на службу, но уже «по гражданской части», и Государь изъявилъ на это согласіе, указавъ ему министерство финансовъ, очевидно, какъ такое вѣдомство, гдѣ его умъ и образованіе могутъ найти себѣ примѣненіе.

Второе письмо, писанное еще болѣе разгонистой писарской рукой, помѣчено 5-мъ августа 1833 г. и адресовано «Его Высокоб. П. Я. Чаадаеву»:

Милостивый Государь,
Петръ Яковлевичъ!

Получивъ письмо Ваше отъ 15-го минувшаго іюня, и усматривая изъ онаго, что Вы въ приложенномъ при немъ письмѣ Вашемъ на Высочайшее имя упоминаете о несовершенствѣ образованія нашего, я, имѣя въ виду пользу Вашу, не рѣшился всеподданнѣйшаго письма Вашего представлять Государю Императору, ибо Его Величество конечно бы изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ вѣроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности, и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, Вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ Ваше письмо, не получилъ о Васъ мнѣніе- что Вы по примѣру легкомысленныхъ Французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, Вамъ неизвѣстныхъ.

Въ семъ уваженіи я счелъ лучшимъ препроводить къ Вамъ обратно всеподданнѣйшее Ваше письмо, которое при семъ прилагаю, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью,

Вашъ покорнѣйшій слуга
покорнѣйшей слуга
Графъ Бенкендорфъ.

Надо полагать, что писарь описался, обозначивъ письмо Чаадаева 15-мъ *іюня*, а графъ Бенкендорфъ не замѣтилъ этой описки, такъ какъ нельзя допустить, чтобы Чаадаевъ, человѣкъ такой сдержанный и солидный, написалъ второе письмо графу Бенкендорфу съ приложеніемъ «диссертаціи» на Высочайшее имя, не получивъ отвѣта на свое письмо отъ 1 іюня; да и не могъ онъ 15 іюня изъявлять благодарности за согласіе на его поступленіе на службу, о которомъ онъ узналъ изъ письма, посланнаго изъ Петербурга 24 іюня.

Дѣло, очевидно, происходило такимъ образомъ: 28—29 іюня получилъ онъ письмо графа Бенкендорфа и сейчасъ же принялся работать надъ «диссертаціей» о недостаткахъ нашего образованія и 15 *іюля* препроводилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ къ графу Бенкендорфу. Едва ли можно повѣрить, чтобы Бенкендорфъ сочинилъ этотъ суровый отвѣтъ всецѣло на свой страхъ: развѣ онъ рѣшился бы ничего не сказать государю о письмѣ, ему государю адресованномъ? Да онъ и не утверждаетъ этого. Возможны два случая: или онъ представилъ «диссертацію» по принадлежности или онъ только разсказалъ о ней государю. Не понравилась ли государю «диссертація» или самый фактъ ея присылки, мы не знаемъ; но можемъ сказать съ увѣренностью, что отвѣтъ графа Чаадаеву былъ внушенъ свыше; такъ, безъ сомнѣнія, понималъ дѣло и самъ Чаадаевъ, который, провинившись такимъ образомъ по службѣ еще до поступленія на нее, повидимому, переписки съ графомъ Бенкендорфомъ не возобновлялъ и въ министерство финансовъ не обращался.

Можно себѣ представить, какую горечь долженъ былъ возбудить въ душѣ самолюбиваго Чаадаева этотъ сурово-насмѣшливый отвѣтъ шефа жандармовъ на его «диссертацію» и его уподобленіе легкомысленнымъ французамъ! Онъ немедленно отвѣтилъ Бенкендорфу учтиво и сдержанно [1]), но сколько мы знаемъ, онъ никому никогда не говорилъ о своей неудачной попыткѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ; можетъ быть, въ раздраженіи онъ уничтожилъ и самую «диссертацію».

Какъ бы то ни было, этой «диссертаціи» въ бумагахъ Чаадаева мы пока не находимъ, но зная его за человѣка, очень стойкаго въ своихъ взглядахъ, безъ труда можемъ догадаться, какія мысли вы-

[1]) Вѣстникъ Европы, 1871, № 11, стр. 325—326.

сказывалъ онъ относительно недостатковъ нашего образованія. Исходя изъ убѣжденія, что намъ принадлежитъ будущее [1], но что пока мы еще совсѣмъ не подготовлены къ нашей великой роли, что у насъ пока даже высшіе классы живутъ лишь нахватанными верхушками западной цивилизаціи, между тѣмъ какъ намъ слѣдуетъ усвоить самую ея сущность, которую могутъ и должны воспринять наши дѣвственные умы (ésprits vierges), Чаадаевъ, безъ сомнѣнія думаетъ, что съ Европой не политической, а размышляющей (méditante), мы должны быть поставлены въ самыя близкія отношенія [2]; намъ нужно серьезное и сильное классическое образованіе, но не современное западное, а скорѣе прежнее, которое произвело все то хорошее, что заключается въ современной цивилизаціи [3]. Чаадаевъ много разъ высказываетъ убѣжденіе, что мы совсѣмъ не знаемъ своей исторіи, а между тѣмъ она (не археологія, а именно размышляющая исторія) намъ крайне необходима для самопознанія и для опредѣленія нашего пути въ будущемъ. Наконецъ у насъ необходимо пробудить религіозное чувство, которое въ настоящее время находится какъ бы въ летаргіи [4]. Эти и подобныя имъ мысли о недостаткахъ нашего образованія Чаадаевъ высказывалъ въ продолженіе всей своей жизни; ихъ, безъ сомнѣнія, высказалъ онъ и въ «диссертаціи». Онъ былъ настолько хорошо воспитанный человѣкъ, что сомнѣваться въ томъ, въ достаточно ли приличной формѣ высказалъ онъ ихъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ, мы не имѣемъ никакого права.

Третье письмо по времени отстоитъ отъ предыдущихъ на 18 лѣтъ. Оно писано на листѣ синеватой почтовой бумаги рукою лица, намъ неизвѣстнаго, но поправлено несомнѣнно рукою Чаадаева. Оно составляетъ черновку письма къ Жуковскому, можетъ быть, диктованную Чаадаевымъ, а можетъ быть списанную съ его черновки, до насъ недошедшей. Вотъ оно дословно:

Басманная 27 мая (1851 г. В. А. Жуковскому).

[1]) Le passé n'est plus en notre pouvoir, mais l'avenir est à nous (Apologie d'un fou, стр. 148).

[2]) Mémoire... pour Jean Kiréjefsky. Oeuvres 159—60.

[3]) Тамъ же, стр. 157.

[4]) Тамъ же, стр. 158.

Многіе, можетъ быть, подобно мнѣ, не благодарили еще Васъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, за доставленіе послѣднихъ трудовъ Вашихъ, но немногіе, думаю, имѣютъ на то такое оправданіе, какое я имѣю. Вы, вѣроятно, помните, что оставили меня, тому, кажется десять лѣтъ назадъ, въ домѣ, который тогда уже разрушался отъ ветхости и, по словамъ Вашимъ, держался уже не на столбахъ, а однимъ только духомъ. Съ тѣхъ поръ продолжаетъ онъ спокойно разрушаться, стращая своимъ косымъ видомъ меня и моихъ посѣтителей. Вотъ одно изъ тѣхъ смѣшныхъ обстоятельствъ моей смѣшной жизни, а ихъ много, которыя иногда поневолѣ отвлекаютъ меня отъ исполненія пріятнѣйшихъ обязанностей. Но все-таки винюсь передъ Вами, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ выслушали меня о другомъ дѣлѣ, которое пусть послужитъ и выраженіемъ моей запоздалой благодарности.

На дняхъ показывалъ мнѣ Булгаковъ письмецо Ваше о нашихъ московскихъ продѣлкахъ. Знаете ли, какое впечатлѣніе произвели на меня эти немногія строки? Онѣ грустно напомнили мнѣ о моихъ утратахъ; онѣ напомнили мнѣ, что уже никого нѣтъ средь насъ, кто бы могъ пожурить насъ, надъ нами посмѣяться съ нѣкоторымъ *авторитетомъ*, т. е. съ пользою. Иныхъ не стало, другіе за горами. Такимъ образомъ пользуемся мы совершенною безнаказанностью, время, что ни попало, на словахъ и на бумагѣ, въ пріятельской бесѣдѣ и предъ публикою. Нельзя сказать, чтобъ мы стали глупѣе прежняго, но нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ мы стали и умнѣе. Само собою разумѣется, что многое узнали, о чемъ прежде и слуха не было, но что въ томъ прока, если все это новознаніе или поражено безплодіемъ, или выражается на какомъ то неслыханномъ нарѣчіи, наводящемъ тоску на читателя. Цензура не учитель; отъ нея ничему не научишься, а вкусу (рп. вкуса) и подавно. Пора бы Вамъ къ намъ пріѣхать, вотъ къ чему идетъ рѣчь моя. Обѣщаетесь быть въ сентябрѣ, но надолго-ли? Если пріѣдете за тѣмъ только, чтобъ на насъ посмотрѣть да полюбоваться, то что въ этомъ будетъ пользы? Нѣтъ, пріѣзжайте съ нами пожить да насъ поучить. Зажились Вы въ чужой глуши; право грѣхъ! Почемъ знать? Можетъ статься, Богъ и наградитъ Васъ за доброе дѣло и возвратитъ здоровье женѣ Вашей на землѣ православной. Не повѣрите, какъ мы избаловались съ тѣхъ поръ, какъ проживаемъ безъ пѣстуновъ. Безначаліе губитъ насъ. Ни въ печатномъ,

ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца. Всѣ у насъ нынче толкуютъ про какое то направленіе: не направленіе намъ нужно, а правленіе. Міръ грамотный, какъ и безграмотный, безъ командировъ жить не можетъ. Грамотка безъ учителей не водится. Самодѣльныхъ властей у насъ развелось множество, но лицъ съ настоящимъ значеніемъ въ просвѣщенномъ слоѣ общества пока еще не завелось. Разумѣется, когда и было у насъ начальство, то, къ которому и Вы принадлежали, то не всегда его слушались; но все-таки присутствіе людей; всѣми чтимыхъ не только за дѣла ума, но и за свойства души, было полезно и научало новичковъ скромности. Это слово исчезло...

Пріѣзжайте хоть за тѣмъ, чтобы помочь намъ отыскать его. Странное дѣло! Никогда не видано было у насъ менѣе смиренія, какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ христіанскихъ уставовъ учитъ смиренію, который весь ничто иное, какъ смиреніе. Такъ разумѣли его благочестивые наши предки; такъ разумѣли его святые наставники наши, воспитавшіе землю Русскую. Но вотъ Вамъ примѣръ нынѣшняго нашего смиренія. Одинъ изъ сподвижниковъ возвратнаго направленія написалъ въ прошломъ году драму; хороша ли, дурна ли, не въ томъ дѣло; драма написана во славу того быта, который (sic) будто бы сокрушила своеправная воля великаго человѣка, созданнаго, впрочемъ, этимъ же самымъ бытомъ, а этого и довольно для сочувственниковъ автора. Но вотъ ее даютъ на здѣшнемъ театрѣ. И чтожъ? Въ день представленія является въ Вѣдомостяхъ статья самого автора, который простодушно въ ней указываетъ на свое рукодѣльс, какъ на образецъ настоящей русской драмы. Замѣтьте, что никого это не изумило, что никто даже и не обратилъ на это вниманія; такъ оно всѣмъ показалось естественнымъ. И не мудрено. Какъ Вы хотите, чтобъ безусловное поклоненіе какой-нибудь одной мысли не привело насъ къ поклоненію и тому высокому разуму, который ее породилъ, хотя бы этотъ разумъ и былъ нашъ собственный разумъ или разумъ нашихъ пріятелей. Voilà où nous en sommes. Этотъ авторъ, впрочемъ, милый, умный и благородный человѣкъ, и при иныхъ усло-

віяхъ современной жизни, конечно-бы достигъ высокаго нравственнаго достоинства, а, можетъ быть, и истиннаго творчества. Но надобно же заплатить дань своему времени: вѣдь и у насъ есть свое время, хотя и не такое безпутное, какъ ваше басурманское время.

Не знаю. показывалъ ли Булгаковъ письмо Ваше нашей чудесной графинѣ; кажется, онъ ей только выписалъ тѣ строки, которыя могли польстить ея авторскому самолюбію. Я взялъ было его у Булгакова съ тѣмъ, чтобъ показать ей все письмо, но не засталъ ея дома. Должно, впрочемъ, признаться, что акаѳистъ ея старой плясуньѣ всѣхъ порядочныхъ людей возмутилъ и здѣсь въ Петербургѣ. Я назвалъ всю эту дурь le culte du jarret и спрашивалъ Ростопчину, какъ это выраженіе перевесть по русски, но она не сумѣла.

На прощанье вторично повторяю челобитье свое о возвращеніи Вашемъ на родину. Худо дѣтямъ жить безъ дядьки. Изъ-за этого и взялъ перо, отъ котораго, какъ можете видѣть, немного поотсталъ, а то бы не былъ такъ многословенъ. Обнимаю васъ *всѣмъ* [1]) сердцемъ и *всею* [2]) душою».

Что Чаадаевъ не только поправилъ своей рукою это письмо, но и былъ его авторомъ, доказывается находящимся въ той же папкѣ слѣдующимъ письмомъ Ѳедора Глинки, которое вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что Чаадаевъ былъ своимъ письмомъ доволенъ, разсказалъ его своимъ пріятелямъ и думалъ объ его напечатаніи.

6-го марта.

Прекрасно, многоуважаемый Петръ Яковлевичъ! Прекрасно написано письмо Ваше. Я читалъ его съ тройнымъ удовольствіемъ: какъ чистую русскую прозу, какъ поученіе и, наконецъ, какъ очеркъ современныхъ нравовъ и литературы. Въ этомъ очеркѣ такъ много истины и самой животрепещущей истины! Впрочемъ письмо Ваше перенесло меня далеко въ отдаленность временъ. Мнѣ показалось, что я слышу Гостомысла, *вызывающаго* Рурика. Такъ и слышишь слова: «Земля наша пространна и богата, да нѣтъ въ ней *порядка!* Будете ли Вы такъ счастливы, какъ Гостомыслъ: пріѣдетъ-ли Рурикъ изъ Баденъ-Бадена [3]) володати русскою землею, т. е. литературою? А худо безъ Рурика! Что разговоръ, то

[1]) Вписано рукою Чаадаева. [2]) Тоже.

[3]) Извѣстно, что Жуковскій и скончался въ Баденъ-Баденѣ 7 апрѣля 1852 г.

споръ; что споръ, то ссора: а дѣло отъ этого не выигрываетъ. Петербуржскіе нахалы бьютъ московскую усобицу по носамъ и набѣгаютъ, какъ *Половцы*, пользуясь семейными раздорами. Авторитетъ великое дѣло: онъ ставитъ все на свое мѣсто. Теперь у насъ, «кто раньше всталъ, тотъ и капралъ». Всѣ колеса спрыгнули съ осей и всякому колесу хочется на *чужой* оси повертѣться. Вотъ наше положеніе. Вызывайте же, вызывайте Рурика изъ Баденъ-Бадена и напечатайте, непремѣнно напечатайте Ваше мастерское письмо.

Извините, гости пріѣхали, писать больше некогда.

Вашъ покорнѣйшій

Ѳ. Глинка.

Это письмо безъ обозначенія года; но, судя по тому, что оно помѣчено 7 марта, предыдущее же—27 мая 1851 г., а 7 апрѣля 1852 г. В. А. Жуковскаго уже не было въ живыхъ, мы, очевидно, должны отнести его къ 1852 году.

Желая узнать, о какомъ умномъ и благородномъ человѣкѣ *возвратнаго* направленія, столь безцеремонно расхвалившемъ свою драму, идетъ рѣчь въ письмѣ Чаадаева, мы перелистали Московскія Вѣдомости 1850 и нашли, что 14 декабря этого года на московской сценѣ въ первый разъ шла 5-ти актная драма Константина Аксакова: «Освобожденіе Москвы въ 1612 г.», и въ № отъ 14 декабря въ отдѣлѣ «Смѣси» (въ это время литературныхъ прибавленій при Московскихъ Вѣдомостяхъ не издавалось) помѣщена небольшая статья объ этой драмѣ. Статья безъ подписи; но авторъ ея, отказываясь судить о художественныхъ достоинствахъ драмы, съ такой обстоятельностью говоритъ о вѣрности историческимъ источникамъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и даже отдѣльныхъ выраженій пьесы, что тождественность его съ авторомъ драмы очевидна. Статья оканчивается такими словами: «Художественный вопросъ мы оставили въ сторонѣ: пусть судятъ о немъ сами зрители. Во всякомъ случаѣ любопытно, какое впечатлѣніе произведетъ историческая русская драма *безъ прикрасъ, безъ фразъ, безъ иностранныхъ героевъ и интригъ, во всей своей простой истинѣ и исторической вѣрности*». Похвальба не особенно назойливая, но очень характерная для уясненія художественныхъ взглядовъ славянофиловъ. Намекъ на графиню Ростопчину и Фанни Эйслеръ не нуждается въ объясненіи.

МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ.

Н. А. Мельгуновъ.

Историко-литературный очеркъ, по неизданнымъ документамъ.

Я предлагаю читателямъ очеркъ жизни и дѣятельности одного литератора 30-хъ и 40-хъ годовъ, до того малоизвѣстнаго и маловліятельнаго, что не такъ давно его объявили умершимъ какъ разъ по срединѣ его литературной карьеры, за 27 лѣтъ до его дѣйствительной смерти, и, сколько знаю, такія преждевременныя похороны не вызывали ни съ чьей стороны возраженія. Мельгуновъ интересенъ не потому, что совершилъ онъ, а больше потому, что́ собирался совершить, что́ онъ думалъ и чувствовалъ, интересенъ, какъ типъ лучшей части русской публики, какъ характерный представитель той фракціи нашей интеллигенціи, которая не столько боролась, сколько созерцала борьбу, составляла фонъ для картины, но не сѣрый и безцвѣтный, а мягкій и отрадный, отъ котораго въ значительной степени зависитъ полнота впечатлѣнія. Поставленный судьбою въ очень счастливыя условія жизни, обладавшій недюженнымъ умомъ, превосходно образованный, искренно, горячо и дѣятельно любящій литературу, искусство и науку, Мельгуновъ почти полстолѣтія шелъ въ переднихъ рядахъ общества и почти всегда былъ за работой; но онъ не оставилъ по себѣ имени и замѣтнаго слѣда главнымъ образомъ потому, что слишкомъ старательно избѣгалъ рѣзкостей и крайностей.

Совоспитанникъ и другъ выдающихся славяно-филовъ, онъ впослѣдствіи близко сошелся съ Бѣлинскимъ, Грановскимъ и Герценомъ и долго, долго (и, конечно, безплодно) посредничалъ между двумя знаменитыми партіями, трудился надъ примиреніемъ «восточныхъ» съ «западными». Да и во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ, по свойству своего мягкаго характера и широкаго ума, стремился

быть посредникомъ, примирителемъ: въ началѣ 30-хъ годовъ онъ занималъ среднее мѣсто между безусловными поклонниками Пушкина и его неблагосклонными критиками, а какъ повѣствователь—между романтиками и реалистами того времени. Немного позднѣе онъ съ большей удачей посредничаетъ между нѣмецкой и русской словесностями, даетъ впервые Германіи, а черезъ нее и остальной Европѣ, здравое и независимое, честное представленіе о нашей литературѣ, а русскихъ читателей вводитъ въ кругъ идей Запада, гдѣ онъ чувствуетъ себя дома никакъ не меньше, чѣмъ въ Россіи. Даже въ началѣ 60-хъ годовъ Мельгуновъ, больной, изломанный жизнью старикъ, пытается посредничать между пылкою молодежью и старцами, между слишкомъ увлекшимися прогрессистами и озлобленными консерваторами, при чемъ самъ онъ остается неизмѣнно вѣренъ культурно-гуманнымъ идеямъ своей юности. Мельгуновъ и въ личной жизни своей представляется мнѣ очень типичнымъ русскимъ интеллигентнымъ дворяниномъ 40-хъ годовъ, ближайшее знакомство съ которымъ можетъ послужить прекраснымъ комментаріемъ къ романамъ и повѣстямъ Тургенева.

Мягкая, податливая, тонко чувствительная натура, человѣкъ безусловно порядочный въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова (иностранцы, имѣвшіе съ нимъ дѣло, и притомъ иностранцы, какъ Гумбольдтъ и Фарнгагенъ, говоря о немъ, прибавляли къ его фамиліи эпитетъ—der edle Melgunoff), онъ былъ, навѣрно, драгоцѣннымъ членомъ общества и умѣлъ внушать горячую привязанность, въ особенности женщинамъ, которыхъ и самъ онъ любилъ, повидимому, по-тургеневски; но въ дѣлахъ онъ былъ, по выраженію Погодина, homme à projets, мало внушавшій довѣрія, несмотря на все свое усердіе, благія намѣренія и таланты. Архіевропеецъ по своей высокой культурности, онъ былъ настоящимъ русскимъ барчукомъ по своей безалаберности и отсутствію дѣловитости; онъ чувствовалъ органическое отвращеніе ко всему заранѣе обдуманному, «ко всякому счету и мѣрѣ»; онъ импровизировалъ свою жизнь и возводилъ эту импровизацію въ теорію. Матеріальные результаты теоріи оказались крайне печальны: наслѣдникъ довольно крупнаго состоянія, скромный кабинетный человѣкъ, свободный отъ страстей и слабостей, онъ ухитрился раззориться до нищеты, до необмодихости занимать у всѣхъ и каждаго и вымаливать по десяткамъ рублей у Краевскаго!

Когда появился «Подростокъ» Достоевскаго, въ обществѣ и, если не ошибаюсь, въ печати высказывалось сомнѣніе въ типичности Версилова, какъ русскаго дворянина-европейца, одного изъ той «тысячи» истинно-культурныхъ людей, для созданія которой будто столько вѣковъ трудилась Россія.

Достоевскій, по особенностямъ своего фантастически страстнаго таланта, преувеличилъ историческое значеніе Версилова и напрасно вложилъ ему въ уста сознаніе такой высокой миссіи: въ числѣ недостатковъ нашей интеллигенціи того времени не было самомнѣнія; но Мельгуновъ, по моему убѣжденію -наглядное доказательство того, что художникъ творилъ на основаніи дѣйствительности.

Мой очеркъ, несмотря на свой порядочный объемъ, не можетъ претендовать на полноту, въ особенности въ послѣдней своей части (50-ые и 60-ые года): здѣсь у меня оказался недостатокъ матеріала. Но все-же, я надѣюсь, онъ можетъ дать достаточно ясное понятіе о человѣкѣ и дѣятелѣ, обширныя литературныя и дружескія связи котораго заставятъ не одинъ разъ поминать его на страницахъ историческихъ журналовъ. А, можетъ быть, найдутся бумаги и самого Мельгунова, въ домашнемъ архивѣ котораго (если только вѣчныя странствованія позволили ему собирать архивъ), навѣрно, окажется много интереснаго для исторіи русской литературы и культуры.

Приношу глубокую благодарность Н. А. Бычкову за его содѣйствіе при разборѣ писемъ Мельгунова къ Шевыреву и Краевскому, а В. И. Саитову и С. А. Венгерову—за ихъ цѣнныя библіографическія указанія.

Николай Александровичъ Мельгуновъ, родился въ 1804 г. въ Орловской губерніи, въ Ливенскомъ уѣздѣ [1]), гдѣ его отецъ Александръ Ермолаевичъ, отставной майоръ, владѣлъ довольно большимъ имѣніемъ почти въ 300 душъ.

Родъ Мельгуновыхъ былъ старо-дворянскій и происходилъ, говорятъ, отъ польскаго благороднаго выходца Яна Мингалева или Миннгалева, который выѣхалъ на Москву при Василіи Темномъ или въ началѣ княженія Ивана III [2]). Съ конца XVI вѣка Мель-

[1]) Отсюда его псевдонимъ Н. Ливенскій.

[2]) См. Общій Гербовникъ № 65. и ср. «Всем. Иллюстрація 1882 г. № 688. Мингалевъ, можетъ быть, былъ татарскаго происхожденія (Аминъ-Али?).

гуновы уже были на службѣ и «въ пожалованіи». При Екатеринѣ они получили гербъ съ медвѣдемъ. Но та вѣтвь, отъ которой происходилъ Н. А. повидимому, до крупныхъ чиновъ не дослуживалась: дѣдъ его Ермолай вышелъ въ отставку или скончался коллежскимъ совѣтникомъ [1]). Семья Мельгуновыхъ была, очевидно, изъ очень интеллигентныхъ, и сыну, повидимому, единственному, старалась дать наилучшее образованіе: съ 7-лѣтняго возраста Н. А. уже имѣлъ гувернера швейцарца и русскаго учителя. Отъ здороваго деревенскаго воздуха онъ былъ крѣпокъ физически и казался старше своего возраста. Когда мальчику было 11 лѣтъ, родители ради него переѣхали въ Харьковъ, который въ то время славился своимъ молодымъ, но хорошо обстановленнымъ университетомъ. Намѣреніе ихъ было подготовить сына въ студенты и остаться здѣсь при немъ до окончанія курса, «въ концѣ котораго имъ видѣлось уже и докторское званіе, тогда еще такъ скоро достававшееся», разсказывалъ впослѣдствіи Мельгуновъ. Случаи, когда двадцатилѣтніе дворяне, порядочно подготовленные по латыни и по двумъ новымъ языкамъ, получали степень доктора философіи и соединенныя съ нею права по службѣ, были въ то время не рѣдки [2]).

Домъ Мельгуновыхъ въ Харьковѣ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ въ городѣ; у нихъ бывали и губернскіе аристократы, и профессора университета изъ иностранцевъ, и попечитель З. Я. Корнѣевъ, и офицеры, только что возвратившіеся изъ заграничнаго похода; разсказы послѣднихъ сильно дѣйствовали на впечатлительнаго мальчика, и онъ началъ мечтать о военной службѣ. Но эти мечты не мѣшали ему учиться съ усердіемъ и любовью. Какъ разъ въ это время судьба послала ему на полгода въ руководители отличнѣйшаго педагога. На Украйнѣ проживалъ тогда швейцарецъ Вернетъ (Vernet), горячій послѣдователь идей Руссо [3]),

[1]) Архивъ Мин. Иностранн. Дѣлъ, изъ бумагъ о службѣ Николая Мельгунова.

[2]) Такъ А. А. Перовскій, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, «произведенъ въ доктора философіи и словесныхъ наукъ» въ Московскомъ университетѣ ровно 20 лѣтъ отъ роду, 16 окт. 1807 г.

[3]) «Современникъ» 1847 т. I, стр. 167—195: «Ив. Фил. Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій литераторъ. Изъ воспоминаній обыкновеннаго человѣка». Статья подписана буквою Л., но принадлежность ея Мельгунову внѣ сомнѣнія. Она первоначально предназначалась для альманаха Бѣлинскаго и была въ его рукахъ. 20 марта 1845 г. онъ пишетъ о ней московскимъ друзьямъ (А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій С.П.Б. 1876 г. II. 252): «Статья М—ва мнѣ очень понравилась. я очень благодаренъ ему за нее. Особенно мнѣ нравится первая половина и тотъ

человѣкъ очень образованный (французскій и нѣмецкій языки были для него оба родными; по латыни онъ зналъ прекрасно), способный и гуманный педагогъ отъ природы. Въ Россію попалъ онъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ качествѣ чтеца, къ знаменитому Суворову, и остался здѣсь навсегда. Онъ служилъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, былъ воспитателемъ въ лучшихъ южныхъ фамиліяхъ (у Зарудныхъ, Булацелей и др.), скопилъ себѣ маленькій капиталецъ, оставилъ педагогію и теперь жилъ на проценты, беззаботно отдаваясь своей страсти къ перемѣнѣ мѣста и изученію людей. Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ вполнѣ не только практически, но и теоретически. Процентовъ хватало ему, чтобы жить безбѣдно, но онъ не могъ дѣлать на нихъ экстраординарныхъ расходовъ. Въ 1816 г. ему понадобилось обновить свой гардеробъ, пришедшій въ совершенную негодность. Тогда онъ заявилъ отцу Мельгунова (домъ котораго она посѣщалъ до тѣхъ поръ въ качествѣ гостя, всегда пріятнаго, и который въ то время какъ разъ искалъ воспитателя для сына), что охотно приметъ на себя учительско-воспитательскія обязанности при его сынѣ на $^1/_2$ года за 400 рублей. Мельгуновъ очень обрадовался; такого учителя нельзя было найти ни за какія деньги. Вернетъ проработалъ съ мальчикомъ установленные 6 мѣсяцевъ и принесъ ему великую пользу. Но и самому Вернету пребываніе въ домѣ Мельгуновыхъ открыло новое поприще дѣятельности: его ученикъ бралъ въ это время уроки русскаго языка у адъюнкта университета Разумника Тим. Гонорскаго [1]), который съ 1816 г. издавалъ вмѣстѣ съ С. Филомаоитскимъ журналъ «Украинскій Вѣстникъ». Гонорскій познакомился у Мельгуновыхъ съ Вернетомъ и уговаривалъ его писать для печати, вслѣдствіе чего швейцарецъ Вернетъ и сталъ подъ старость «русскимъ литераторомъ» [2]). Въ этомъ же «Украинскомъ Вѣстникѣ» приблизительно черезъ полтора года выступилъ и 14-лѣтній ученикъ Вернета и Гонорскаго; въ январьской книжкѣ за 1818 г. (ч. IX, стр. 154—5) онъ перевелъ «изъ Сенъ-Піера» небольшой прозаиче-

старый румянцевскій генералъ, который Суворова, Наполеона, Веллингтона и Кутузова называетъ мальчишками. Вообще въ этой статьѣ много мемуарнаго интереса: читая ее, переносишься въ доброе старое время и впадаешь въ какое-то тихое раздумье».

[1]) Род. въ 1790 г., воспитывался въ тульской семинаріи, потомъ въ педагогическомъ институтѣ, умеръ 29 лѣтъ отъ рода (см. Г. Геннади, Справочный Словарь I, 244).

[2]) Вернетъ умеръ до 1827 г.

скій отрывокъ «Приближеніе весны», перевелъ языкомъ дѣтскимъ но довольно правильнымъ и съ гордостью подписалъ его полнымъ именемъ и фамиліей: Николай Мельгуновъ. Вотъ какъ рано началъ онъ свою литературную дѣятельность! Въ той же статьѣ Мельгунова, изъ которой мы заимствуемъ вышеприведенныя свѣдѣнія о его жизни въ Харьковѣ, авторъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими любопытными людьми изъ Харьковскаго общества и въ томъ числѣ съ знаменитымъ В. Н. Каразинымъ, основателемъ Харьковскаго университета [1]).

Вотъ характерный для духа времени разсказъ объ одномъ пожиломъ, довольно важномъ губернскомъ чиновникѣ, фамилію котораго онъ не называетъ. Герой разсказа былъ отчаяннымъ кутилой въ ранней молодости. Недовольная его поведеніемъ мать одинъ разъ жестоко упрекала его. Нечестивый сынъ осмѣлился поднять руку и пригрозить родительницѣ, которая изрекла за то ему нѣчто въ родѣ проклятія. Прошло нѣсколько лѣтъ; мать его умерла, оставивъ ему крупное состояніе. Сынъ вышелъ немедленно въ отставку (онъ служилъ въ артиллеріи), пріѣхалъ въ свое имѣніе и на радостяхъ задалъ пиръ пріятелямъ. Чтобы увеличить торжество, онъ велѣлъ достать старую небольшую пушку, зарядилъ ее и выстрѣлилъ. Пушку разорвало, осколкомъ оторвало у помѣщика именно кисть той руки, которую онъ поднималъ на мать, и перебросило на свѣжую могилу умершей. Такимъ же отчаяннымъ остался этотъ господинъ и впослѣдствіи; Мельгуновъ разсказываетъ, какъ онъ въ его время проигралъ въ карты родную дочь, по счастію, человѣку, который искренно любилъ ее и былъ любимъ взаимно. Авторъ заключаетъ это повѣтствованіе сентенціей: Le vrai quelque fois n'est pas vraissemblable.

Вотъ какъ въ то время романтическая фантастика, носившаяся, такъ сказать, въ воздухѣ, прививалась «полудѣтямъ».

Въ Харьковскомъ тогдашнемъ обществѣ было замѣтно смѣшеніе двухъ столѣтій: еще многіе ходили съ напудренной головой; нерѣдко встрѣчались и эмигранты (въ томъ числѣ и извѣстный Дегуровъ).

Мельгунову не суждено было воспользоваться университетскимъ

[1]) Мельгуновъ, безъ сомнѣнія, съ родителями былъ у него въ имѣніи, порядки въ которомъ оказываются нѣсколько напоминающими деревню полковника Кошкарева (см. стр. 172).

образованіемъ: родители его «по совѣту одного призваннаго и опытнаго въ этомъ дѣлѣ судьи», рѣшились въ 1818 г. промѣнять Харьковскій университетъ «на только что открывшійся тогда въ Петербургѣ пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, переименованный впослѣдствіи въ университетскій пансіонъ» [1]. Этимъ «призваннымъ судьею» оказывается вышеназванный З. Я. Корнѣевъ старинный другъ дома Мельгуновыхъ. Изъ изслѣдованія покойнаго Г. С. Чирикова [2]) мы узнаемъ, что Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ былъ когда то орловскимъ вице-губернаторомъ (отсюда и его близость съ Мельгуновыми), потомъ губернаторомъ въ Минскѣ, потомъ сенаторомъ, съ 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1817 г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Онъ былъ масонъ и мистикъ, и духъ положительной науки, господствовавшій въ подвѣдомственномъ ему университетѣ, былъ ему вовсе не по нраву. Онъ принялся бороться съ нимъ: вытѣснилъ ректора Осиповскаго и учредилъ библейское «сотоварищество» изъ студентовъ, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые молодые профессора, желавшіе подслужиться начальству; но число таковыхъ, къ чести университета, было невелико; вотъ откуда и его совѣтъ Мельгуновымъ увезти сына въ Петербургъ. Мы не имѣли никакого основанія полагать, что родители Мельгунова (тѣмъ менѣе самъ юноша) увлеклись мистицизмомъ Корнѣева; они только подчинились совѣту старинного друга, котораго не вполнѣ основательно считали компетентнымъ судьею въ дѣлѣ воспитанія. Ошибка ихъ тѣмъ извинительнѣе, что З. Я Корнѣевъ въ сущности былъ человѣкъ добрый [3]), только односторонній и подъ старость слабый.

Тѣмъ не менѣе раннее и близкое знакомство съ выдающимся мистикомъ не могло пройти совсѣмъ безъ вліянія на міровоззрѣніе Мельгунова, какъ увидимъ это далѣе. Совѣтъ стараго масона прежде всего оказался пагубнымъ для здоровья юнаго Мельгунова: по словамъ своего однокашника по пансіону и пріятеля, знаменитаго впослѣдствіи композитора М. И. Глинки [4]), Мельгуновъ оставался въ учебномъ заведеніи вслѣдствіи «слабости здоровья» недолго, ни-

[1]) Ів стр. 169.
[2]) «Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета Рус. Ст. 1877 г. г. XVII, стр. 463—490.
[3]) См. Г. С. Чириковъ о. с. стр. 478.
[4]) См. «Русск. Ст.» 1874 г. т. IX, стр. 713. Ср. «Записки М. И. Глинки» изд. 1885, стр. 573, 593, 594.

какъ не болѣе 2-хъ лѣтъ, такъ какъ въ 1820 г. онъ уже вмѣстѣ съ отцомъ [1]) уѣзжаетъ заграницу. О Петербургскомъ періодѣ юности Мельгунова мы не имѣли никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что и здѣсь Мельгуновъ не былъ одинокъ: будущій композиторъ Глинка бывалъ въ домѣ его родныхъ, и черезъ сыновей познакомились и отцы ихъ. Любовь къ музыкѣ, вѣроятно и до тѣхъ поръ не чуждая Мельгунову, очевидно, усилилась въ немъ подъ вліяніемъ Глинки. Молодые люди сблизились настолько, что отецъ Глинки едва не отпустилъ его съ Мельгуновыми за границу. Не много знаемъ мы и о пребываніи Н. А Мельгунова за границей [2]): 60-лѣтнимъ старикомъ пишетъ онъ изъ Висбадена А. А. Краевскому [3]). «Что же, писать ли для «Отеч. Зап.» о Форстерѣ и о моемъ первомъ пребываніи за границею (1820—1823)? Послѣднее было бы, право, интересно и даже поучительно». А въ 1845 г. онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» [4]) «Письмо изъ Парижа», гдѣ пишетъ Погодину: «Тебѣ извѣстно, что я провелъ здѣсь около года въ послѣднее время царствованія Людовика XVII». Вотъ почти и все, пока намъ извѣстное [5]), мы можемъ только догадываться изъ послѣдующаго, что неторопливое путешествіе по Европѣ въ эти годы (отъ 16 до 19) должно было принести огромную пользу умственному и нравственному развитію Мельгунова, изощрить его наблюдательность и эстетическое чувство и сдѣлать его навсегда тѣмъ архи-европейцемъ изъ русскихъ дворянъ, типъ котораго старается обработать Достоевскій. Но съ другой стороны, это фланированіе въ тотъ возрастъ, когда всѣ другіе учатся или начинаютъ службу, карьеру, могло оставить и, дѣйствительно, оставило на Мельгуновѣ слѣдъ иного рода: онъ оказался на всю жизнь только наблюдателемъ, идеалистомъ и теоретикомъ, неспособнымъ ни къ какой прак-

[1]) О матери Мельгунова мы съ этихъ поръ не встрѣчаемъ упоминанія: вѣроятно, она умерла между 1818 и 1820 гг.

[2]) По словамъ Н. П. Барсукова (Жизнь и труды М. П. Погодина I стр. 105, безъ указанія на источникъ), Мельгуновъ ѣздилъ за границу съ проф. Василевскимъ.

[3]) Письмо 26-го іюня (5-го іюля) 1864 г. Рук. Имп. Публ. Библ. Архивъ Краевскаго, буква М.

[4]) №№ 5 и 6 стр. 17—44.

[5]) Въ своемъ письмѣ къ Шевыреву 1831 г. Мельгуновъ упоминаетъ, что во время своего перваго заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ Жуковскимъ («Ист. Вѣстн.» 1897 г. апрѣль стр. 148).

тической дѣятельности и, при всей природной живости и кажущейся энергіи, закоренѣлымъ врагомъ борьбы и усилій.

По возвращеніи въ отечество, Мельгуновы поселяются въ Москвѣ подъ Новинскимъ, въ собственномъ домѣ, вѣроятно, тогда же купленномъ для собственнаго жилья. Сынъ сталъ готовиться къ экзамену при университетѣ «на основаніи указа 1809 г. августа 6-го». Черезъ годъ или полтора Н. А. этотъ экзаменъ благополучно выдержалъ и получилъ аттестатъ, копія съ котораго имѣется въ дѣлахъ Московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Вотъ какіе «успѣхи» оказалъ онъ:

1. «Въ грамматическомъ познаніи русскаго языка, въ сочиненіи на ономъ и въ переводахъ съ французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ на русскій—хорошіе.

2. Въ исторіи всеобщей, древней и новой, въ исторіи отечественной, съ частями, къ нимъ принадлежащими: географіи и хронологіи, въ статистикѣ вообще, особенно же Россійскаго государства—хорошіе.

3. Въ правѣ естественномъ, въ законахъ уголовныхъ и политической экономіи—очень хорошіе, въ правахъ римскомъ и частномъ гражданскомъ съ приложеніемъ сего послѣдняго къ россійскому законодательству—хорошіе.

4. Въ ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи—хорошіе, физикѣ—достаточные».

Итакъ, экзаменъ на основаніи указа 1809 г. требовалъ, если онъ производился безъ послабленія, порядочнаго общаго образованія съ прибавленіемъ къ нему нѣкотораго образованія юридическаго. Аттестатъ о выдержаніи этого экзамена давалъ право поступить въ число такъ называемыхъ «архивныхъ юношей» въ званія актуаріуса, каковымъ правомъ Мельгуновъ немедленно воспользовался, и былъ утвержденъ въ должности 17 іюля 1825 г. Служба актуаріуса, очевидно, была не номинальная и не совсѣмъ бездѣятельная, судя по тому, что при поступленіи на нее взыскивалось 50 руб. $58^1/_4$ коп. (размѣръ мѣсячнаго жалованья).

Два лѣта бѣдный Мельгуновъ и деревни не видалъ, и только 4 апрѣля 1827 г. получилъ онъ отпускъ на 4 мѣсяца въ разныя губерніи, которымъ и воспользовался для путешествія на югъ

Россіи [1]). Черезъ три года послѣ поступленія на службу Николай Мельгуновъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Веневитиновымъ, произведенъ изъ актуаріусовъ въ переводчики, опять таки со взысканіемъ мѣсячнаго жалованья въ размѣрѣ 58 р. $91^{1}/_{2}$ коп. Въ 1830 г. онъ опять воспользовался 4-хъ мѣсячнымъ отпускомъ (съ 26 апрѣля) въ Орловскую и Воронежскую губерніи. 27 іюля 1831 г. (ровно черезъ 6 лѣтъ службы) онъ произведенъ въ титулярные совѣтники, а 24 апр. 1833 г. назначенъ помощникомъ библіотекаря. Въ февралѣ 1834 г. Мельгуновъ подалъ по болѣзни въ отставку, при чемъ ему выданъ аттестатъ (12 апр.); гдѣ за отцомъ его показано «родового имѣнія въ Орловской губ. Ливенскаго уѣзда 265 душъ, благопріобрѣтеннаго Воронежской губерніи и уѣзда 100 душъ и домъ въ Москвѣ деревянный». Во время «прохожденія» Мельгуновымъ службы въ архивѣ возникла о немъ довольно любопытная переписка [2]) по слѣдующему поводу: Въ 1831 г. при отношеніи отъ 5 января получилъ онъ, Мельгуновъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшеніе издавать въ Москвѣ журналъ: «Журналистъ». Въ концѣ 1832 г., намѣреваясь приступить къ изданію, онъ подалъ прошеніе въ московскій цензурный комитетъ «о перемѣнѣ названія и программы не въ сущности, а въ формѣ, по плану, приложенному къ поданному имъ прошенію». Тогда московскій цензурный комитетъ (въ отношеніи отъ 14 декабря 1832 г., за подписью члена Ивана Снегирева) запросилъ архивъ мин. ин. дѣлъ о личности Мельгунова и «о способности издателя выполнить принимаемую имъ на себя обязанность, также и о нравственной его благонадежности». (Программы или плана журнала при дѣлѣ нѣтъ). Хотя архивъ и былъ изстари однимъ изъ центровъ московской образованности, все же категорическій запросъ цензурнаго

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ дѣлъ арх. мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ 1825—1834 г. О путешествіи Мельгунова по Россіи (смѣлая и оригинальная для того времени идея!) мы имѣемъ обстоятельное его сообщеніе въ письмѣ Погодину, съ которымъ онъ, какъ и большинство «архивныхъ юношей», познакомился черезъ директора архива Малиновскаго. Это интересное письмо, писанное изъ Кіева и напечатанное полностью Н. П. Барсуковымъ («Жизнь и труды М. П. Погодина,» II, 106—110) свидѣтельствуетъ о серьезныхъ стремленіяхъ, тонкой наблюдательности и обширныхъ свѣдѣніяхъ 23-лѣтняго чиновника. О сношеніяхъ М-ва съ Погодинымъ въ 20-хъ гг. см. также у Н. П. Барсукова I, 301, II, 42, 69, 300 и пр.

[2]) Въ дѣлахъ 1832 г.

комитета поставилъ его въ затруднительное положеніе, и онъ поспѣшилъ списаться съ Петербургомъ: 19 декабря того же 1832 г. идетъ изъ него бумага въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, сущность которой въ слѣдующихъ словахъ: «архивъ хотя и аттестуетъ г. Мельгунова какъ чиновника весьма способнаго къ службѣ и поведенія отлично-хорошаго, но, не находя себя ни въ правѣ, ни въ возможности принять отвѣтственность ручательства (sic) въ издаваніи (sic) имъ журнала, покорнѣйше проситъ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, по новости сего случая, довести сіе обстоятельство до свѣдѣнія высшаго начальства». Бумагою отъ 30 декабря 1832 г. департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ м-ва народнаго просвѣщенія рекомендуетъ архиву отвѣтить московскому цензурному комитету, что «начальство не можетъ принять на себя ручательство за издаваемые подчиненными его журналы и тѣмъ подвергать себя отвѣтственности въ дѣлѣ, для его совершенно постороннемъ», и совѣтуетъ препроводить въ комитетъ формулярный списокъ Мельгунова. Тѣмъ и кончилось это курьезное дѣло, и «Журналистъ» на свѣтъ Божій не появлялся. За это время Мельгунова навѣщалъ два раза его товарищъ по пансіону М. И. Глинка; въ первый разъ онъ пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга весною 1828 г. и пробылъ у него до 9 мая (день именинъ Мельгунова); здѣсь онъ познакомился съ Шевыревымъ [1], который, какъ извѣстно, тоже началъ свою службу «архивнымъ юношею». Въ іюнѣ 1834 г., возвращаясь изъ-за границы, Глинка заѣзжаетъ въ Москву опять таки съ цѣлью повидаться съ Мельгуновымъ. «Онъ жилъ въ томъ же собственномъ домѣ подъ Новинскимъ, пишетъ М. И. Глинка. Мнѣ отвели комнаты, въ которыхъ, съ насмѣшкою сказалъ мнѣ Мельгуновъ, всѣ тѣ, которые поживутъ, непремѣнно женятся, напримѣръ Шевыревъ».

Въ это время отецъ Мельгунова жилъ довольно открыто, и у него собиралось нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу. «Въ мезонинѣ дома Мельгунова жилъ тогда Павловъ. [2])

Итакъ 30 лѣтъ отъ роду Н. А. Мельгуновъ, человѣкъ съ отличнымъ образованіемъ и хорошими средствами, оставляетъ службу (съ немалымъ, по тому времени, чиномъ) и оставляетъ ее навсегда. Чѣмъ же будетъ онъ заниматься? Его выборъ давно уже сдѣланъ:

---

[1]) О. с. 573.
[2]) ib. стр. 594.

онъ изъ тѣхъ, по мнѣнію фамусовскаго общества, «опасныхъ мечтателей», у которыхъ есть если не даръ, то во всякомъ случаѣ большая любовь.

Къ искусствамъ творческимъ, прекраснымъ.

Во первыхъ, онъ композиторствуетъ, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ [1]), а во вторыхъ уже съ самаго начала своей службы онъ усердно работаетъ на пользу отечественной словесности, на что указываетъ и выше упомянутое его намѣреніе издавать журналъ. Въ 1826 г [2]) вышелъ въ Москвѣ переводъ знаменитой въ свое время книжки Л. Тика «Объ искусствѣ и художникахъ». Размышленія отшельника, любителя изящнаго». Эта книжка, послужившая въ самомъ началѣ столѣтія однимъ изъ манифестовъ романтической школы и объединявшая творческое «вдохновеніе» съ «откровеніемъ» и религіознымъ экстазомъ [3]), переведена съ позднѣйшаго изданія и каждая изъ 22 главъ ея подписана инициіалами переводчиковъ: С. Ш., Н. М. и В. Т. Извѣстный библіографъ Геннади уже въ 1869 г. [4]) указалъ, что подъ ними скрываются: Шевыревъ, Титовъ и Николай Мельгуновъ, на долю котораго пришлись 4 главы: одна общаго содержанія (I-го отдѣла гл. 6-я: «О всеобщности, терпимости и любви къ ближнему въ искусствѣ») и три спеціально музыкальныхъ II-го отдѣла главы: 3-я, 4-я и 5-я: «Чудеса музыки», «О разныхъ родахъ искусства и въ особенности церковной музыки», «Отрывокъ изъ письма Іосифа Берлингера»).

Итакъ въ этомъ тріумвиратѣ архивныхъ юношей «любителей изящнаго» Н. А. Мельгуновъ считался, очевидно, спеціалистомъ по музыкѣ. Въ продолженіи слѣдующихъ 5 лѣтъ отъ (1826 до 1831) Мельгуновъ, сколько знаемъ, не выступаетъ въ печати, но очень

[1] Въ Молвѣ» за 1832 г. стр. 96 мы читаемъ такое объявленіе: «Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда и во французской книжной лавкѣ Урбеня и Комп продаются вышедшіе на дняхъ: Пѣсни и романсы, положенные на музыку Н. Мельгуновымъ: а именно: 1—3) три пѣсни изъ трагедіи «Ермакъ», Хомякова, 4) Русская пѣсня: «Ахъ ты ночь ли ноченька» Б. Дельвига, 5) романсъ: «Я помню чудное мгновенье», А. Пушкина, 6) «Ливонія», стихотвореніе Языкова и 7) «Водопадъ», стихотвореніе Баратынскаго. Цѣна тетради съ приложеніемъ словъ 3 руб. асс., съ пересылкою 6 руб. асс.»

[2]) Цензорская помѣта 8 апрѣля.

[3]) О ней см. Haym. Die romantische Schule.

[4]) «Русск. Арх.» стр. 2005.

усердно читаетъ, такъ что становится однимъ изъ немногихъ, и можетъ быть, и единственнымъ въ то время знатокомъ русской новѣйшей библіографіи [1]), формируетъ свои убѣжденія, пытаетъ силы въ самостоятельной творческой дѣятельности не въ стихахъ, къ которымъ онъ, очевидно, не чувствовалъ призванія и расположенія [2]), а въ формѣ повѣсти и мечтаетъ о большихъ литературныхъ предпріятіяхъ [3]).

Какъ повѣствователь Мельгуновъ выступаетъ передъ публикою въ первый разъ въ «Телескопѣ» въ 1831 г. съ небольшою повѣстью «Кто-же онъ?», повѣстью по сюжету фантастическою, изъ «страшныхъ», съ неособенно удачною попыткою примиренія фантастики и правды. Языкъ повѣсти бойкій и красивый, разсказъ живой; видно основательное знаніе

«Горе отъ ума», тогда еще ходившаго въ рукописи.

Затѣмъ слѣдуютъ три года молчанія Мельгунова, въ продолженіи которыхъ онъ изготовляетъ цѣлый томъ повѣстей. Окончивъ надъ нимъ работу и уже сдавъ его въ типографію [4]), онъ какъ-бы въ видѣ образчика печатаетъ въ томъ-же «Телескопѣ» Надеждина за 1834 г. [5]) одну главу изъ большой своей повѣсти «Да или нѣтъ» (съ выноской, объявляющей о скоромъ выходѣ въ свѣтъ «Разсказовъ»).

Въ томъ же 1834 г. въ Москвѣ выходитъ его книга «Разсказы о быломъ и небываломъ» [6]) съ очень характернымъ предисловіемъ; приводимъ его цѣликомъ. «Издаваемыя нынѣ повѣсти были писаны не для печати. Авторъ отдыхалъ за ними въ минуты досуга.

[1]) Въ апрѣлѣ 1831 г. И. М. Снегиревъ пишетъ В. Г. Анастасевичу: «Н. А. Мельгуновъ занимается составленіемъ указателя всѣхъ статей въ журналахъ русскихъ, книга полезная, хотя и не блестящая! Я ему совѣтовалъ раздѣлить сіи статьи по наукамъ въ ученыхъ полимаѳическихъ журналахъ». (Древняя и Новая Россія 1880 г. т. XVIII, стр. 574). Кстати замѣтимъ, что въ напечатанномъ въ Р. Архивѣ прошлаго года дневникѣ И. М. Снегирева имя Мельгунова встрѣчается довольно часто. См. напр. № 9 (1834 г.) стр. 9, 14, 20, 44 и № 11 (1837 г.) стр. 308, 315, 320. Снегиревъ и Мельгуновъ были, очевидно, довольно близки.

[2]) И въ письмахъ и въ позднѣйшихъ многочисленныхъ статьяхъ своихъ онъ чрезвычайно рѣдко цитируетъ стихи.

[3]) См. выше переписку о «Журналистѣ». 18 февраля 1831 г. онъ пишетъ Шевыреву, что изданію его энциклопедическаго журнала помѣшала холера. Изъ этого-же письма узнаемъ мы, что Мельгуновъ собирался основывать въ Москвѣ публичную библіотеку, въ основу которой хотѣлъ пожертвовать свою и собиралъ въ ея пользу прозаическій Альманахъ.

[4]) Цензорская помѣтка на разсказахъ подписана въ мартѣ 1833 г.

[5]) Ч. XIX стр. 144—62.

[6]) Изданіе очень изящное, съ двумя рисунками.

не имѣя притязаній на талантъ и славу литератора. Но нѣкоторыя изъ этихъ бездѣлокъ случайно попали въ руки друзей, которые благосклонно ихъ одобрили и тѣмъ побудили автора выйти изъ златой неизвѣстности. Можетъ быть, его ожидаетъ неизвѣстность менѣе завидная, но онъ полагается на благосклонность публики, всегда столь снисходительной ко всякому начинанію, и почтетъ себя вполнѣ счастливымъ, если она обратитъ на эти повѣсти хотя минутное вниманіе. Въ противномъ случаѣ, авторъ вѣчно будетъ раскаяваться, что извлекъ изъ скромнаго портфеля незрѣлые плоды своей фантазіи. Что-же касается до критики, то онъ не боится ея перуновъ, и заранѣе отвѣчаетъ ей извѣстнымъ стихомъ: «La critique est aisée et l'art difficile».

«Такъ водится говорить въ предисловіяхъ. Но вѣдь это разсказъ о небываломъ; кто ему повѣритъ?

«Нѣтъ, издаваемыя нынѣ повѣсти были писаны для печати, и авторъ отнюдь не думалъ беречь ихъ въ портфелѣ. Онъ не отдыхалъ, но въ потѣ лица трудился надъ ними. Если-бы онъ не находилъ повѣстей своихъ достойными вниманія публики, то, конечно, не подумалъ бы издавать ихъ; но онъ надѣется основать на нихъ свою извѣстность и отъ всего сердца желаетъ, чтобъ его имя осталось нераздѣльно съ твореніемъ. Авторъ клянется и божится, что друзья его ни душой, ни тѣломъ не виновны во всемъ этомъ, и въ случаѣ, если критикъ его похвалитъ, онъ на себя одного принимаетъ всю отвѣтственность. Если же его раскритикуютъ, чего онъ крайне боится, то постарается утѣшить себя мыслію, что личность и пристрастіе управляли его строгимъ судіею, и что потомство отдастъ ему полную справедливость».

«Такъ про себя всѣ думаютъ. Но кто эту быль рѣшится сказать вслухъ?»

«Во всемъ нужна мѣра, и въ скромности, и въ искренности. Уравнивайте одну другою, будьте вмѣстѣ и искренни, и скромны: вотъ задача жизни, вотъ тайна предисловій».

«То же и въ искусствѣ: ни голой правды, ни голаго вымысла. Правда стыдлива и носитъ покровъ; но этотъ покровъ долженъ не скрывать, а только прикрывать ея строгія формы. Задача искусства— слить фантазію съ дѣйствительной жизнію. «Счастливъ авторъ, если въ его разсказахъ заслушаются былого, какъ не былицы, а небывалому повѣрятъ какъ были.

Н. Мельгуновъ».

Помимо довольно тонкаго остроумія, направленнаго противъ такъ называемыхъ «литературныхъ приличій», надъ которыми раньше Мельгунова издѣвались нѣмецкіе романтики, а немного позднѣе его и значительно удачнѣе глумился Гоголь, въ этомъ предисловіи нельзя не обратить вниманія на основную мысль: «Задача искусства слить фантазію съ дѣйствительной жизнью», мысль, конечно, и въ то время не новую, но какъ манифестъ молодого литератора, недавняго переводчика ультра-романтическаго Тика--Ваккенродера, очень характерную.

Книга Мельгунова состоитъ изъ 2-хъ частей; первая заключаетъ въ себѣ четыре значительно раньше написанныхъ повѣсти: «Зимній вечеръ», «Кто-же онъ?» (см. выше), «Пророческій сонъ» и «Любовь воспитатель». Всѣ онѣ написаны легко и изящно, мѣстами остроумно, но ни въ одной не видно творчества и оригинальности. Три первыя повѣсти фантастичны по завязкѣ и реальны по развязкѣ; четвертая «Любовь-воспитатель» разрабатываетъ (не углубляясь, впрочемъ, въ предметъ) очень интересную психологическую задачу, какъ умная дѣвушка превращаетъ своимъ любящимъ вліяніемъ фата-офицера въ очень и очень порядочнаго человѣка, способнаго даже на героизмъ. Вторая часть, болѣе обширная, вся заполнена одной большой повѣстью (вѣрнѣе, небольшимъ романомъ): «Да или нѣтъ?», написанной по словамъ автора, въ 1832 г. и основанной на фактѣ, который будто бы онъ лично наблюдалъ много лѣтъ назадъ въ Парижѣ. Эта повѣсть явленіе очень замѣчательное для своего времени не въ художественномъ, а въ соціальномъ и историческомъ отношеніи. Какъ художникъ, Мельгуновъ и здѣсь только полезная посредственность: онъ придумалъ два довольно оригинальныхъ характера: Левендорфа и Клары, которые воплощаютъ приблизительно одну идею (роковыя, или кажущіяся таковыми, положенія могутъ изъ честнаго и порядочнаго мужчины сдѣлать чуть не злодѣя, и изъ сильной и смѣлой женщины—до сумашествія болѣзненную и упрямую трусиху), и создалъ, можетъ быть, на основаніи какого-либо изъ парижскихъ causes célèbres временъ реставраціи, интересную сильно-драматическую интригу; но дѣло не въ ней и не въ характерахъ, а въ живомъ и вѣрномъ до мельчайшихъ подробностей изображеніи *суда присяжныхъ* (съ рѣчами прокурора и адвоката, съ буквальнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ судебныхъ формулъ и съ указаніемъ §§ различныхъ Codes), съ явной едва за-

маскированной въ угоду русской цензурѣ тенденціей—показать, насколько судъ совѣсти гуманнѣй, законнѣй и справедливѣй нашего закрытаго бумажнаго суда съ его «сильнымъ» и простымъ «подозрѣніемъ», которое, оставляя безнаказаннымъ виновнаго, караетъ невиннаго и дѣлаетъ порядочнаго человѣка на всю жизнь несчастнымъ. Здѣсь же несправедливо обвиненный герой выходитъ изъ судебной залы не только оправданнымъ, но и примиреннымъ съ обществомъ и вполнѣ счастливымъ; предсѣдатель говоритъ ему въ концѣ повѣсти: «Благодаря сему величественному сословію Присяжныхъ (въ оригиналѣ такъ и напечатано съ заглавной буквы), которые однимъ словомъ разрушили козни злобы и суевѣрія, вы отнынѣ свободны». «Болѣе десяти лѣтъ прошло, прибавляетъ отъ себя авторъ, послѣ этой незабвенной сцены, но она и теперь живо представляется моему воображенію.

Живая идея повѣсти «Да или нѣтъ?» была очевидно понята, какъ слѣдуетъ, образованными читателями, и Мельгуновъ удостоился похвалъ изъ разныхъ лагерей. Въ «Молвѣ» при «Телескопѣ» (1834 года т. XX стран. 182—5) безъимянный рецензентъ по поводу его книги говоритъ о повѣстяхъ вообще и о сатирическихъ въ частности и затѣмъ прибавляетъ: «г. Мельгуновъ, благодаря судьбѣ, не слѣдовалъ этому нравственно-сатирическому направленію». Особенно превозноситъ критикъ повѣсть «Да или нѣтъ?», какъ живую и вѣрную картину хода французскаго уголовнаго судопроизводства; по справедливому его заключенію, для насъ русскихъ этотъ «предметъ новъ и мало извѣстенъ»; онъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобы авторъ продолжалъ» писать съ натуры, сохраняя простоту и неискусственность разсказа, кои суть несомнѣнно лучшія его достоинства». Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Молвы» (ib стр. 221) неизвѣстный, подписавшій свою замѣтку значкомъ (F), обращается къ издателю журнала съ упреками, что онъ слишкомъ мало сказалъ о замѣчательной книжкѣ Мельгунова; онъ перечисляетъ рядъ прекрасныхъ частностей въ повѣстяхъ молодого автора и особенно восхищается повѣстью «Да или нѣтъ?», не скрывая, что ему больше всѣхъ нравится ея идея—восхваленіе суда присяжныхъ. Тамъ, гдѣ есть такой судъ, по его убѣжденію, «никакой умыслъ рока на человѣка чистаго и невиннаго не можетъ устоять противъ внутренняго голоса правосудія». Рѣшеніе присяжныхъ есть «какъ будто приговоръ самого Бога».

Скептическій и черезчуръ осторожный Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1834 г. т. III, Лит. лѣтопись стр. 5) о судѣ присяжныхъ умалчиваетъ, но неумѣренно расхваливаетъ повѣсти Мельгунова (хотя и могъ догадываться, что авторъ не принадлежитъ къ числу почитателей его «направленія). По его словамъ, эти повѣсти—«такіе милые разсказы, какихъ давно не писали по-русски, исключая «Пиковой Дамы» Пушкина [1])». Г. Мельгуновъ— «человѣкъ съ примѣчательнымъ и премилымъ дарованіемъ... un joli conteur». Рецензентъ обѣщалъ вернуться къ этой книгѣ, но, сколько мы знаемъ, обѣщанія своего не исполнилъ.

«Московскій Телеграфъ» при тогдашней малочисленности московскихъ литераторовъ, конечно, зналъ Мельгунова, зналъ и о его замыслахъ издавать журналъ и въ рецензіи на «Разсказы» сумѣлъ соединить справедливость и вѣрность своимъ принципамъ съ искуснымъ униженіемъ возможнаго соперника. Его рецензентъ (часть 56-ая стр. 149—150) признаетъ, что предисловіе написано остроумно, но несогласенъ съ тѣмъ, что говоритъ въ немъ авторъ о сущности искусства. «Задача искусства—творчество, доказываетъ критикъ романтическаго журнала,—а для него все равно, откуда ни взять предметъ: изъ дѣйствительной ли жизни или изъ головы писателя, потому что и въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки будетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни».

Въ «Разсказахъ» по словамъ «Телеграфа» виденъ писатель образованный. Языкъ его правиленъ, легокъ, приличія литературныя, приличія хорошаго общества соблюдены; въ подробностяхъ разсказа нѣтъ ничего отталкивающаго читателя. «Но чего-то не достаетъ въ повѣстяхъ г. Мельгунова! Его читатель остается какъ-то холоденъ, несмотря на все желаніе автора быть игривымъ и занимательнымъ».

Поставивъ себѣ вопросъ, чего именно недостаетъ Мельгунову, критикъ самъ и отвѣчаетъ себѣ: недостаетъ «творчества»; оттого «Разсказы» «можно съ удовольствіемъ прочитать, но не перечитать»; оттого «они и не оставляютъ послѣ себя сильнаго впечатлѣ-

[1]) Тонкое и довольно ехидное, но несправедливое замѣчаніе: «Разсказы» Мельгунова, какъ мы видѣли выше, были уже цензурованы въ 1833 г., а написаны и того раньше, между тѣмъ «Пиковая Дама» была напечатана только въ № 2 «Библіотеки для Чтенія» за 1834 г. Фантастика первой части «Разсказовъ» дѣйствительно, напоминала нѣсколько фантастику «Пиковой Дамы», конечно, не въ выгодѣ начинающаго автора.

нія». Такую оцѣнку должно признать вѣрной по существу; но въ умолчаніи объ особомъ (хотя и не эстетическомъ) достоинствѣ повѣсти «Да или нѣтъ?» мы не можемъ не видѣть враждебнаго отношенія къ автору со стороны Полевого, который въ этотъ періодъ своей дѣятельности былъ очень чутокъ къ подобнымъ свѣтлымъ идеямъ. Едва ли Мельгуновъ былъ сильно огорченъ рецензіей «Телеграфа»: въ 30-хъ годахъ наши литераторы, подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній о литературныхъ обществахъ и кружкахъ, все еще несравненно больше дорожили одобреніемъ друзей нежели отзывами «органовъ печати», а друзья Мельгунова, очевидно, очень высоко ставили повѣсть «Да или нѣтъ?», настолько высоко, что внушили самому автору, обыкновенно очень скромно цѣнившему свои произведенія, чрезмѣрное къ ней уваженіе. На это мы имѣемъ косвенное, но вполнѣ убѣдительное доказательство: ровно черезъ четверть столѣтія Мельгуновъ, находившійся за-границей въ отчаянномъ денежномъ затрудненіи (далеко не въ первый и не въ послѣдній разъ какъ увидимъ ниже), телеграфируетъ Краевскому: Vender roman «Cour assises», разумѣя подъ этимъ 2-е изданіе своей повѣсти «Да или нѣтъ?». Конечно, въ 1859 г. она не могла найти себѣ новаго издателя. Но въ срединѣ 30-хъ годовъ, благодаря именно ей, Мельгуновъ пріобрѣлъ себѣ литературное имя и сталъ полноправнымъ членомъ московскаго передового кружка, къ которому принадлежали Кирѣевскіе, Хомяковъ, Кошелевъ, Баратынскій, Чаадаевъ, Шевыревъ и мн. др. Благодаря тому, что одинъ изъ видныхъ членовъ этого кружка, Алексѣй Веневитиновъ, въ началѣ 30-хъ годовъ въ Москвѣ бывалъ только наѣздами, другой же наиболѣе близкій Мельгунову, Шевыревъ, два раза на продолжительное время покидалъ не только Москву, но и Россію, а Мельгуновъ и любилъ и умѣлъ писать письма, мы черезъ это посредство можемъ заглянуть и въ домашнюю и въ духовную жизнь интересной эпохи. Н. П. Барсуковъ въ своемъ почтенномъ изслѣдованіи «Жизнь и труды М. П. Погодина» (т. III, стр. 195—6) издалъ большую часть очень любопытнаго письма Мельгунова къ Веневитинову отъ 17 янв. (1830), въ которомъ авторъ описываетъ времяпрепровожденіе кружка и приглашаетъ своего корреспондента принять участіе въ задуманномъ Альманахѣ, который, впрочемъ, не появился на свѣтъ [1]).

[1]) По поводу этого проэкта практичный Погодинъ въ письмѣ къ Шевыреву такъ характеризуетъ Мельгунова (ib 196) «Мельгуновъ прекрасный, предобрый,

Съ Шевыревымъ Мельгуновъ былъ въ самой дѣятельной и дружественной перепискѣ въ 1830 г. Онъ очень высокаго мнѣнія о природныхъ дарованіяхъ своего бывшаго сослуживца и сотрудника и уговариваетъ его не зарывать таланта въ землю. 18 февраля 1831 г. онъ пишетъ ему, поощряя его къ творчеству. «Пушкина пора прошла, а чередъ Языкова никогда не придетъ». Мельгуновъ находитъ, что послѣднія произведенія Пушкина зрѣлѣе, но вліяніе ихъ меньше. «Не обвиняй меня въ вандализмѣ за смѣлость, съ какою я говорю о Пушкинѣ, и не забудь, что рѣчь идетъ не о безусловномъ (intrinsèque) его достоинствѣ, а объ относительномъ. Вчера еще спросили при мнѣ у Ширяева, что, каково расходится «Борисъ Годуновъ» Пушкина.—«Ну что о Пушкинѣ!» пробормоталъ онъ сквозь носъ и отворотился съ медвѣжей неповоротливостью.— Худо, коли книгопродавцы начинаютъ отворачиваться при имени Пушкина». Недавно Н. А. Бѣлозерская въ своей цѣнной монографіи о кн. З. А. Волконской напечатала небольшой отрывокъ изъ того письма [1]), гдѣ Мельгуновъ нападаетъ на Пушкинскаго «Бориса Годунова»; но она напечатала его съ выпусками и не совсѣмъ точно [2]); воспроизводимъ его цѣликомъ также съ орѳографіей подлинника.

«Спрашиваю, что новаго открылъ Пушкинъ послѣ Карамзина въ своемъ Борисѣ? Это—Карамзинъ въ звучныхъ, превосходнѣйшихъ стихахъ, но съ тѣмъ же невѣрнымъ историческимъ взглядомъ, съ тѣми же несообразностями въ характерахъ, если еще не съ большими, съ тѣмъ же, если также не съ бо̀льшимъ недостаткомъ единства въ цѣломъ, и вдобавокъ съ забавными анахронизмами. (Борисъ говоритъ объ утраченной молодости, Лжедмитрій о высокомъ санѣ поэта, по случаю латинскихъ стишонковъ какого-то риѳмоплета).

«Погодинъ, одинъ изъ твоихъ педантовъ-изыскателей, право лучше Пушкина-поэта понимаетъ этотъ періодъ нашей исторіи. Въ изученіи ея есть три степени: изыскателя, историка-философа, и наконецъ историка-художника.

преблагонамѣренный человѣкъ; но не совѣтую тебѣ вступать съ нимъ ни въ какія обязательныя отношенія. У него нѣтъ основательности—C'est un homme à projets. Нынѣшній годъ у него такихъ мыльныхъ пузырей двадцать. Что-же толку».

[1]) «Ист. Вѣстн». 1897 г. № 4 стр. 145—6.

[2]) Безъ сомнѣнія, это корректурные недосмотры. Кстати исправимъ такіе же недосмотры въ примѣчаніи на страницѣ 141: Мельгуновъ умеръ не въ 1876 г., а въ 1867 г.; онъ Ник. Александровичъ, а не Алексѣевичъ.

«Но сей послѣдній невозможенъ безъ двухъ первыхъ: безъ предварительнаго критическаго изысканія матеріаловъ и безъ глубокаго философскаго анализа, поэтъ въ наше время ничего не уразумѣетъ въ исторіи. Его дѣло—излагать, координировать (sic) запасы, собранные и очищенные другими; онъ одинъ можетъ вдохновить жизнь, воскресить прошедшее, вложить душу въ тѣло исторіи; но не прежде, какъ когда ножъ анатомика уже гулялъ по этому тѣлу, и физіологъ сравнилъ части онаго и изъ ихъ сходства или различія вывелъ законы устроенія сего тѣла. Пока нѣтъ еще физіологіи исторіи, пока не узнаны законы, по коимъ она правится, поэтъ можетъ лишь воскрешать въ половину, гальванически; пусть онъ не заносится безплодной мечтою, будто онъ можетъ силою вдохновенія разомъ достигнуть того, что пріобрѣтается тяжелыми трудами, кровавымъ потомъ, будто въ одинъ мигъ онъ можетъ перешагнуть столѣтія изысканій. Поэтъ есть рабъ науки, и не онъ открылъ истинное движеніе свѣтилъ небесныхъ. Къ чему ведетъ все мною сказанное? Къ тому, что надо съ точностію размежевать область философіи и поэзіи, дабы, слѣдуя простонародной пословицѣ, «всякъ сверчекъ зналъ свой шестокъ [1])».

Отвѣчая на это письмо, Шевыревъ, какъ видно обвинялъ Мельгунова въ недостаткѣ почтенія къ нашему величайшему поэту. Мельгуновъ въ письмѣ отъ 20 іюля упорно защищается: онъ любитъ поэта Пушкина попрежнему, но сознается, что «уже не такъ безотчетно и неограниченно» удивляется ему. Еще рѣзче, почти до неприличія рѣзко, отзывается Мельгуновъ о Пушкинѣ въ письмѣ къ тому же Шевыреву отъ 21 декабря того же 1831 г. «Мнѣ досадно, что ты хвалишь Пушкина за послѣднія его вирши [2]). Онъ мнѣ такъ огадился какъ человѣкъ, что я потерялъ къ нему уваженіе даже какъ

[1]) Рукоп. Импер. Публ., бумаги Шевырева.

[2]) Безъ сомнѣнія, разумѣются: «На взятіе Варшавы» и «Клеветникамъ Россіи» о которыхъ у Кенига (русск. пор., стр. 109—110) сказано, что они повредили Пушкину «въ общественномъ мнѣніи, частію своимъ содержаніемъ, а еще болѣе разительной перемѣной въ образѣ мыслей». Рѣзкость выраженій не можетъ удивить того, кто въ записной книжкѣ кн. П. А. Вяземскаго (Соч. IX 155 и слѣд.), близкаго друга Пушкина и Жуковскаго, читалъ его отзывъ о «шинельныхъ» стихотвореніяхъ на взятіе Варшавы. Совершенно иного мнѣнія держался Чаадаевъ (см. его письмо къ Пушкину отъ 28 сент. у П. И. Бартенева, бумаги А. С. Пушкина, I, 156), которому особенно понравилась ст. aux ennemis de la Russie (sic) но онъ самъ прибавляетъ: Tout le monde n'est pas de mon avis ici».

къ поэту. Ибо одно съ другимъ неразлучно. Я не говорю о Пушкинѣ, творцѣ Годунова (sic см. выше) и пр.; то былъ другой Пушкинъ, то былъ поэтъ, подававшій великія надежды и старавшійся оправдать ихъ. Теперешній же Пушкинъ есть человѣкъ остановившійся на половинѣ своего поприща, и который, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Апполону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ, для принесенія имъ въ жертву своего дара. Упалъ, упалъ Пушкинъ и признаюся, мнѣ весьма жаль этого. О често(любіе) и златолюбіе!—Онъ избавляетъ меня отъ труда описывать тебѣ его новыя произведенія, ибо ихъ нѣтъ [1])». Приблизительно то же мнѣніе высказываетъ Мельгуновъ и въ письмѣ отъ 9 февраля 1832 г., въ которомъ онъ знакомитъ Шевырева съ 2-мя вышедшеми номерами «Европейца». «Въ нашей литературѣ настаетъ кризисъ: это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходитъ мода, но онъ явно упадаетъ талантомъ; пора школы Вяземскаго (?) проходитъ и ни одной порядочной въ виду нѣтъ» Немного ниже говоритъ онъ о Марлинскомъ, что это «рѣдкій самобытный талантъ» (sic).

Было бы крупной ошибкой, на основаніи приведенныхъ отрывковъ, считать Мельгунова за сознательнаго врага Пушкинской школы; напротивъ, онъ одинъ изъ самыхъ горячихъ адептовъ новаго направленія, къ которому перешелъ онъ вмѣстѣ съ другими отъ крайностей нѣмецкаго романтизма (вспомнимъ переводъ Тика). Таковымъ является онъ и въ повѣстяхъ своихъ, пытающихся, какъ мы видѣли, соединить фантастику съ реализмомъ; таковымъ же оказывается онъ и здѣсь: въ самыхъ противорѣчивыхъ нападкахъ его на главу новой поэзіи чувствуется глубокая вѣра въ геній Пушкина и слышится нѣсколько наивное негодованіе юнаго поклонника на то, что предметъ его поклоненія не ежеминутно творитъ чудеса. Начитанный 27-лѣтній «архивный юноша» вѣрно понимаетъ отрицательныя стороны современной литературы—въ концѣ письма отъ 18-го февраля 1831 г. онъ довольно мѣтко выражается, что наша словесность страдаетъ отъ ледовитаго Булгарина и отъ огнедышащаго Полевого,—но онъ еще плохо можетъ разо-

[1]) Это письмо напечатано Н. А. Бѣлозерской, (Г с 149 прим 1, но тоже съ и опусками и неточностями.

браться въ томъ положительномъ, что дастъ она[1]). Онъ можетъ быть и самъ сознаетъ неустойчивость своихъ воззрѣній и при всей своей пылкой любви къ литературѣ, даже и покинувъ службу, въ печати выступаетъ только, какъ критикъ музыкальный. Въ качествѣ такового, Мельгуновъ въ 1834 году работаетъ въ «Молвѣ» и «Телескопѣ». Въ «Молвѣ» (стр. 355 6) онъ даетъ короткій отзывъ о Музыкальныхъ вечерахъ Гебеля; подробнѣй о нихъ же говоритъ онъ въ «Телескопѣ» (ч. XXV, стр. 512 и слѣд.). Мельгуновъ считаетъ Гебеля величайшимъ послѣ Бетховена композиторомъ[2]) квартетной музыки, но указываетъ и у него техническіе недостатки. Къ модному направленію европейской музыки рецензентъ относится отрицательно. Внезапное запрещеніе «Телеграфа» въ 1834 году возбудило въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Мельгуновъ сильнѣйшее желаніе имѣть свой собственный органъ; начались усиленныя хлопоты[3]), которыя при содѣйствіи генералъ-губернатора кн. Д. Голицына, завершились разрѣшеніемъ «Московскаго наблюдателя». Мельгуновъ волновался и старался едва ли не больше всѣхъ; въ письмѣ къ А. В. Веневитинову[4]) онъ такъ горячо убѣждалъ пріятеля принять участіе въ журналѣ «всѣхъ нашихъ», какъ будто отъ этого зависѣло счастіе его жизни. Съ первой же книжки «Наблюдателя» Мельгуновъ выступаетъ въ немъ съ «Музыкальною лѣтописью» (стран. 144—169), къ которой Бѣлинскій, въ то время еще критикъ «Телескопа», отнесся съ большимъ сочувствіемъ: по его мнѣнію (можетъ быть, подогрѣтому воспоминаніемъ о повѣсти Мельгунова «Да или нѣтъ?»), она написана «ловко, умно, живо, съ знаніемъ дѣла».

Не долго Мельгуновъ наслаждался въ Москвѣ участіемъ въ собственномъ органѣ. Весною 1835 года мы видимъ его уже на пути за-границу, куда онъ ѣдетъ лѣчиться. Но по дорогѣ, въ Петербургѣ

---

[1]) Нѣкоторую роль въ этомъ строгомъ отношеніи Мельгунова къ Пушкину играло, можетъ быть, и принципіальное различіе во взглядахъ литературно-свѣтскаго кружка Пушкина и литературно-философскаго кружка московскаго, но роль небольшую: «философія» москвичей, которая не очень нравилась Пушкину еще въ 1826—27 году (см. Барсуковъ, Погодинъ, II, 44 л. слѣд.), не помѣшала имъ восторгаться «Борисомъ Годуновымъ» да и Мельгуновъ до своей вторичной поѣздки за границу едва-ли былъ серьезно увлеченъ ею.

[2]) Онъ пишетъ: композитёръ,

[3]) О нихъ см. Н. П. Барсуковъ IV, 228 и слѣд.

[4]) Напечатано у Н. П. Барсукова IV, 230 и слѣд.

онъ еще всецѣло преданъ интересамъ «Наблюдателя». 24-го мая онъ пишетъ Шевыреву: «Пушкинъ, съ которымъ я видѣлся у Вяземскаго и Жуковскаго, и который пеняетъ, что мы не помѣстили его имени въ числѣ участниковъ, говоря, что онъ нашъ, а не шайки Смирдинской, заодно съ княземъ Одоевскимъ, совѣтуетъ перенести «Наблюдатель» въ Петербургъ. Вяземскій и Пушкинъ, а также Одоевскій, Соллогубъ и пр. обѣщали нѣсколько статей.

25-го мая Мельгуновъ выѣхалъ за-границу на пароходѣ и, повидимому, немедленно сталъ собирать матеріалъ для корреспонденціи въ «Наблюдатель», которыя и помѣщались въ немъ за полной подписью автора, подъ заглавіемъ «Путевые очерки», начиная съ 8-й части. Эти «Очерки» очень любопытны для характеристики эпохи и самого Мельгунова, который здѣсь нашелъ наиболѣе подходящую форму для выраженія своей личности и взлядовъ. Оказалось, что Мельгуновъ обладалъ талантомъ фельетоннымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: онъ умѣлъ легко и пріятно высказывать серьезныя мысли, разнообразить наблюденія и описанія довольно интересными набросками повѣстей, «по духу времени и вкусу» умѣренно романтическихъ. Разсказавъ въ первомъ очеркѣ объ отплытіи парохода и о томъ, какъ пассажиры знакомятся между собою и какъ инстинктивно вступаютъ въ комплотъ «противъ правительства», т.-е. капитана, онъ рисуетъ нѣсколько своихъ спутниковъ. Авторъ вступаетъ въ разговоръ съ дамой, нападающей на прозаическія пароходы, и такъ защищаетъ современность: Поэзія нашего вѣка есть поэзія внутренняя, ума а не формъ. Пароходъ—это цѣлая поэма, поэма, переведенная въ пары, поэма о силѣ мысли.—Дама-стародумъ, безъ сомнѣнія, служащая выразительницей извѣстной серіи мыслей самого автора· продолжаетъ изливать свое негодованіе на нынѣшнее поколѣніе, у котораго «пошлость и разсчетъ замѣнили мѣсто генія», у котораго деньги—мѣра всему, и даже любовь, «самое живое выраженіе личности, переходитъ въ холодную систему или въ отвлеченности. Предполагается, что каждый изъ насъ любитъ человѣчество, но до людей нѣтъ намъ дѣла» (стр. 36). Авторъ находитъ, что собесѣдница его отчасти права, но объясняетъ современный эгоизмъ тѣмъ, что наше время—переходное отъ періода военно-героическаго къ періоду мирнаго труда и успѣховъ гражданственности. Теперь, дѣйствительно, меньше любви, но зато меньше и ненависти. Исчезаютъ великіе люди, но зато исчезаетъ и грубая толпа; все вырав-

нивается и успокоивается». Несвободный отъ колебаній въ сторону, романтизма и воинствующаго національзма 10-хъ годовъ столѣтія. Мельгуновъ въ основѣ своей — горячій поклонникъ европейской цивилизаціи: на первый заграничный городъ онъ смотритъ «съ неизъяснимымъ чувствомъ блаженства, чувствомъ заключеннаго, когда послѣ долгого заточенія онъ вдругъ выпущенъ на свѣтъ Божій» (стр. 20). Во второмъ очеркѣ Мельгунова (ib II 143—193), мы находимъ рядъ повѣстей, будто бы разсказанныхъ пассажирами и связанныхъ ихъ же разсужденіями о психологіи любви и пр., вродѣ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана. Повѣсти эти романтическаго характера и опять таки съ замѣтнымъ стремленіемъ соединить фантастическое съ воспроизведеніемъ обыденной дѣйствительности.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, изъ-за чего Мельгуновъ оставался за-границею (въ Германіи) на всю зиму 1836—7 года и только изъ послѣдующаго можемъ заключить, что онъ переживалъ за это время какое-то сердечное увлеченіе. Судя по сохранившимся письмамъ [1]), Мельгуновъ въ это время горячо интересуется судьбами русской литературы. 22 ноября 1836 г. онъ спрашиваетъ о положеніи Чаадаева, пострадавшаго за философское письмо [2]). 20 февраля 1837 г., недовольный «Наблюдателемъ», онъ убѣждаетъ Шевырева издавать съ нимъ вмѣстѣ журналъ по 4 книжки въ годъ. 14-го марта онъ пишетъ ему изъ Франкфурта: «Ты обѣщаешь мнѣ подробное извѣстіе о смерти Пушкина. Это происшествіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе, и въ теченіе 2-хъ или 3-хъ недѣль всѣ газеты, нѣмецкія и французскія, были имъ полны. Такъ что иное я, можетъ быть, знаю обстоятельнѣе, чѣмъ вы». Смерть Пушкина даетъ ему поводъ еще энергичнѣе уговаривать Шевырева взяться за журналъ: вѣроятно, прекратится «Современникъ» «послѣдній сколько-нибудь значущій contrepoid противъ журнальной трилогіи извѣстныхъ тріумвировъ. Пушкинъ былъ, что ни говори, злой бичъ на эту братію». Въ этомъ же письмѣ онъ разсказываетъ Шевыреву, что началъ бесѣдовать о Пушкинѣ, а потомъ и о другихъ русскихъ писа-

---

[1]) Въ перепискѣ Мельгунова съ Шевыревымъ неоднакратно встрѣчаются явные пропуски, которые можно объяснить только умышленнымъ изъятіемъ нѣкоторыхъ слишкомъ интимныхъ писемъ Мельгунова изъ коллекціи, поступившей въ Публичную Библіотеку.

[2]) «Что съ Чаадаевымъ? Продолжаетъ ли онъ посѣщать общество?».

теляхъ съ однимъ нѣмецкимъ литераторомъ, Кёнигомъ, и изъ бесѣдъ этихъ выходитъ книжка, заключающая всего до сорока біографій.

Итакъ, вотъ начало извѣстной книги, которая впервые въ общедоступной и интересной формѣ ознакомила Европу съ главными представителями новой русской литературы. Зерномъ, изъ котораго развилась она, оказывается преждевременная трагическая смерть Пушкина, поразившая воображеніе всей читающей Европы. Въ письмѣ къ Шевыреву безъ даты, очевидно, отъ конца іюня или отъ іюля того же 1837 года, Мельгуновъ настаиваетъ на необходимости переустроить редакцію «Наблюдателя», положеніе котораго очень печально, и заранѣе приходитъ въ отчаяніе, что рекомендованному имъ Кенигу не заплатятъ за его статьи [1]). Здѣсь же онъ сообщаетъ что въ Zeitung für die elegante Welt (Лейпцигъ, редакторъ Kühne) въ № 124 отъ 26 іюня 1837 г., уже появился очень похвальный отзывъ о книгѣ König und Melgunoff. хотя она еще не успѣла выйти въ свѣтъ. Въ августѣ того же 1837 г. Мельгуновъ былъ въ Майнцѣ на празднествѣ открытія памятника Гутенбергу, а въ сентябрѣ онъ уже въ Россіи, въ имѣніи отца «Петровское», въ 450 верстахъ отъ Москвы. 18 сентября онъ пишетъ Шевыреву длинное и откровенное письмо [2]). Мельгуновъ намѣренъ остаться здѣсь только до зимняго пути, а потомъ снова уѣдетъ на цѣлый годъ, такъ какъ въ Германіи у него осталась «суженая», которую онъ называетъ «мадонной», но не итальянской, а нѣмецкой; красота ея вызываетъ не на поцѣлуй, а на преклоненіе передъ ея нравственной и физической чистотой. Онъ уже говорилъ объ ней съ отцомъ, и тотъ ничего не имѣетъ противъ его брака. Мельгуновъ нѣсколько разъ былъ «влюбленъ», но находитъ, что кромѣ перваго раза, который былъ плодомъ совѣсти и раскаянія, это не было истинное чувство, а только замаскированное вожделѣніе. Теперь совсѣмъ другое...

Это упоминаніе о первой любви, результатомъ которой явилось раскаяніе, объясняетъ намъ, откуда у Мельгунова тайные отъ отца (но не отъ Шевырева) долги и зачѣмъ онъ высылаетъ черезъ прі-

---

[1]) Изъ письма отъ 18 октября 1839 года видно, что страхъ его былъ не напрасенъ, и что онъ долженъ заплатить Кенигу свои деньги.

[2]) Или онъ не видался съ Шевыревымъ въ Москвѣ, или не имѣлъ случая поговорить съ нимъ съ-глазу на глазъ.

ятеля деньги въ Белебей. Вотъ какое оригинальное и характерное убѣжденіе высказываетъ онъ, между прочимъ, въ этомъ письмѣ: «По моему, всего вѣрнѣй импровизировать жизнь (разумѣется импровизація должна быть вдохновенная): разсчитывая и мѣряя, всегда обманешься». Мельгуновъ возвратился въ Россію, конечно, черезъ Петербургъ, гдѣ видѣлся кое съ кѣмъ изъ литераторовъ Пушкинскаго кружка, и обѣщалъ сотрудничать въ «Современникѣ». Вѣроятно, тогда же онъ сошелся и съ Краевскимъ, «Литературныя Прибавленія» котораго, какъ извѣстно, шли весьма бойко. Для этихъ «Прибавленій» Мельгуновъ въ первый же мѣсяцъ пребыванія въ деревнѣ написалъ довольно объемистую статью «Празднества въ Майнцѣ $^{2}/_{14}$ — $^{4}/_{16}$ августа 1837 года», (Изъ Путевыхъ Замѣтокъ), которая и была напечатана въ №№ 8, 9, 10 и 11 за 1838 годъ. Статья составлена живо и остроумно, и сразу показываетъ, что авторъ ея свой человѣкъ въ литературной Германіи. Онъ лично знакомъ съ Менцелемъ и даже пользуется его гостепріимствомъ, но не одобряетъ его поведенія относительно «молодой Германіи», хотя въ то же время критически относится и къ ея ученіямъ. Какъ и въ «Наблюдателѣ», онъ искусно пересыпаетъ свои наблюденія и размышленія занимательными анекдотами, благодаря которымъ статья его получаетъ интересъ и для массы публики. Нельзя не признать мѣткою его характеристику двухъ націй, ему хорошо извѣстныхъ: на Рейнѣ, по его словамъ, оканчивается идеальный міръ нѣмцевъ, и близость Франціи указываетъ «на жизнь внѣшнюю, дѣятельную, болѣе веселую и общественную. отчасти и болѣе матеріальную» (стр. 142). Немного ниже говоритъ онъ по поводу праздника Гутенбергу:

«Нѣмцы истинно веселятся лишь въ ту минуту, когда прочтутъ или сами напишутъ, что они веселились или должны веселиться. Безъ этого печатнаго самопознанія имъ никакое наслажденіе не полно... прочесть въ книгѣ, а еще болѣе написать самому о томъ, что случилось, или что случится, необходимо нѣмцу: это второй желудокъ для его умственной пищи, для его дѣятельности. Вотъ почему книгопечатаніе должно было родиться въ Германіи, ибо

---

[1]) Ср. стр. 188: «нѣмецъ не можетъ съ перваго разу придти въ восторгъ: онъ достигаетъ того умомъ; ему надо напередъ обдумать и сообразить, а также и прочесть въ газетахъ».

здѣсь только оно есть потребность почти (и нигдѣ, кромѣ Германіи) что животной жизни [1])».

Мельгунову не удалось попасть за границу такъ скоро, какъ ему того хотѣлось. Проживая въ Петровскомъ, онъ въ ноябрѣ заболѣлъ глазами, такъ что долженъ былъ диктовать свои письма, что продолжалось и весь декабрь. Тѣмъ не менѣе Мельгуновъ очень энергично слѣдитъ за текущей русской словесностью (бранитъ «Библіотеку для Чтенія», въ то время все еще самый распространенный журналъ, и ея руководителя Сенковскаго за его легкомысленное отношеніе къ литературѣ и за его издѣвательство надъ представителями московской интеллигенціи) и усердно работаетъ для нея: онъ диктуетъ повѣсть объ ученикѣ Эйлера и статью о свиданіи съ Шеллингомъ. Все это онъ предназначаетъ для будущаго «Москвитянина». Послѣднее его письмо изъ деревни — отъ 2 января 1838 г. Глазъ его выздоровѣлъ, и онъ собирается ѣхать въ Москву. Въ Москвѣ онъ, безъ сомнѣнія, часто видается съ Шевыревымъ и съ Погодинымъ, который читаетъ ему свои лекціи и споритъ съ нимъ изъ-за его западничества [1]). Мы не знаемъ, гдѣ Мельгуновъ провелъ весну и лѣто 1838 г. [2]), а между тѣмъ это именно тотъ годъ, когда Мельгуновъ пріобрѣлъ уже не кружковую, а всероссійскую (хотя и не долговременную), и даже европейскую извѣстность, главнымъ образомъ вслѣдствіе настойчивыхъ и злостныхъ преслѣдованій Булгарина и К°.

Книжка Кёнига распространилась не вдругъ, но къ началу

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, о. с. V, 162. Здѣсь почтенный авторъ увѣряетъ, не указывая ни на время, ни на источники, что Мельгуновъ, по смерти отца, не желая владѣть крѣпостными людьми, продалъ всѣ свои имѣнія, такъ что читатель можетъ отнести этотъ фактъ къ 30-годамъ; но въ VII томѣ (стр. 132 — 133) онъ же приводитъ письмо Мельгунова изъ котораго оказывается, что у него въ 1813 г. есть управляющій, подвергающійся придиркамъ станового пристава; да и отецъ Мельгунова жилъ еще долго (см. ниже).

[2]) Относительно лѣта 1838 г. само напрашивается предположеніе, что онъ провелъ его въ Москвѣ, пользуясь минеральными водами, заведеніе которыхъ недавно было открыто на Остоженкѣ. Въ Одесскомъ Альманахѣ за 1840 г. (стр. 204 -- 237) помѣщена его повѣсть «Жизнь есть сонъ» (одно изъ наименѣе удачныхъ его произведеній, по обыкновенію, хорошо написанное, по обыкновенію, соединяющее фантастику съ реализмомъ, но почти совсѣмъ безсодержательное: весь сюжетъ въ томъ, что красиваго офицера полюбила барышня, офицеръ женился на другой, а барышня съ горя умерла; характеры и нравы отсутствуютъ), которая начинается съ обстоятельнаго описанія московскаго заведенія минеральныхъ водъ, гдѣ авторъ увидѣлъ героиню своего разсказа.

новаго года успѣла заинтересовать очень и очень многихъ [1]), такъ что скоро удостоилась нѣсколькихъ переводовъ. Булгаринъ и Гречъ, которымъ въ ней досталось даже больше, нежели третьему и наиболѣе антипатичному для Мельгунова тріумвиру Сенковскому, не были настолько наивны, чтобы обстоятельной самозащитой обратить вниманіе русской публики на это опасное для нихъ произведеніе [2]), но самый опытный и даровитый ихъ сотрудникъ, скрывшійся подъ буквами А. А., будто мимоходомъ въ «Смѣси» № 35, похваливъ Magazin für die Literatur des Auslandes за вниманіе, оказываемое имъ Россіи, жестоко накинулся на книжку Кенига, которую называетъ пасквилемъ и клеветою, и на Мельгунова, поведеніе котораго онъ считаетъ по малой мѣрѣ неприличнымъ. Чтобы почувствительнѣе уколоть противника, А. А. дѣлаетъ видъ, будто имя г. Мельгунова ему, какъ и всей русской публикѣ, совершенно неизвѣстно, и высказываетъ предположеніе. что это выдуманная фамилія, псевдонимъ, прикрывающій любителя «бросать камни изъ-за угла». Ударъ былъ разсчитанъ вѣрно и, безъ сомнѣнія, достигъ своей цѣли; Мельгуновъ долженъ былъ проглотить обиду: вѣдь неловко же ему было доказывать, что онъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ на свѣтѣ и не безызвѣстенъ въ русской литературѣ. Но вотъ во второй половинѣ 1838 г. появляется объявленіе о возобновленіи «Отечественныхъ Записокъ», и въ спискѣ ихъ сотрудниковъ стоитъ ненавистное «Пчелѣ» имя Мельгунова, котораго къ тому же недавно похвалили въ нѣмецкомъ журнала «Freihafen». Тогда Булгаринъ уже самъ въ № 232 въ отдѣлѣ «Журнальная мозаика» напалъ заодно и на «Отечественныя Записки» и на Мельгунова, задѣвъ попутно и «добраго» Гоголя, изъ котораго глупые поклонники хотятъ сдѣлать великаго писателя, и Шевырева. Эту статью излагаетъ Мельгуновъ въ любопытномъ письмѣ къ Шевыреву въ Римъ, посланномъ изъ Москвы 1-го (13-го) ноября 1838 г. Мы приводимъ его почти цѣликомъ въ виду его значенія для исторіи журналистики той эпохи. Извинившись за долгое молчаніе болѣзнью, сложнымъ лѣченіемъ, переѣздомъ на другую квартиру и бранью съ Булгаринымъ въ нѣменцкихъ и русскихъ газе-

[1]) Бодянскій пишетъ Погодину (о. с. V, 163), что она надѣлала много шуму, и возбудила споръ о томъ, живое ли лицо Мельгуновъ или вымышленное.

[2]) Русскій переводъ ея при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ не могъ появится. Онъ вышелъ только въ 1862 г (Кенигъ, очерки русской литературы. Спб.)

тахъ, Мельгуновъ продолжаетъ: «Булгаринъ не отстаетъ, и мало того что бранитъ меня, задѣваетъ и тебя, и Гоголя, Богъ знаетъ, изъ чего. Дѣло въ томъ что, во 2 № des «Freihafen» (издается въ Альтонѣ) помѣщена статья о русской словесности—чья, не вѣдаю—гдѣ между прочимъ сказано довольно глупо: Шевыревъ и Мельгуновъ,—лучшіе русскіе критики. Ты—согласенъ, но не я. Похвала незаслуженная такъ-же оскорбительна для самолюбія, какъ и незаслуженная брань. Какъ бы ни было (Булгаринъ) этимъ воспользовался. «Слыхали мы, говоритъ онъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что г. Шевыревъ что-то пописываетъ, о г-нѣ же М(ельгуновѣ) никогда не слыхали». Въ «Hamb. Correspondenten» въ то же время (появилось) другая статья, подписанная Iwanow, гдѣ повторено противъ меня все, что, помнишь, сказано въ первой статьѣ «Сѣверной Пчелы», съ прибавкою нѣсколькихъ подлостей. Тутъ также досталось и тебѣ, и особенно Гоголю, котораго вмѣстѣ съ тобою хвалятъ въ «Freihafen». Про тебя Ивановъ говоритъ: авторъ плодовитыхъ gelehrt sein sollenden Kritiken, которыхъ никто не читаетъ. Я на это отвѣчалъ (уже послано къ Кенигу), что это такъ-же справедливо, какъ и все остальное, и тонъ, въ какомъ о тебѣ выражаются, показываетъ, что г. Ивановъ, мнимый или истинный, первый читаетъ твои критики, и что онѣ мѣтко попадаютъ въ цѣль, куда назначены; что, наконецъ, уваженіе, которымъ пользуются твои критики между почетнѣйшими литераторами русскими, служитъ достаточнымъ отвѣтомъ г. Иванову. О Гоголѣ наговорены тамъ мерзости, что онъ освистанъ студентами и долженъ былъ со стыдомъ оставить каѳедру. Что за гадина!—Кстати о литературѣ: послѣ тебя мало показалось утѣшительнаго. На дняхъ вышелъ «Искуситель» Загоскина. Говорятъ, скученъ и вялъ. Павловъ говоритъ про него, что онъ сдѣланъ домашними средствами, въ родѣ экипажей, что дѣлаются въ деревняхъ у помѣщиковъ. Ужъ ничего заморскаго; напротивъ, на все заморское проклятіе. Искуситель не болѣе не менѣе, какъ самъ чортъ; но онъ, кажется, человѣкъ самый незлобный, и я ужасно подозрѣваю, что Загоскинъ взялъ его съ меня, когда, помнишь, я явился искусителемъ въ театральную школу. Является въ Петербургѣ новый журналъ, или лучше сказать воскресшій изъ мертвыхъ, «Отечественныя Записки», издатель Краевскій же, что не помѣшаетъ продолженію и «Литературныхъ Прибавленій». Обѣщаютъ противодѣйствіе, благонамѣрен-

ность, безпристрастіе и всѣ возможныя журнальныя добродѣтели. Наши имена будутъ красоваться на ряду съ Межевичемъ, Жуковскимъ, Стромиловымъ и Вяземскимъ. Не упечь ли и тебя туда же? Или ты уже тамъ?—Какія еще новости? Дай Богъ память. Четыре Смирдинскихъ разбойника, изъ которыхъ онъ настаиваетъ уксусъ для утоленія жаждущей публики, безпрестанно ссорятся и мирятся между собою. Б(улгаринъ) съ П(олевымъ) чуть было нынѣшнимъ лѣтомъ не дошли до святыхъ власовъ; П(олевой) вызывалъ того на дуэль, но Б(улгаринъ), какъ русскій дворянинъ, отказался драться съ купцомъ. Слѣдствіемъ было то, что «Сѣверный Архивъ» снятъ съ обертки «Сына Отечества», и будетъ, говорили, выходить отдѣльно.

«Теперь эта вражда замолкла, зато поднялась новая, между Б(улгаринымъ) и С(енковскимъ). Смирдинъ издаетъ съ новаго года 100 русскихъ литераторовъ, съ ихъ портретами, и пр. С(енковскій), который завѣдываетъ изданіемъ, не включилъ въ первый томъ ни Г(реча), ни Б(улгарина), между тѣмъ какъ включилъ П(олевого), Зотова, дѣвицу Александрову, и еще Богъ знаетъ кого. Достаточно чтобы возгорѣться войнѣ непримиримой. С(енковскій) по обыкновенію отмалчивается, Б(улгаринъ) стрѣляетъ въ него безпрестанно хлопушками. Ужъ это не потѣшная ли война для привлеченія подписчиковъ, въ которой въ дуракахъ будетъ одна публика?—Вотъ, кажется, и все. Мы, москвичи, по обыкновенію, ничего не дѣлаемъ. Павловъ до сихъ поръ не можетъ кончить своей повѣсти. Хомяковъ затѣялъ трудъ, весьма серьезный и обширный: говорилъ, что начнетъ въ деревнѣ; увидимъ. Только сомнѣваюсь. «Наблюдатель» будетъ съ новаго года выходить по тому въ мѣсяцъ, въ подраженіе петербургскимъ журналамъ. Издателемъ попрежнему достолюбезный Бѣлинскій. Прекраснодушный Аксаковъ, на сихъ дняхъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ, будетъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ. Призрачный же Андросовъ, для котораго теперь болѣе, чѣмъ когда либо, все прахъ и суета (кромѣ свекловичнаго завода гр. Бобринскаго) сбирается выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, заплативъ, однако, напередъ долги свои, какъ говоритъ онъ»..

Конецъ этого длиннаго письма, снова возвращающійся къ частнымъ дѣламъ и мнѣніямъ Мельгунова, написанъ чужой рукой: у него снова разболѣлись глаза. Черезъ два мѣсяца, 1-го января 1839 года, Мельгуновъ разсказываетъ Шевыреву, какъ общіе мо-

сковскіе пріятели встрѣчали у него жженкой и шампанскимъ новый годъ. Былъ и Хомяковъ, только что пріѣхавшій и ничего не написавшій: «толкуетъ о хозяйствѣ, въ которомъ ничего не смыслитъ». Мельгуновъ завелъ себѣ писца, которому диктуетъ статью: «Ученый и литературный Берлинъ лѣтомъ 1835 года», предназначаемую для «Отечественныхъ Записокъ», готовитъ новый томъ повѣстей. Въ заключеніе онъ пишетъ: «съ Булгаринымъ ратоборствовать порусски мнѣ, какъ видно, нельзя. Краевскому, если онъ не вретъ, настрого запрещено принимать отъ меня возраженія. Моя вторая статья имѣла участь первой. Впрочемъ здѣшняя цензура не знаетъ ничего о запретѣ; но спрашиваю, гдѣ здѣсь печать?»

Свѣдѣнія о первой статьѣ, повидимому, мы находимъ въ письмѣ Мельгунова къ А. А. Краевскому отъ 11-го марта (1834 г.) [1].

«Вотъ, м. г. А. А., послѣ продолжительнаго и недобровольнаго молчанія, наскоро набросанная статейка въ мою защиту. Могу сказать о ней только то, что она написана не мной и не въ Москвѣ. Посылаю съ нея копію, писанную въ двѣ руки, прося васъ исправить, что нужно, и потомъ, какъ можно скорѣе, помѣстить ее въ вашемъ журналѣ. Боюсь одного, чтобъ г. Плюшаръ, издатель «Россіи», не воспротивился ея помѣщенію. Въ такомъ случаѣ, появленія «Современника» ждать долго, да онъ имѣетъ и мало читателей, лучше-бъ было, если-бъ вы взяли на себя трудъ, напечатали бы ее на мой счетъ отдѣльно, и попросили-бы Воейкова приложить въ видѣ приложенія къ «Инвалиду». Онъ ужъ, конечно, на это согласится. Надѣюсь на васъ и увѣренъ, что если можно, вы не откажете мнѣ въ убѣжищѣ противъ обвиненій «Сѣверной Пчелы»». Статья должна быть подписана буквами Б. В. (въ соотвѣтствіе статьи «Пчелы» въ № 35). Далѣе Мельгуновъ увѣряетъ, что онъ еще до сихъ поръ и не видалъ книги Кёнига, въ которой далеко не всѣ факты принадлежатъ ему: такъ указанія на личные недостатки Ломоносова, Пушкина, Загоскина, Кукольника, Кёнигъ заимствовалъ изъ нѣмецкихъ газетъ. Въ нѣмецкихъ журналахъ «безпрестанно помѣщаютъ всякую всячину о Россіи и русской литературѣ». Но Мельгуновъ не скрываетъ, что онъ очень интересуется судьбой книги Кенига, съ которой такъ тѣсно связано его имя, желаетъ

[1]) Бумаги Краевскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Томъ Л—М.

знать, кто готовитъ ея французскій переводъ [1]), а въ письмѣ отъ 14-го апрѣля того же года пишетъ Краевскому: «Предоставляю князю Вяземскому дополнить и исправить книгу Кёнига, какъ ему угодно. Его литературныя убѣжденія (во многомъ, если не во всемъ), сколько мнѣ извѣстно, такъ сходны съ моими, что я заранѣе соглашаюсь на всѣ его поправки и дополненія [2]). Очевидно, князь Вяземскій собирался переводить книгу Кёнига, но по цензурнымъ условіямъ это оказалось дѣломъ безполезнымъ. Что касается до второй статьи Мельгунова, за нее хлопоталъ Павловъ, писавшій Краевскому 26-го октября 1838 года [3]): «Мельгуновъ посылаетъ вамъ статью для «Литературныхъ Прибав(леній)». Ради Бога напечайте. Ему отъ Бул(гарина) житья нѣтъ». Но и это ходатайство и повтореніе его черезъ пять мѣсяцевъ [4]) остались безплодными. 28-го февраля 1839 года Мельгуновъ пишетъ Шевыреву: «Наконецъ представилась мнѣ, кажется, возможность отвѣчать Булгарину. Пишу особую брошюру и напечаю ее въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Нѣмецкій отвѣтъ, какъ кажется, передѣланный Кёнигомъ, будетъ напечатанъ въ «Freihafen». На дняхъ я получилъ письмо отъ Фарнгагена, гдѣ онъ разсыпается въ похвалахъ о тебѣ (sic). Онъ вздумалъ перевести нѣсколько повѣстей Одоевскаго и моихъ; «Миргородъ» Гоголя переводится другимъ, знающимъ по-русски; вообще любопытство и вниманіе нѣмцевъ къ нашей словесности возбуждены очень сильно». 11-го марта Мельгуновъ извѣщаетъ Шевырева, находившагося въ то время въ Парижѣ, что брошюра его уже въ цензурѣ, а черезъ три дня благодаритъ Краевскаго за согласіе разослать его «Исторію одной книги» (названіе, какъ видно изъ того же письма, придумано Краевскимъ) при его журналахъ. Вмѣстѣ съ слѣдующимъ къ нему письмомъ (безъ числа) Мельгуновъ посылаетъ 1200 экземпляровъ своей брошюры, которая вышла изъ цензуры порядочно урѣзанною и смягченною, для разсылки при № 4 «Отечественныхъ Записокъ», и проситъ непре-

---

1) «Не Сиркуръ ли?» спрашиваетъ онъ Краевскаго въ этомъ письмѣ, а въ письмѣ отъ 14-го апрѣля сообщаетъ, что его догадка оказалась справедливою. (Сиркуръ—близкій пріятель Чаадаева).

2) Въ этомъ же письмѣ Мельгуновъ отъ имени Шевырева и своего благодаритъ Краевскаго за знакомство съ Кольцовымъ, который, впрочемъ, вчера не засталъ ихъ.

3) «Русскій Архивъ» 1897 г. № 3, стр. 449.

4) «Русскій Архивъ» 1897 г. № 3, стр. 451.

мѣнно послать по экземпляру «каждому изъ 4-хъ разбойниковъ смирдинскаго уксуса. а 15-го апрѣля посылаетъ остальные 2600 экземпляровъ [1]). «Штука стала мнѣ болѣе 400 руб.», прибавляетъ онъ въ заключеніе. Благодаря щедрой разсылкѣ, брошюра Мельгунова имѣется во всякой порядочной библіотекѣ, и потому мы не будемъ излагать ея содержанія. Въ общемъ мы должны замѣтить, что Мельгуновъ оказался далеко не сильнымъ въ полемикѣ того тона, къ которому необходимо было прибѣгать, воюя съ Булгаринымъ и К°.: онъ держится слишкомъ бѣлоручкой, да и цензурная неудача двухъ его возраженій дѣлала его черезчуръ осторожнымъ. Мельгуновъ оказывается на высотѣ своей задачи только тамъ, гдѣ частный и личный случай возводитъ въ общее явленіе, напримѣръ, на страницѣ 13—14: «Не повторяю здѣсь обвиненій газеты и, разумѣется, не позволю себѣ въ нихъ оправдываться; приведу лишь одно наивное замѣчаніе противника, которое достаточно обозначитъ духъ его критикъ. «Насъ удивляетъ, еще и то, говоритъ онъ [2]), какой это сердитый г. Мельгуновъ (все это въ предположеніи, что я диктовалъ или, какъ очень учтиво выражается газета, нашептывалъ г. Кёнигу его книгу); и за что это онъ сердится, особенно на Булгарина». Не видите-ль вы въ этомъ неоцѣненномъ признаніи ключа, которымъ объяснятся большая часть теперешнихъ критикъ? Газета удивляется за что я (или №№: все равно) сержусь на Б или X, предпочтительно передъ У или Z? Что такого мнѣ сдѣлалъ X? Онъ меня никогда не бранилъ, и даже не хвалилъ никогда; стало быть, за что бы мнѣ на него сердиться? Журнально взять—вещь ясная. Литературная редакція газеты до того привыкла всѣ свои сужденія основывать на личныхъ отношеніяхъ, что она и понять не въ состояніи, какъ можетъ въ сердцѣ человѣческомъ существовать негодованіе чистое, безкорыстное, слѣдствіе не похвалы или брани, негодованіе не на человѣка частнаго, котораго вы не знаете, но на писателя, котораго сочиненія, по мнѣнію вашему, въ Россіи содѣйствовали бы распространенію дурного вкуса, кривыхъ сужденій, приторной нравоучительности, не согрѣтой чувствомъ и подкрѣпляемой примѣрами, вовсе не назидательными; а въ чужихъ

---

[1]) Изъ письма къ Шевыреву отъ 8-го мая видно, что брошюра напечатана въ 5000 экземплярахъ; 1200, вѣроятно, оставлены у себя или разосланы авторомъ. Помѣтка цензора на ней (П. Снегирева) 14-го марта.

[2]) Разумѣется статья А. А. Ъз № 35.

краяхъ дали-бы иностранцамъ ложное понятіе о нашихъ нравахъ, образѣ жизни, характерѣ... Вотъ чего газета не можетъ понять». Переходя отъ нападеній «Пчелы» къ «Сыну Отечества» (т.-е. къ Полевому), Мельгуновъ отдаетъ ему предпочтеніе въ смыслѣ соблюденія литературныхъ и общественныхъ приличій и защищаетъ не столько Кенига, сколько статью Фарнгагена о Пушкинѣ, которая до невозможности плохо переведена въ томъ же «Сынѣ Отечествѣ». Съ вышеупомянутымъ псевдо—Ивановымъ и съ Менцелемъ, который считаетъ «Выжигина» хорошимъ романомъ, Мельгуновъ раздѣлывается только попутно.

1839 годъ одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ въ литературной дѣятельности Мельгунова: въ томъ самомъ № «Отечественныхъ Записокъ», при которомъ разсылалась его брошюра, онъ напечаталъ небольшую статью о Шеллингѣ (№ 3, стр. 112—128), которою, какъ онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Краевскому (отъ 26 марта 1839 г.), онъ даетъ щелчекъ «Библіотекѣ для Чтенія», а въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» помѣстилъ рядъ очень характерныхъ статей подъ заглавіемъ «Журнальныя выдержки» (т. I, №№ 18, 19, 20 и 21). Онъ убѣжденъ, что до 1820—25 годовъ у насъ не было совсѣмъ литературы, такъ какъ не было своей оригинальной мысли; она развернулась только въ послѣдніе годы. «Умственный переворотъ начался Москвою... Въ ней и до сихъ поръ поддерживается направленіе философическое, жизнь мыслящая, а отъ этого-то, можетъ быть, и мало дѣятельная» (стр. 415). Но въ этой только что пробудившейся энергіи русской мысли замѣчается одно своеобразное и очень печальное явленіе—перевѣсъ литературныхъ промышленниковъ надъ истинными литераторами[1]). Въ значительной степени въ этомъ виноваты послѣдніе, такъ какъ они занимаются литературой *между прочимъ* (курсивъ въ подлинникѣ), пишутъ очень мало, чуть не по 90 строчекъ въ годъ, тогда какъ промышленники—по 90 листовъ въ мѣсяцъ. Въ этомъ отношеніи у насъ былъ только одинъ энергичный литераторъ: это—Пушкинъ», неутомимый дѣлатель на *нови* (курсивъ въ подлинникѣ), Онъ, «подобно трудолюбивымъ колонистамъ Сѣвер-

[1]) Изъ живыхъ таковыми считаетъ онъ Жуковскаго, Крылова, Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Хомякова, Гоголя и Павлова; немного ниже онъ называетъ Лермонтова молодымъ поэтомъ съ большимъ дарованіемъ.

ной Америки, одною рукою воздѣлывалъ поле, а другою защищалъ его отъ набѣга дикихъ» [1]). Оттого въ его время, благодаря ему и Жуковскому, начала складываться и объединяться русская образованная публика. Теперь же, когда промышленники подавили массою своихъ произведеній нашихъ талантливыхъ диллетантовъ, она снова распадается, и верхній слой ея попрежнему обращается къ французскимъ книгамъ, а нижній поневолѣ долженъ довольствоваться литературой офеней.

Вотъ какъ высоко понимаетъ Мельгуновъ значеніе литератора: «онъ долженъ быть, конечно, человѣкъ съ талантомъ, но при томъ и еще болѣе—человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, съ крѣпкой волей, съ душою чистою. Онъ больше, чѣмъ писатель; онъ—public character. Отъ него требуютъ не одного дарованія, но и благородства; надобно, чтобы слово его, которое имѣетъ всю важность поступка, могло, какъ поступокъ, быть подвергаемо суду мнѣнія и смѣло выдерживать его критику».

Въ тѣхъ-же «Литературныхъ Прибавленіяхъ» во II ч. за 1839 г. (№ 1, стр. 6—11) Мельгуновъ напечаталъ небольшую, но очень содержательную статейку о берлинскомъ профессорѣ-юристѣ Эдуардѣ Гансѣ, умершемъ на 42 году отъ роду, краснорѣчивыя лекціи котораго Мельгуновъ когда-то слушалъ съ большой пользой и удовольствіемъ (а о краснорѣчіи онъ можетъ судить, такъ какъ въ юности онъ слушалъ въ Парижѣ Вильмена).

Въ № 6 «Отечестныхъ Записокъ» Мельгуновъ помѣстилъ въ отдѣлѣ наукъ (стр. 82—96) чрезвычайно живо и, главное, искренно написанную статью «Баронъ Александръ Гумбольдтъ», гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Гумбольдтомъ въ Берлинѣ [2]).

Весною 1839 г. Мельгуновъ, несмотря на усердное московское лѣченье, чувствовалъ себя настолько плохо, что рѣшилъ снова ѣхать лѣчиться въ Ганау. Оттуда онъ ведетъ оживленную переписку съ Шевыревымъ (съ 1-го октября), изъ которой мы узнаемъ о направ-

[1]) Какое умное оправданіе полемическихъ произведеній Пушкина и какъ остроумно выраженное!

[2]) Гумбольдтъ сохранилъ о Мельгуновѣ самыя лучшія воспоминанія: А. И. Тургеневъ въ «Современникѣ» за 1840 г. т. XXI, стр. 9, въ статьѣ «Хроника русскаго въ Германіи» пишетъ: «Онъ (Гумбольдтъ) изъявилъ искреннее негодованіе на статью противъ умнаго и благороднаго литератора Мельгунова». (Очевидно, разумѣется статья по поводу книги Кёнига).

леніи и ходѣ его занятій; очевидно, лѣченіе имъ не препятствовало. Онъ хлопочетъ о второмъ изданіи книги Кёнига; уже имѣетъ для него примѣчанія Надеждина; желаетъ получить Шевыревскія.

Вмѣстѣ съ Кёнигомъ онъ переводитъ на нѣмецкій языкъ «Записки Сумасшедшаго» (письмо отъ 18-го октября), которыя и печатаетъ въ «Morgenblatt» (отъ 27-го ноября). Въ «Lpz. Allg. Zeitung» онъ безъ подписи помѣстилъ статью объ руссицизмѣ галичанъ (ib.). Онъ много читаетъ по философіи и исторіи церкви (такъ, между прочимъ, онъ прочелъ 11 томовъ Неандера) и до того вошелъ въ нѣмецкую мысль, что ему уже становится трудно думать по-русски (ib.). Онъ готовитъ для «Blätter f. d. litter. Unterhaltung» большую статью подъ заглавіемъ: Russische Litteratur u. ihre gegenwärtige Richtungen[1]) (отъ 25-го декабря). Онъ всецѣло погрузился въ изученіе нѣмецкихъ мистиковъ, и совершенно серьезно пишетъ своему пріятелю: «Я еще не совсѣмъ убѣдился въ личности сатаны и не знаю, истекаетъ ли она необходимо изъ идеи христіанства». И потомъ: «это крайне опасное ученіе. Отъ вѣры въ сатану до костровъ одинъ шагъ». Онъ очень недоволенъ гегеліанцами, которые возстаютъ противъ положительнаго христіанства, подчуя насъ его голой идеей, приправленной по своему» (ib.). Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ:

«Ты спрашиваешь о франкфуртской знакомкѣ[2]); она еще не вышла замужъ, между тѣмъ какъ младшая ея сестра вышла прошлаго года. Она, говорятъ, отклоняетъ всѣхъ жениховъ». Мельгуновъ не думаетъ, что она въ него влюблена, но собирается поѣхать и посмотрѣть... И онъ не влюбленъ въ нее, но онъ слышитъ внутренній голосъ, который говоритъ ему: вотъ тебѣ жена! Къ сожалѣнію, этотъ голосъ заглушается невѣріемъ въ себя.

Въ то время, какъ Мельгуновъ предавался этимъ сладостнымъ мечтамъ въ Ганау, въ Россіи его недобрымъ словомъ поминалъ Гречъ, разносившій на своихъ публичныхъ лекціяхъ книгу Кёнига[3]). И сердечныя дѣла Мельгунова потерпѣли неудачу. 2-го марта онъ пишетъ Шевыреву: «Моя матримоніальная фантазія кончилась:

---

[1]) Едва ли была она окончена.

[2]) Очевидно, это та же мадонна, о которой онъ писалъ два года назадъ, какъ о своей суженой.

[3]) См. письма Павлова къ Шевыреву («Рус. Арх.» 1876 г. № 4) и Краевскому (ib. 1877 г. № 3, стр. 463).

m-lle Heitern выходитъ замужъ за третьяго Бетмана; богатъ, молодъ, хорошъ собой, и качествами лучшій изъ всѣхъ братьевъ. Дай Богъ ей счастія, какъ слышу, она его заслуживаетъ. Гдѣ мнѣ, больному старику (sic) входить въ состязаніе съ такимъ соперникомъ? Все къ лучшему; да будетъ во всемъ воля Божія».

Конечно, Мельгуновъ не лицемѣрилъ, называя свое чувство этого времени только матримоніальной фантазіей (два года назадъ оно, безъ сомнѣнія, носило болѣе теплый характеръ); непосредственно за этимъ печальнымъ извѣстіемъ онъ съ большимъ интересомъ бесѣдуетъ съ Шевыревымъ совершенно о другомъ дѣлѣ, весьма любопытномъ для исторіи русской науки.

«Недавно я вошелъ въ сношенія съ Яковомъ Гриммомъ. Онъ въ Касселѣ, безъ мѣста (онъ былъ изъ числа 7 геттингскихъ профессоровъ). Тебѣ извѣстно, что онъ знаетъ многіе славянскіе языки и читаетъ по-русски. Снегиревъ говорилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ, что переслалъ къ нему всѣ свои пословицы и народные праздники, кажется, черезъ Погодина. Такъ какъ зять Кёнига ему близкій родня, то я и просилъ его узнать отъ Гримма, получилъ ли онъ упомянутыя книги, а вмѣстѣ предложилъ доставлять тѣ изъ русскихъ книгъ, которыя ему будутъ нужны. Онъ въ отвѣтѣ благодаритъ меня за вызовъ, говоритъ, что славянскими книгами снабжаютъ его Шафарикъ, Копитаръ, недавно вызвался Куторга изъ Петербурга, но книгъ черезъ Погодина или другого кого онъ не получалъ. Я перешлю тебѣ письмо Гримма въ Мюнхенъ и буду просить показать его московскимъ археологамъ, которымъ предлагаю доставлять книги для Гримма въ Ганау на имя Кёнига: этотъ, черезъ своего зятя, будетъ пересылать по принадлежности».

Итакъ, вотъ одинъ изъ путей, которымъ великій нѣмецкій филологъ знакомился съ результатами русскихъ работъ по изученію старины и народности. Въ томъ сравнительно тяжеломъ положеніи, въ какомъ Гриммъ былъ тогда, любезность русскаго «благороднаго» литератора, безъ сомнѣнія, была очень ему пріятна [1]).

---

[1]) Въ Ганау около этого времени Мельгуновъ написалъ большую и обстоятельную статью о своемъ старинномъ пріятелѣ, подъ заглавіемъ: «Глинка и его музыкальныя произведенія», которую А. Струговщиковъ напечаталъ въ «Русск. Старинѣ» за 1874 г. (IX, 713–725) вмѣстѣ съ письмомъ Мельгунова Глинкѣ,

Черезъ полтора мѣсяца 14-го (28-го) (sic) апрѣля Мельгуновъ пишетъ все еще изъ Ганау Шевыреву. «Проѣзжая здѣсь съ наслѣдникомъ, Жуковскій остановился на нѣсколько часовъ для Рейтерна. своего пріятеля (и) былъ такъ добръ, что навѣстилъ меня больного; я уже былъ въ состояніи выходить, былъ также у него и узналъ кое-что о матушкѣ-Россіи, да о сироткѣ литературѣ русской. Конечный результатъ о послѣдней весьма не утѣшителенъ. Наканунѣ пріѣзда наслѣдника попалась мнѣ въ руки брошюра Греча противъ меня. Читалъ ли ты ее и что ты на это скажешь? Я никогда не былъ высокаго мнѣнія о Гречѣ, но никакъ не думалъ, чтобъ онъ могъ быть подлецомъ до такой степени. Я отвѣчалъ кротко въ «Allg. Zeitung» (кажется № 112) въ объявленіяхъ; Кёнигъ хочетъ писать подробнѣе. Я показывалъ брошюру Жуковскому, онъ тоже въ негодованіи: Фарнгагенъ пишетъ ко мнѣ въ томъ же духѣ; онъ помѣстилъ въ «Elegante» нѣсколько словъ о ней рѣзкихъ. но справедливыхъ. Б. Розенъ пишетъ Жуковскому (который мнѣ показывалъ письмо его), что собирается также съ своей стороны отвѣчать Гречу по-нѣмецки, ибо думаетъ. что по его положенію, голосъ будетъ имѣть вѣсъ въ Германіи. Все это показываетъ, что благородные (курсивъ въ оригиналѣ) за меня, и мнѣ, какъ кажется, этого печатнаго доноса бояться нечего».

Брошюра, о которой здѣсь идетъ рѣчь, носитъ заглавіе: H. Königs Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt von N. Gretsch. Aus russischen uebersetzt von W. v. O., (1840 г., 76 стр.) [1]). Издана она очень изящно, написана довольно ловко и краснорѣчиво, переведена хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ, но названія печатнаго доноса заслуживаетъ вполнѣ. Начинаетъ авторъ съ того, что, прочитавъ книгу Кёнига, онъ вознамѣрился отвѣчать на нее немедленно и изготовилъ статью, но знакомый его, переведшій ее на нѣмецкій языкъ, довелъ до его свѣдѣнія, что ни одинъ изъ извѣстныхъ (von Ruf) нѣмецкихъ журналовъ не рѣшится выс-

гдѣ авторъ указываетъ необходимость рекламы, рекомендуетъ другу устроить статью въ какой-нибудь распространенной газетѣ, хотя бы въ «Сѣверной Пчелѣ», но безъ его имени; о себѣ же сообщаетъ, что онъ съ прошлаго іюля боленъ и живетъ въ Ганау.

А. Струговщиковъ увѣряетъ (стр. 724) будто кончина Мельгунова послѣдовала «почти вслѣдъ за присланной имъ статьей о Глинкѣ» (!?).

[1]) Экземпляръ ея нашелся въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ концѣ ея въ 25 строкахъ петита Гречъ перечисляетъ всѣ свои изданія и титулы, до члена фармацевтическаго общества въ Петербургѣ, но за исключеніемъ статскаго совѣтника.

казаться противъ книги, написанной въ духѣ молодой Германіи (стр. 2).

Чтобы понять всю соль этого сообщенія, надо имѣть въ виду, что брошюра напечатана въ Берлинѣ, а извѣстно, какой симпатіей прусскаго и русскаго правительствъ пользовалась тогда «молодая Германія».

Далѣе Гречъ разсказываетъ, какъ книжку похвалили въ «Современникѣ» и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», издатели которыхъ, вѣроятно, не читали ея, и приводитъ почти полностью умышленно небрежную и довольно ядовитую рецензію «Сѣверной Пчелы», написанную тогдашнимъ ея сотрудникомъ Полевымъ [1]) Далѣе онъ приводитъ съ такою же обстоятельностью отзывъ предполагаемаго П. Иванова въ газетѣ «Hamb. Correspondent» и вкратцѣ статью въ «Freihafen» (см. выше). Въ заключеніе этого введенія онъ обрушивается на «Исторію одной книги» Мельгунова, причемъ довольно ловко пользуется его недомолвками [2]), хвастается, что тотъ самъ только теперь указалъ на его—Гречеву Исторію русской литературы, какъ на источникъ для Кёнига, и, въ противность всѣмъ литературнымъ приличіямъ, называетъ его полуграмотнымъ писакой, который набросился на русскихъ писателей, раздраженный малымъ вниманіемъ русской публики къ его жалкимъ произведеніямъ [3]).

Предупреждая недоумѣніе читателей, зачѣмъ отвѣчать такому «писакѣ», Гречъ объясняетъ, что книжкѣ Кёнига, къ несчастью, повѣрили за границей и въ новомъ Conversations Lexicon'ѣ характеристика Булгарина основана «nach Königs Worten u Melgunows Angaben wie namentlich darin erklärt wird. Торжественно заявивъ, что все путное въ книгѣ Кёнига-Мельгунова взято изъ его Исторіи литературы, Гречъ раздѣляетъ вздоръ и ложь ея на 3 отдѣла: 1) безвредная ложь; 2) возвеличеніе плохихъ писателей и униженіе лучшихъ и 3) оскорбительная ложь и клевета. Въ отдѣлѣ первомъ Гречъ къ указаніямъ на мелкія неточности и недомолвки Кё-

---

[1]) Von dem damaligen Mitarbeiter derselben Polewoy (стр. 3.) Ловкій боковой ударъ, поражающій сразу двоихъ: Мельгунова, который не зная, кто такой А. А., отдавалъ предпочтеніе критику «Сына Отечества» за его приличный тонъ, и Полевого, который такимъ образомъ выставлялся подъ удары друзей Мельгунова.

[2]) Но любопытно, что онъ не понялъ самаго лучшаго мѣста у Мельгунова и снова повторяетъ, что тотъ оскорбилъ людей, die ihm nicht das Geringste zu Leide gethan haben (стр. 15).

[3]) Стр. 18. ein halbgeschulter Scribar, aus Verdruss ueber den Mangel an Theilnahme, den das russ. Publikum seinen erbärmlichen Sudeleien schenkt.

нига и къ своимъ личнымъ мнѣніямъ (напримѣръ, что Полтава одно изъ слабѣйшихъ произведеній Пушкина, что Дельвига нельзя и поминать рядомъ съ его великимъ другомъ и проч.), съ ловкостью, достойной лучшаго дѣла, примѣшиваетъ весьма прозрачные намеки на политическую неблагонадежность авторовъ (при чемъ, конечно, себя самого выставляетъ горячо убѣжденнымъ защитникомъ «основъ»). Такъ, напримѣръ, приведя ихъ мнѣніе, что Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» не выказалъ пониманія великихъ интересовъ эпохи, Гречъ говоритъ (стр. 26): «онъ понималъ событія вполнѣ, а только не пѣлъ Карманьолы и не надѣвалъ красной шапки». Или, напримѣръ, авторы утверждаютъ, что Кукольникъ за свою трагедію «Рука Всевышняго отечество спасла» получилъ доходное мѣсто, и вообще не разъ даютъ понять, что русское правительство награждаетъ писателей за патріотизмъ; но Гречъ считаетъ своимъ долгомъ увѣрить иностранную публику, что патріотизмъ русскихъ писателей свободенъ отъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ и есть черта ихъ сердца, а правительство скорѣй даже ставитъ преграды въ этомъ отношеніи. Такъ всѣ похвалы царствующему императору безжалостно (mitleidslos) вычеркиваются цензурой, и «мы, издатели газетъ, съ величайшимъ трудомъ получаемъ позволеніе сказать объ немъ сердечное слово. Это фактъ, всему свѣту извѣстный фактъ!» [1]).

Второй отдѣлъ въ книжкѣ Греча самый краткій, такъ какъ онъ не желаетъ уподобиться своимъ противникамъ и унижать русскихъ, хотя бы и плохихъ писателей, передъ иностранцами (онъ только намекаетъ на московскихъ философовъ и псевдо-историческихъ поэтовъ); онъ ограничивается краткимъ перечисленіемъ всѣхъ на Руси извѣстныхъ писателей, которыхъ книга Мельгунова-Кёнига обходитъ несправедливымъ молчаніемъ: это —Петровъ, Аблесимовъ, митрополитъ Евгеній, Востоковъ, Костровъ и т. д. до «милаго новеллиста Ушакова» и «народносолдатскаго писателя Скобелева». Но особенно виноваты авторы книги тѣмъ, что они не видятъ, какой «могучій импульсъ къ духовному и нравственному прогрессу получила Россія съ начала нынѣшняго царствованія» (стр. 40). Какъ бы пользуясь случаемъ хвалить правительство безъ стѣсненія со стороны цензуры, Гречъ перечисляетъ всѣхъ помощниковъ императора, въ то время живыхъ и вліятельныхъ.

---

[1]) Das ist Thatsache, eine der ganzen Welt bekannte Thatsache (стр. 33).

Послѣдній отдѣлъ, естественно, самый обширный и сильный. Гречъ начинаетъ его ехиднымъ заявленіемъ, что, по его мнѣнію, многія и наиболѣе ужасныя изъ клеветъ принадлежатъ не Мельгунову: «русскій, какъ бы онъ ни былъ низокъ и глупъ, не въ состояніи сказать того, что напечатано въ книгѣ Кёнига» (42): «рука у него не поднимется» (43). Образцы: 1) «Проповѣди Филарета одно время были запрещены»; 2) «здоровье Ломоносова и Петра Великаго пострадало отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ»; 3) «Екатерина II была несправедлива къ Радищеву» и пр., и пр. Особенно ожесточенно возстаетъ онъ противъ признанія Рылѣева поэтомъ-гражданиномъ (хорошъ гражданинъ, восклицаетъ онъ, который и т. д.; у насъ хорошихъ гражданъ не вѣшаютъ), противъ предположенія, что Пушкинъ въ 1826 году ожидалъ себѣ ссылки въ Сибирь (кого у насъ безъ суда отправляли въ Сибирь?) и противъ мнѣнія Мельгунова (см. выше), что стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «На взятіе Варшавы» повредили Пушкину въ общественномъ мнѣніи.

Послѣдняя треть книги (стр. 52—76), представляющая немалый—конечно, условный—историко-литературный интересъ, посвящена самозащитѣ, вѣрнѣе, самовосхваленію Греча и восхваленію Булгарина [1]). Кёнигъ не замедлилъ печатнымъ отвѣтомъ Гречу. Въ томъ же 1840 г. явилась въ Ганау [2]) его книжка подъ заглавіемъ: N. Gretsch und die russische Literatur in Deutschland. Отвѣтъ написанъ опытнымъ и умнымъ литераторомъ легко и остроумно. Авторъ отъ начала до конца, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ, выдерживаетъ шутливый [3]), будто бы добродушный, но на самомъ дѣлѣ очень язвительный тонъ, показывающій, что онъ смотритъ на Греча сверху внизъ, какъ на человѣка, у котораго послѣ заслуженной трепки разыгралась желчь чуть не до потери сознанія. Какъ дважды два четыре, Кёнигъ доказываетъ Гречу, что къ «молодой Германіи» ни онъ, Кёнигъ, ни книга не имѣютъ ни малѣйшаго

---

[1]) Ненависть Мельгунова къ редакторамъ «Сѣверной Пчелы» и Сенковскому Гречъ объясняетъ очень характерно—завистью къ барышамъ журналистовъ (стр. 53).

[2]) Verlag von Friedrich König, 60 стр., экземпляръ ея оказался въ Румянцевскомъ музеѣ въ одномъ переплетѣ съ «Исторіей одной книги».

[3]) Нерѣдка встрѣчаются шутки и довольно сомнительнаго достоинства, напримѣръ, надъ фамиліей Gretsch, гдѣ 6 безгласныхъ приходится на одну гласную, надъ толстой палкой Загоскина, передъ которой «не знаю, изъ какого инстинкта» благоговѣетъ г. Гречъ и пр. Кёнигъ называетъ противника обыкновенно Herr Staatsrath, иногда der gute Gretsch, одинъ разъ фарисей Гречъ.

отношенія, и если журналы отказались принять возраженіе Греча, то, конечно, не изъ страха молодой Германіи, а изъ нежеланія имѣть съ нимъ, Гречемъ, дѣло; потому и ни одинъ книгопродавецъ не взялся самъ напечатать его брошюру, и на ней стоитъ нелестная надпись: in Commission. Чтобы окончательно уронить своего противника въ глазахъ нѣмецкой публики, Кёнигъ прибѣгаетъ къ такому способу: подъ предлогомъ ближе познакомить читателей съ личностью Греча, онъ будто бы черезъ посредство одного молодого нѣмца, изучившаго русскій языкъ [1]) дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ недавно вышедшей книги Греча «Reisebriefen» (Путевыя письма) и сопостовляетъ ихъ съ его брошюрой. Кёнигъ острить надъ его самовосхваленіемъ, надъ его ненавистью къ нѣмецкой философіи, выписываетъ его бранный отзывъ о нѣмецкой литературѣ, особенно о Жанъ Полѣ Рихтерѣ, и характеризуетъ его, на основаніи его же собственныхъ словъ, какъ человѣка, который все на свѣтѣ переводитъ на рубли. Отвѣчая на обвиненія Греча, онъ говоритъ, что книгой его онъ, дѣйствительно, пользовался, но только кое-гдѣ для годовъ и формулярныхъ списковъ писателей, признаетъ свои и Мельгуновскіе недосмотры въ ничтожныхъ мелочахъ и ловко парируетъ всѣ придирки Греча; что касается пропусковъ, за которые его упрекаетъ Гречъ, онъ ссылается на названіе книги: Bilder и обѣщаетъ помянуть всѣхъ великихъ людей царствованія Николая I, когда будетъ писать исторію русской цивилизаціи; тутъ войдетъ и исторія русской полиціи, предметъ особенно дорогой сердцу гг. Греча и Булгарина (стр. 38).

Насмѣшливо - презрительный тонъ Кёнига измѣняется только тамъ, гдѣ онъ доказываетъ, что книжка Греча по существу есть не что иное, какъ рядъ инсинуацій, скрытый доносъ, цѣль котораго подвести подъ отвѣтственность ни въ чемъ неповиннаго (напротивъ, принесшаго своему отечеству пользу и честь) благороднаго человѣка, не его, Кёнига: онъ не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого дѣла съ русскимъ правительствомъ, — а русскаго подданнаго Мельгунова. Авторъ мастерски обнаруживаетъ всѣ передержки, которыя позволилъ себѣ Гречъ съ этимъ благороднымъ намѣреніемъ, приводитъ независимыя, но сочувственныя правительству и патріотическія мнѣнія Мельгунова, которыя Гречъ прошелъ умышленнымъ

---

[1]) **Вѣроятно, этотъ нѣмецъ—тотъ же Мельгуновъ.**

молчаніемъ, и беретъ на себя тѣ мнѣнія Мельгунова, въ которыхъ не можетъ оправдать его другимъ способомъ (такъ, на стр. 54. мнѣніе о стихотвореніяхъ Пушкина противъ поляковъ). Для нѣмецкой публики Кёнигъ объясняетъ сущность дѣла такимъ образомъ: въ русской литературѣ теперь два направленія или точнѣе одно благородное направленіе и одна пошлая клика [1]); послѣднюю составляютъ популярные журналисты, которые въ Россіи не могутъ быть независимы и должны подольщаться и къ правительству и къ толпѣ; типичными представителями этой клики являются Гречъ и Булгаринъ. Кёнигъ кончаетъ свой отвѣтъ выпиской изъ книги Греча (Письмо II, 128—129), гдѣ тотъ передъ С. Бёвомъ защищаетъ русскую цензуру и доказываетъ, что только «она даетъ русской литературѣ характеръ благородства, приличія, скромности». Не слѣдовало, полагаетъ Кёнигъ, старому Гречу, столь долго и часто испытывавшему на себѣ это благодѣтельное вліяніе, обращаться къ свободной нѣмецкой печати [2]). Гречъ въ концѣ концовъ не достигъ своей политической цѣли; Мельгуновъ, повидимому, никогда не подвергался правительственному преслѣдованію ни за книгу Кёнига и ни за что другое; но, какъ увидимъ ниже, Гречъ и Булгаринъ съумѣли навсегда излѣчить впечатлительнаго Мельгунова если не отъ любви къ русской литературѣ, то отъ стремленія имѣть литературное имя.

Въ іюнѣ того же 1840 года Мельгуновъ въ Мюнхенѣ видѣлся съ Шевыревымъ, потомъ лѣчился въ Гастейнѣ (неудачно) и затѣмъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ прожилъ больше года, отчасти хворая, отчасти занимаясь нѣмецкой литературой, философіей и музыкой. Онъ имѣетъ въ виду работать для «Москвитянина», но скоро не обѣщаетъ ничего: у него отвращеніе къ журналистикѣ. Онъ познакомился здѣсь съ Цейдлицемъ, авторомъ «Ночного смотра». на-

[1]) Eine gemeine Clique стр. 41; ср. выше, что Мельгуновъ говоритъ о литераторахъ и промышленникахъ; только Кёнигъ выражается откровеннѣе.

[2]) Изъ письма Мельгунова къ Шевыреву отъ 5-го (17-го) октября 1840 г. (о немъ см. ниже) видно, что Гречъ издалъ въ отвѣтъ Кёнигу вторую брошюру и Мельгуновъ уже сочинилъ ему отвѣтъ, гдѣ намѣревался доказать, что Гречъ есть ein Schuft. Но этой брошюры Греча я не могъ отыскать; а Мельгуновъ, повидимому, своей брошюры не дописалъ, да и хорошо сдѣлалъ: инцидентъ былъ исчерпанъ.

дѣется познакомиться съ Ленау, Грильпарцеромъ и Бауэрнфельдомъ и др. (письмо къ Шевыреву отъ 5-го (17) октября [1]).

Въ январѣ 1831 года Мельгуновъ пишетъ сразу нѣсколько вещей для «Москвитянина»; но онъ усердно проситъ Шевырева нигдѣ не ставить его имени: еслибъ онъ былъ записнымъ литераторомъ и могъ надѣяться извлечь русскую литературу «изъ грязи навоза», тогда другое дѣло, а теперь зачѣмъ портить себѣ кровь? Изъ этого же письма (отъ 1-го января) мы узнаемъ фамилію той особы, которой Мельгуновъ тайно отъ отца [2]) посылаетъ деньги теперь въ Фатежъ (обыкновенно онъ называетъ ее просто Катей); высылается ей по 800 рублей (въ годъ или въ полгода — неизвѣстно); повидимому, она женщина нѣсколько образованная: Мельгуновъ проситъ выслать ей журналъ съ картинками, а съ 1844 года онъ же подписывается для нея и на «Отечественныя Записки».

Осень и зиму 1841 г. и начало 1842 г. Мельгуновъ проводитъ въ Италіи, главнымъ образомъ во Флоренціи; онъ усердно учится по-италіански. читаетъ Тассо, но еще усерднѣе занимается музыкой и даже композиторствомъ; онъ пишетъ Шевыреву (11-го ноября). что «сочинилъ на-дняхъ новый вальсъ, который напѣваютъ даже италіанцы, его слышавшіе».

Возвратился Мельгуновъ въ Россію черезъ любезную его сердцу

---

[1]) Изъ послѣдующаго видно, что съ Ленау онъ, дѣйствительно, познакомился и даже подружился. Въ этомъ же письмѣ отъ 5-го (17) октября, Мельгуновъ сообщаетъ, между прочимъ, какъ новость: «Жуковскій женился на старшей дочери Рейтерна, нашего художника въ Дюссельдорфѣ. Она ростомъ съ Иванъ Великій (sic) и не хороша собой, но sehr gemüthlich. Жуковскій ist ueberglücklich, какъ онъ пишетъ Коппу» (д-ръ въ Ганау, лѣчившій Мельгунова, пріятель Жуковскаго).

[2]) Отецъ его жилъ еще въ 1841 году; онъ очень добръ и щедръ къ сыну. и тотъ самъ безпокоится, не изъ капитала ли высылаются ему деньги? (къ январю 9.000 руб.). Что касается до отношеній Мельгунова къ «Катѣ» (фамилію ея, вовсе не историческую, приводить считаемъ излишнимъ), Мельгуновъ поясняетъ ихъ въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву безъ даты такимъ образомъ: «Это страшный мнѣ урокъ, который доказываетъ, какъ опасно шутить сердцемъ женщины. Правда. я не шутилъ имъ, и самъ былъ ослѣпленъ, но это ослѣпленіе было безъ истинной любви, и оно во мнѣ прошло, въ ней же осталось». Онъ не былъ соблазнителемъ, но несетъ всю тяжесть поступка. Уже около 10 лѣтъ онъ не имѣетъ покоя съ одной стороны отъ отца, «котораго никакъ не могу увѣрить, что во мнѣ нѣтъ любви, но одно чувство состраданія», съ другой—отъ ея слезъ и страданій.

Германію, гдѣ, повидимому, останавливался на довольно продолжительное время въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ Берлинѣ, оттуда онъ привезъ москвичамъ извѣстіе о побѣдѣ Шеллинга надъ Гегелемъ [1]). Лѣтомъ 1842 г. онъ уже въ Россіи; Шевыревъ пишетъ о немъ А. В. Веневитинову [2]). «Мельгуновъ поѣхалъ по деревнямъ своимъ. Онъ сталъ молодцомъ хоть куда. Въ сентябрѣ вы увидите его проѣздомъ».

Очевидно, Мельгуновъ опять собирался ѣхать за границу, но намѣренія своего почему то не исполнилъ и, повидимому, надолго остался въ Москвѣ. Мы имѣемъ документальныя свидѣтельства, что онъ былъ въ Москвѣ и въ началѣ 1843 года и въ самомъ концѣ его [3]): 10-го января у Павлова обѣдали Шевыревъ, Погодинъ и Мельгуновъ и послѣ обѣда написали А. В. Веневитинову поздравительное «соборное посланіе» [4]), а 4-го декабря Шевыревъ и Мельгуновъ въ присутствіи Павлова имѣли ожесточенный диспутъ (при чемъ Павловъ былъ на сторонѣ Мельгунова, но, по увѣренію послѣдняго, больше вредилъ ему, чѣмъ помогалъ) о важнѣйшихъ вопросахъ философіи, религіи и исторіи, во время котораго Мельгуновъ старался высказать свои убѣжденія, результаты его заграничныхъ штудій и размышленій; но, не умѣя на словахъ отстаивать свои мысли, онъ невольно впадалъ въ парадоксы. На другой день Мельгуновъ пишетъ Шевыреву длинное письмо, заключающее его profession de foi. Оно интересно во многихъ отношеніяхъ, и мы позволяемъ себѣ привести его почти цѣликомъ (исключивъ только личное введеніе). Вотъ что пишетъ Мельгуновъ:

«Моя точка отправленія есть опытъ и разумъ. Одинъ — представляетъ намъ данныя, другой—познаетъ ихъ, уразумѣваетъ ихъ значеніе. Изъ чистаго разума, безъ опыта, построить вселенной невозможно; но и безъ разума невозможно вселенную себѣ присвоить. Одно разумное убѣжденіе есть истинное; но чтобъ это истинное проникло внутрь, въ душу, для того нуженъ больше

---

1) См. Барсуковъ, о. с. VI, 292.

2) Архивъ М. А. Веневитинова.

3) Лѣтомъ Мельгуновъ, кажется, съѣздилъ не надолго за границу и былъ въ Готтенбургѣ въ южной Швеціи (см. его статью въ «Отеч. Зап.» 1859 г., сент., стр. 177—194 «Народности въ исторіи»); говоримъ: кажется потому, что не имѣемъ никакихъ другихъ указаній на это путешествіе.

4) Архивъ М. А. Веневитинова.

чѣмъ разумъ, нужна любовь. Мы можемъ убѣдиться только въ томъ, что мы признаемъ разумнымъ; что противорѣчитъ нашему разуму, то не можетъ перейти во внутреннее убѣжденіе, то можетъ развѣ только остаться на степени вѣры. А чтобъ разумно убѣдиться, для того нужно отрѣшить отъ себя, сколько возможно человѣку, все произвольное, все субъективное, какъ говорятъ нѣмцы. Чисто разумное есть чисто объективное; истинное то, что есть. Вотъ моя точка отправленія, и отсюда — метода. Моя система — историческая; основа — сущее; но это сущее должно быть усвоено разумно. Разумъ, и одинъ разумъ, долженъ рѣшить, на что и почему.

«Мое послѣднее слово выражается въ эпиграфѣ, которой я намѣренъ дать своему труду: да пріидетъ царствіе Твое! Это требуетъ, однако, поясненія. Христіанство, какъ религія, есть союзъ людей съ Богомъ; но христіанство есть явленіе историческое, совершившееся во времени и пространствѣ, черезъ людей, стало, прошедшее сквозь человѣческій процессъ, каково бы впрочемъ ни было его происхожденіе. Какъ таковое, оно было противодѣйствіемъ, реакціей божественнаго духа противъ крайностей человѣческой природы, чувственности. Въ этомъ историческомъ его положеніи и заключается его односторонность. Христіанство утвердило союзъ Бога съ человѣкомъ; но оно, въ своихъ крайностяхъ (ибо, какъ всякое явленіе, оно также имѣло свои крайности) не только поставило Бога надъ человѣкомъ, но оно почти совсѣмъ вычеркнуло человѣка, сдѣлало его однимъ сосудомъ, пассивнымъ орудіемъ высшей, внѣшней власти. Человѣкъ палъ не черезъ себя, не собственной силой, а черезъ внушеніе сатаны; человѣкъ могъ и возстать лишь черезъ Искупителя; въ немъ же самомъ не было на то ни силы, ни возможности. Такое вѣрованіе положило печать свою на всѣ средніе вѣка, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Человѣкъ смирился и уничтожился передъ Богомъ, такъ что всѣ самобытныя проявленія человѣческаго духа на Западѣ, котораго силы были переполнены и ничѣмъ не могли быть сдержаны, проявленія, прославившія Западъ, суть не иное что, какъ возстаніе титановъ, гордая, инстинктивная протестація въ пользу правъ человѣка (въ выноскѣ: Россія была вполнѣ страна смиренная, гдѣ человѣкъ уничтожался передъ невидимымъ Богомъ и ви-

димымъ царемъ и не смѣлъ протестовать въ свою пользу). Эта протестація олицетворилась, наконецъ, въ Лютерѣ, который выразилъ мысль человѣчества и положилъ основаніе эмансипаціи человѣка. Съ этихъ поръ начался новый періодъ, періодъ необходимый, хотя также въ свою очередь односторонній и дошедшій въ наше время до своей крайности. Протестантизмъ повторилъ опредѣленіе религіи, какъ связь человѣка съ Богомъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, признавъ крайность католическаго (западнаго и восточнаго) направленія, провозгласилъ самобытность человѣка, его Ebenbürtigkeit. Человѣкъ пересталъ быть пассивнымъ орудіемъ Бога; онъ, кромѣ Бога внѣ себя, призналъ также Бога и въ самомъ себѣ; онъ, сначала темно, потомъ гласно, сказалъ себѣ, что и въ немъ есть сила, столь же божественная, которой одной онъ можетъ возстать и совершенствоваться; что христіанство не выразило ничего такого, что бы искони не таилось уже и въ душѣ человѣка; что стало, это есть явленіе не с в е р х ъ-естественное, но человѣческое; что это, словомъ, проявленіе его собственнаго духа. На такомъ пути, въ основаніи истинномъ, но одностороннемъ, онъ долженъ былъ неизбѣжно дойти до той крайности, что отвергнулъ вовсе и Бога и религію, и что и высшее и низшее онъ заключилъ въ одномъ и томъ же—въ самомъ себѣ. Въ первомъ періодѣ христіанства Богъ былъ все, человѣкъ — ничто; теперь другая крайность — человѣкъ есть все, Богъ - ничего, или иначе, человѣкъ и Богъ есть одно и тоже. Ощутительно, что д о л ж е н ъ, и скоро, наступить новый періодъ, гдѣ связь Бога, какъ высшаго, съ человѣкомъ, какъ съ низшимъ, опять заключится, но уже на болѣе справедливомъ, всестороннемъ основаніи, для чего протестантскій періодъ, до сихъ поръ еще продолжающійся, былъ необходимъ. Онъ необходимъ, какъ ж и в о е доказательство и сознаніе с в о б о д ы человѣка, не пассивности, но самобытности его въ предѣлахъ Богомъ ему данной и разумомъ, этимъ намѣстникомъ Божіимъ, управляемой свободы. Вотъ почему с в о б о д а есть кличъ новаго міра, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода дѣйствія. Нашъ вѣкъ приготовляется къ великому обѣтованію—ц а р с т в і я Б о ж і я н а з е м л и. Вотъ откуда и его стремленіе къ благамъ міра сего, къ промышленности, къ комфорту, и пр. Но на этомъ чисто человѣческомъ пути міръ остаться не можетъ и не останется. Онъ вспомнитъ о высшемъ н а д ъ-человѣческомъ началѣ, о Богѣ живомъ; но не смирится передъ нимъ въ

прахъ, какъ рабъ, а подыметъ смѣло, хоть и почтительно, свою голову, какъ сынъ, какъ подобіе Божіе, подобіе потому, что онъ, также же, какъ и Богъ свободенъ. Онъ оснуетъ и довершитъ civitas Dei, которому положилъ уже на Западѣ столь широкое основаніе; и когда союзъ человѣка съ Богомъ, уже не тамъ только, но и здѣсь, возстановится и утвердится, тогда наступитъ послѣдній высшій періодъ человѣчества, періодъ любви, любви другъ друга въ Богѣ, любви истинной, полной, ибо разумной и свободной.

«Вотъ мое послѣднее слово. Все это представлено мною догматически, для краткости. Въ сочиненіи своемъ я разовью эту мысль и исторически, и раціонально, утверждая опытъ разумомъ и подкрѣпляя разумъ опытомъ».

Читателя этого письма не можетъ не поразить сходство (не тождество) какъ основной идеи, такъ и многихъ частныхъ мыслей Мельгунова съ знаменитыми Философскими письмами Чаадаева въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ихъ по изданію Гагарина [1]); а между тѣмъ у насъ нѣтъ никакого основанія предположить, чтобы Мельгуновъ былъ ученикомъ Чаадаева, тѣмъ болѣе, что конечные выводы, къ которымъ приходятъ они, различны (хотя и не противуположны; въ общемъ, in crudo, можетъ быть, можно составить непрерывную пропорцію изъ религіозно историческихъ взглядовъ Хомякова, Чаадаева и Мельгунова, въ которой послѣдній окажется среднимъ геометрическимъ количествомъ). Мы видѣли выше, что Мельгуновъ былъ еще въ юности хорошо знакомъ съ Чаадаевымъ; это знакомство продолжалось и много лѣтъ спустя [2]); но отношенія ихъ никогда не были особенно близки, и Мельгуновъ позволялъ себѣ подсмѣиваться надъ слишкомъ торжественными маневрами Чаадаева [3]). Вліяніе Чаадаева и Хомякова на Мельгунова допустить необходимо, но оно ограничивается возбужденіемъ вопросовъ, которые

---

[1]) Изъ частностей отмѣтимъ положенный въ основу текстъ: да пріидетъ царствіе Твое — у Чаадаева: adveniat regnum Tuum и взлядъ на смиренную вѣру древней Руси.

[2]) Въ письмѣ безъ даты, но несомнѣнно, отъ конца 40-хъ или начала 50-хъ годовъ, Мельгуновъ пишетъ Шевыреву: «Я думалъ встрѣтить тебя вчера у Чаадаева»; есть и еще нѣсколько подобныхъ указаній.

[3]) Мы видѣли выше, что на патріотическія пьесы Пушкина 1831 г. Чаадаевъ и Мельгуновъ смотрѣли разными глазами.

впрочемъ, помимо московскихъ философовъ, были поставлены самою жизнью, а къ рѣшенію ихъ Мельгуновъ шелъ самостоятельнымъ путемъ; мѣстами онъ ближе подходилъ къ Чаадаеву потому, что оба они были въ нѣкоторой зависимости отъ знаменитаго европейскаго учителя—Шеллинга.

Вышеприведенное письмо есть только программа будущаго сочиненія Мельгунова; нужно ли прибавлять, что это сочиненіе такъ же мало имѣло шансовъ появиться на свѣтъ Божій, какъ и книга Тентетникова о Россіи? [1]).

За то Мельгуновъ снабжалъ журналъ друзей своихъ «Москвитянинъ» очень мило написанными повѣстями, подъ которыми подписывался Н. Л—скій (т. е. Ливенскій). Въ № 1-мъ за 1844 г. напечатанъ его разсказъ «Живая и мертвая вода»; дѣйствіе въ немъ происходитъ на водахъ въ Германіи, курорты которой описаны съ большимъ знаніемъ предмета и въ то же время остроумно и живо. Герой разсказа, англичанинъ сэръ Томасъ, недурно отдѣланный типъ британскаго джентельмена, прямого, честнаго, храбраго, но до крайности неловкаго вслѣдствіе своей прямолинейности.

Въ № 3-мъ за тотъ же годъ опять повѣсть Н. Л — скаго подъ названіемъ «Систематикъ», начинающаяся такъ: «Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ...

— Помилуйте, что за классическое начало!

— Ну, если угодно: въ одинъ изъ тѣхъ бурныхъ осеннихъ вечеровъ, когда...

— А это ужъ слишкомъ романтично [2]).

Все бѣда; какъ же быть? Вотъ третье начало: вечеромъ, когда на дворѣ не то, чтобъ было хорошо и не то, чтобъ дурно...

— Ну вотъ это новое.

— Очень радъ. И такъ...»

Дѣйствіе и здѣсь происходитъ въ Германіи; герой—вегетеріанецъ (въ то время весьма рѣдкое явленіе), «травоядный адвокатъ» (какъ называетъ его авторъ), доказывающій что мы не имѣемъ права на жизнь животныхъ. Сюжетъ довольно наивенъ: услыхавъ о красивой

---

[1]) Очень характерно восклицаніе Мельгунова въ письмѣ къ Погодину лѣтомъ 1844 г. (Барсуковъ, VII, 386—388): «Ахъ, коли-бъ поскорѣй написалось мое сочиненіе!»

[2]) Еще одно любопытное и возможное толкованіе классицизма и романтизма.

дѣвушкѣ, которая не ѣстъ ни рыбы, ни мяса, вегетеріанецъ немедленно дѣлаетъ ей предложеніе; нѣкоторое время травоядная чета наслаждается счастіемъ. Но вотъ жена забеременѣла, и ей страстно захотѣлось селедки. Желаніе ея было удовлетворено, но когда она, для поддержанія упавшихъ силъ, стала употреблять бульонъ, систематикъ, не смотря на сильную любовь къ ней, разстался съ нею и снова остался одинокимъ на свѣтѣ.

Въ № 5-мъ за тотъ же годъ [1]) напечатанъ отрывокъ изъ историческаго романа Мельгунова «Тьма и свѣтъ», въ которомъ интереснѣй всего выноска, замѣняющая предисловіе. Вотъ она полностію:

«Въ этомъ романѣ, изъ котораго здѣсь предлагается начало, авторъ намѣренъ былъ изложить, подъ вымышленнымъ именемъ, внутреннюю біографію одного невымышленнаго лица, внутренній процессъ человѣка, увлекшагося сначала своелюбивой мечтой о славѣ, о почестяхъ, объ эгоизмѣ семейнаго счастія, безъ истинной и безкорыстной любви къ наукѣ, къ семейству, къ гражданской дѣятельности. За этимъ хаотическимъ періодомъ жизни героя, гдѣ онъ весь терялся во внѣшности, — рядъ тяжкихъ ударовъ судьбы, приведенныхъ (sic) не случайностью, а внутренней необходимостью, перебросилъ его изъ блестящаго, шумносуетливаго Петербурга въ тихую, болѣе въ себя углубленную Москву, этотъ разсадникъ и это мѣсто отдыха для людей, увлекаемыхъ первымъ въ его головокружный водоротъ. Тутъ герой встрѣтился съ Новиковымъ, съ молодымъ Карамзинымъ, узналъ Платона; и слѣдствіемъ новыхъ знакомствъ и отношеній было постепенное преображеніе его духа, сосредоточеніе въ самомъ себѣ, посвященіе себя въ таинства внутренняго міра. Теперь-то помирился онъ и съ наукой, и съ семейной жизнію, и съ дѣятельностью общественной, потому что теперь только полюбилъ онъ все это безъ эгоизма, безъ задней мысли, изъ любви не къ своему ограниченному *я*, а къ высшимъ интересамъ, къ цѣлямъ великодушнымъ и безкорыстнымъ».

Напечатанныя главы—всѣ изъ первой части. Дѣйствіе происходитъ въ 1775 г.; герой, молодой человѣкъ Солинъ, отличный математикъ, нашелъ, какъ онъ думаетъ, формулу квадратуры круга и

[1]) Очевидно, повѣсти, уже давно написанныя, были сданы всѣ сразу; но редакція помѣщала ихъ черезъ нумеръ ради разнообразія состава.

несетъ свое открытіе на судъ слѣпому Л. П. Эйлеру, который въ романѣ представленъ идеальнымъ человѣкомъ и ученымъ. Эйлеръ не сразу, но нашелъ ошибку въ вычисленіяхъ Солнна. Самолюбивый юноша съ отчаянія заболѣваетъ горячкой, потомъ сходитъ съ ума. Эйлеръ беретъ его изъ больницы и помѣщаетъ къ своему другу доктору-швейцарцу, который излечиваетъ его музыкой и т. д.

Видно, что авторъ серьезно подготовлялся къ своему роману, изучилъ біографію и труды Эйлера и пересмотрѣлъ массу математическихъ книгъ. Въ романѣ проявляется умъ и мѣстами тонкая наблюдательность Мельгунова, но полное отсутствіе творческаго таланта.

Въ 1845 г., въ № 10, опять повѣсть Н. Л--скаго; «Свидѣтель» [1]), одно изъ самыхъ удачныхъ произведеній Мельгунова, надо думать потому, что сюжетъ не выдуманъ имъ, а заимствованъ изъ разсказа какого-то воронежскаго старожила (дѣйствіе происходитъ близъ Воронежа, въ с. Дмитровскомъ). Это — уголовная трагедія, исторія барыни, которая взяла себѣ въ любовники двороваго и съ нимъ вмѣстѣ задушила своего больного мужа. «Свидѣтелемъ» убійства оказался 3-хъ лѣтній сынъ убитаго, который впослѣдствіи и уличилъ мать и ея сообщника.

Усердно работая въ «Москвитянинѣ», Мельгуновъ все дальше и дальше расходился въ убѣжденіяхъ съ той партіей, интересы которой представлялъ журналъ, причемъ однако не могъ всецѣло перейти на сторону ихъ противниковъ. Лѣтомъ 1844 г., собираясь за границу, онъ написалъ Погодину то письмо, отрывокъ изъ котораго поставили мы эпиграфомъ [2]).

Но дружескія его связи съ представителями славянофильства не прерывались: 20 августа 1844 г. Н. М. Языковъ пишетъ Гоголю [3]), что онъ послалъ ему книги черезъ Мельгунова; черезъ два мѣсяца «Мельгуновъ зоветъ къ себѣ Языкова отвѣдать Приснецевой системы», извѣщаетъ его о прекрасномъ состояніи своего здоровья и пр.; въ январѣ 1845 г. редакція «Москвитянина» жаждетъ его статей и повѣстей [4]); даже и послѣ знаменитаго стихо-

[1]) Написана, судя по помѣтѣ, еще въ 1834 г.
[2]) Письмо полностью у Н. П. Барсукова VII, 386—8.
[3]) «Русск. Ст.» 1896, № 12.
[4]) ib. стр. 630.

творенія «Къ не нашимъ» Языковъ въ дружбѣ съ Мельгуновымъ: онъ, какъ и Аксаковы, шлетъ черезъ него письма Гоголю [1]).

За эти годы въ судьбѣ Мельгунова произошла важная перемѣна: онъ наконецъ. женился. Изъ его письма къ Шевыреву отъ 10 (22) октября 1844 г., писаннаго изъ Маннгейма за нѣсколько дней до свадьбы, мы узнаемъ, что его невѣста нѣмка изъ дворянской фамиліи, что отецъ вполнѣ одобряетъ его бракъ и переписывается съ своей будущей невѣсткой; что онъ сказалъ своей Софіи о переепискѣ съ Фатежемъ, а съ другой стороны, и въ Фатежъ написалъ о своемъ намѣреніи жениться и теперь безпокоится, не получая оттуда отвѣта. Писать въ Фатежъ онъ намѣренъ попрежнему—ежемѣсячно. Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ слѣдующіе небезъинтересные факты:

«Подъ моимъ обыскомъ свадебнымъ подписались Жуковскій и Гоголь, заходящее и восходящее солнце русской словесности. Гоголь проводитъ зиму во Франкфуртѣ у Жуковскаго и готовится писать вторую часть «Душъ», для которыхъ собралъ много матеріаловъ и силъ. Такъ мнѣ говорилъ Жуковскій. Когда я мѣсяца два тому назадъ былъ во Франкфуртѣ и спрашивалъ о Гоголѣ, въ Hôtel de Russie, гдѣ онъ стоялъ, то мнѣ отвѣчали, что онъ уѣхалъ въ Остъ-Индію. Это было Остенде, гдѣ онъ купался и откуда воротился бодрымъ, оживленнымъ: такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ показался. Перваго тома «Душъ» перепечатывать не хочетъ, пока не издастъ по крайней мѣрѣ второй части. Жуковскій читалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ своего почти буквальнаго перевода «Одиссеи» (слѣдуютъ похвалы языку). Недавно кончилъ онъ 8 первыхъ пѣсенъ; онъ намѣренъ провести еще годъ за границей и, кончивъ переводъ, пріѣхать на житье въ Москву. Это его твердое намѣреніе. Съ Петербургомъ онъ простился; да петербургскаго въ немъ почти ничего и не осталось. Это старый Жуковскій въ двоякомъ смыслѣ слова».

Свадьба совершилась 18 (30) октября, послѣ чего Мельгуновъ въ Карльсруэ ждалъ паспорта для жены, потомъ черезъ Страсбургъ проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ велъ «довольно шумную жизнь», но все же успѣвалъ слушать и философа Канта и знаменитыхъ проповѣдниковъ.

Страсть къ литературной работѣ у Мельгунова остается преж-

---

[1]) ib стр. 643..

няя. Еще до женитьбы онъ прислалъ въ «Москвитянинъ» [1]) статейку: «Русскія музыкальныя новости изъ-за границы», которая начинается словами: «Съ каждымъ годомъ Россія болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе образованнаго міра» и т. д. Сообщивъ о томъ, что нѣмецкіе журналы говорятъ о Глинкѣ, о Львовѣ, авторъ выражаетъ убѣжденіе «въ возможности самобытной русской школы» въ музыкѣ; но эта самобытность, по его мнѣнію, должна состоять не въ утилизаціи русскихъ народныхъ мотивовъ, а въ соединеніи характерныхъ чертъ италіанской, нѣмецкой и французской музыки, подобномъ тому, какое мы находимъ у Львова; у него «вездѣ встрѣчаешь русскую душу, пріимчивую для всѣхъ впечатлѣній, но вмѣстѣ и русскій умъ, способный постигнуть и передать всѣ тонкости, всѣ хитрости искусства».

Изъ Парижа онъ присылаетъ въ «Москвитянинъ» очень живо написанное «Письмо», помѣченное 8 (20) апрѣля 1845 г. [2]), въ которомъ сравниваетъ этотъ «Новый Римъ» съ тѣмъ, какимъ онъ зналъ его 20 лѣтъ назадъ. Онъ находитъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ благоустройства и смягченія нравовъ. Въ парижанахъ нынѣшняго времени онъ усматриваетъ «скромность почти нѣмецкую»; поверхностность—ихъ основной недостатокъ, но вѣдь съ нимъ связано и великое достоинство: отсутствіе ненависти, злобы. Авторъ ясно видитъ антагонизмъ между буржуа и рабочими, стремленіе послѣднихъ организоваться; онъ несравненно болѣе симпатизируетъ рабочимъ, но не ждетъ проку отъ сенъ-симонизма и др. подобныхъ ученій. Онъ сочувствуетъ не уничтоженію, а у р а в н е н і ю собственности. «Духъ мира и любви, говоритъ онъ, священъ въ моихъ глазахъ, гдѣ и въ комъ бы я ни встрѣчалъ его». Онъ съ большой похвалой говоритъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Парижѣ и ожидаетъ въ близкомъ будущемъ сильнаго религіознаго движенія.

Изъ Парижа Мельгуновъ, очевидно, вернулся въ Россію, но гдѣ жилъ онъ, намъ неизвѣстно (вѣроятно, въ деревнѣ у отца); весною 1846 года онъ снова съѣздилъ за границу, но не надолго: съ конца іюля онъ уже имѣетъ постоянную квартиру въ Москвѣ [3]). Кончились, повидимому его Wanderjahre, и онъ становится интеллигент-

---

[1]) См. 1844 № 9 стр. 436—41. Подпись: Н. Л—скій. Съ береговъ Рейна.
[2]) Напечатано №№ 5—6 за 1845 г. стр. 17—44.
[3]) См. письмо Шевыреву отъ 18-го мая.

нымъ семейнымъ москвичемъ со средствами, диллетантомъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ, но диллетантомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, диллетантомъ-знатокомъ, вполнѣ независимымъ и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи [1]).

Мельгуновъ былъ счастливъ въ семейной жизни, такъ какъ жена его только и думала о томъ, какъ бы угодить мужу (навѣрно, не очень взыскательному). Онъ же не только нѣжно заботился о ней самой, но и объ ея братѣ, за уроки котораго платилъ. Его Sophie въ Москвѣ обратилась въ Софью Карловну, и онъ, знакомя ее съ русской дѣйствительностью и стариной, возилъ ее по монастырямъ (къ Троицѣ, въ Новый Іерусалимъ, къ Саввѣ преподобному и пр.). Къ сожалѣнію, вскорѣ у Софьи Карловны оказалась неизлечимая женская болѣзнь, изъ-за которой Мельгуновъ долженъ былъ возить ее за границу, что вовлекало его въ долги [2]).

Самъ Мельгуновъ живетъ въ свое удовольствіе, какъ онъ понималъ его: собственные его вкусы скромны, но изъ-за старика отца (который, очевидно, живетъ съ нимъ) онъ долженъ держать домъ «на старой русской ногѣ»; зимою онъ изрѣдка посѣщаетъ англійскій клубъ, даетъ небольшіе обѣды (Шевыревъ и Павловъ—его постоянные гости), попрежнему занимается музыкой, но еще болѣе книгами: онъ изучаетъ и Гегеля, и теоретическую химію, и славянскія древности Шафарика и зорко слѣдитъ за европейской и русской литературой, журналистикой и жизнью московскаго университета. Лѣтніе мѣсяцы, если остается въ Россіи, онъ объѣзжаетъ свои деревни.

Кругъ знакомыхъ и пріятелей Мельгунова теперь значительно шире: онъ попрежнему бываетъ у Свербеевыхъ, часа по три споритъ (вполнѣ *мирно*) съ Кирѣевскимъ, участвуетъ въ обѣдахъ въ память Веневитинова; но онъ же «вмѣстѣ съ сосѣдомъ Герценомъ»

[1]) Нижеприводимыя подробности о его образѣ жизни мы заимствуемъ изъ многочисленныхъ писемъ и записокъ его къ Шевыреву безъ датъ (и къ тому же на почтовой бумагѣ безъ водяныхъ знаковъ), которыя очень трудно, часто невозможно размѣстить по годамъ. Въ Публ. Библіотекѣ эти письма помѣщены послѣ датированнаго письма 1864 г.

[2]) Главнымъ образомъ Шевыреву, которому онъ платитъ умѣренные проценты (8% годовыхъ). Необходимость занимать то по векселю, то «на перехватъ» не мѣшала ему правильно выдавать ежемѣсячное пособіе тремъ бѣднымъ женщинамъ. Изъ письма отъ 29 окт. 1854 г. видно, что этимъ старушкамъ полагалось 60 рублей въ мѣсяцъ.

выписываетъ аугсбургскую газету, дружитъ и съ Коршемъ и съ Грановскимъ. Онъ вынужденъ оправдываться передъ слишкомъ страстнымъ Шевыревымъ, который по всякому поводу (даже по поводу книжныхъ шкафовъ, взятыхъ изъ Шевыревской квартиры безъ спросу) обвинялъ Мельгунова въ западничествѣ и даже въ измѣнѣ Россіи, и доказывалъ ему, что его пріязнь съ Герценомъ и Коршемъ — связь чисто умственная. Погодина, котораго онъ считалъ (вполнѣ основательно) менѣе партійнымъ человѣкомъ, онъ старался сблизить съ западниками: когда въ № 1 «Москвитянина» за 1846 годъ явилось «Похвальное слово Карамзину», говоренное Погодинымъ при открытіи памятника, которое понравилось Герцену, Мельгуновъ спѣшитъ сообщить автору объ энтузіазмѣ Герцена и, будто опасаясь недовѣрія, прилагаетъ самую записку Герцена [1]). «Что бы ни говорили, — пишетъ онъ при этомъ случаѣ Погодину, — про мои новыя знакомства, но моимъ старымъ оттого хуже не будетъ. Чувствую въ себѣ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, тайное побужденіе исполнить въ маломъ то, что придаю я въ большихъ размѣрахъ герою своего будущаго романа».

Итакъ, вмѣсто историко-философскаго изслѣдованія, Мельгуновъ теперь пишетъ романъ, герой котораго долженъ представить третью высшую партію, имѣющую примирить славянофиловъ съ западниками, а пока Мельгуновъ среди своихъ пріятелей дѣлалъ свое маленькое дѣло: онъ по цѣлымъ вечерамъ спорилъ «съ азіатской и до-петровской Россіей»; но въ то же время не одобрялъ пренебрежительнаго отношенія Грановскаго «ко всему востоку и семитамъ».

Славянофилы (Хомяковъ и Шевыревъ) считали Мельгунова «одностороннимъ западникомъ» [2]); но онъ не признавалъ себя таковымъ, и вотъ какъ въ двухъ письмахъ къ Шевыреву опредѣлялъ свое положеніе: «вы въ моей системѣ находите мѣсто, а я въ вашей не нахожу. Я изгнанникъ. Вы же для меня алхимики, ищущіе золота въ русской исторіи. Золота вы не найдете, но набредете на много (sic) хорошаго и дѣльнаго, и, главное, пробудите въ русскихъ жажду самопознанія [3]). Вотъ ваша неотъем-

---

1) Барсуковъ о. с. VIII, 217 и слѣд.

2) Онъ «на посылкахъ у Фряговъ», писалъ о немъ Шевыревъ Погодину (Барсуковъ IX, 37).

3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

ленная заслуга. И потому миръ вамъ! [1]) Подай руку, и пусть каждый трудится по силамъ на славу человѣчества!» (безъ даты, очевидно изъ Москвы).

Изъ Lac-sur-mer (въ Нормандіи) пишетъ онъ 12-го (24-го) іюля 1846 года.

«Не Западъ гніетъ, а Востокъ процвѣтаетъ, но и на Западѣ и на Востокѣ одна часть народа, и самая значительная, носитъ въ себѣ возможность возрожденія и великаго будущаго, а другая меньшая часть, дѣйствительно, гніетъ и идетъ къ своей погибели». Гніетъ буржуазія и такъ называемые правящіе классы, а прогрессируютъ обдѣленные судьбою. «Чѣмъ я больше знакомлюсь съ крестьянами, съ народомъ разныхъ странъ, тѣмъ болѣе общаго нахожу между ними... Сколько здѣсь [2]) простоты, чистоты нравовъ и сердечности!» [3])

Мельгуновъ въ это время расходился въ мнѣніяхъ съ Шевыревымъ не только относительно «фряговъ», но и относительно нѣ-

---

[1]) Тоже.

[2]) Среди крестьянъ Нормандіи.

[3]) Ровно черезъ годъ, 30 іюля 1847 г. онъ пишетъ Погодину (см. Барсуковъ IX, 39) изъ Петровскаго, что въ обращеніи съ крестьянами старается избѣгать двухъ крайностей: нагайки и иностранныхъ нововведеній, и остается въ деревнѣ тѣмъ же, чѣмъ въ городѣ: европейскимъ русскимъ. Изъ того же Петровскаго 19 августа 1847 г. онъ пишетъ Шевыреву о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ: одному Шевыреву онъ оказывается долженъ около 10.000; кромѣ того долженъ онъ и сосѣду Крашенинникову, а сидитъ безъ копѣйки, такъ что не въ состояніи заплатить и процентовъ; вся его надежда на скорое увеличеніе доходовъ. Крашенинниковъ, какъ мы узнаемъ изъ письма Мельгунова къ А. В. Веневитинову отъ 15 мая того же 1847 г.,—товарищъ дѣтства Мельгунова, нынѣ петербургскій чиновникъ; Мельгуновъ ходатайствуетъ о его повышеніи. Кстати приводимъ изъ того же письма отъ 15 мая 1847 г. слѣдующія свѣдѣнія: «Сегодня утромъ выѣхалъ Хомяковъ съ женою въ Петербургъ, гдѣ намѣренъ взять паспортъ въ чужіе края. Вчера вечеромъ мы провожали его и теперь—думаю—онъ уже на пути въ сѣверный Вавилонъ. Ты найдешь въ немъ перемѣны, въ наружности же его ту, что онъ съ виду сбивается на повѣреннаго винными откупами. Кошелевъ вѣрно тебѣ сказывалъ, что Иванъ Кирѣевскій опасно боленъ—(sic).—Впрочемъ, хотя онъ еще не совсѣмъ внѣ опасности, но шансы выздоровленія—(sic)—съ каждымъ днемъ увеличиваются, а съ ними и надежды его друзей». За сообщеніе письма благодаримъ М. А. Веневитинова.

15 мая 1848 г. Мельгуновъ пишетъ Шевыреву изъ села Княжева Веневскаго уѣзда, что онъ водится болѣе съ простымъ народомъ, чѣмъ съ дворянами, которыхъ бранитъ за татарщину и за дурныя отношенія къ мужикамъ.

которыхъ литературныхъ вопросовъ. Когда въ 1846 г. въ «Петербургскомъ Сборникѣ» появились «Бѣдные люди» Достоевскаго, Шевыреву они не понравились, а Мельгуновъ рѣшительно высказался за нихъ, хотя и назвалъ автора «поэтомъ de tendance». По его мнѣнію, «это примѣчательное произведеніе, глубокое по смыслу, талантливое по исполненію. «Двойникъ» Достоевскаго, говорятъ, плохъ; но это не мѣшаетъ его «Бѣднымъ людямъ» быть одпимъ изъ украшеній современной литературы нашей».

Но всего рѣзче (чуть-чуть не окончательно) разошлись друзья по поводу, такъ называемой, Крыловской исторіи и выхода въ отставку Кавелина, Рѣдкина, Грановскаго и Корша. 22-го декабря 1847 года, послѣ извѣстнаго тоста Шевырева за очищенный университетъ и regeat'а Строганову, Мельгуновъ пишетъ Шевыреву длинное интересное, во многихъ отношеніяхъ, письмо. Считая, что многолѣтняя дружба обязываетъ къ полной откровенности, хотя бы и очень непріятной для друга, онъ, заодно съ общественнымъ мнѣніемъ, обвиняетъ Шевырева въ злобномъ отношеніи къ кружку Грановскаго и въ связяхъ съ людьми нечистыми. «Эти связи отбросили тебя въ руки семинаристовъ, холопей безъ достоинства». Шевыревъ, по убѣжденію Мельгунова, «человѣкъ рьяный, но не энергичный, поддающійся чуждому вліянію». Это «листъ чистой, непромокаемой бумаги», готовой впитать въ себя чужія грязныя пятна.

«Общее мнѣніе о выходящихъ теперь профессорахъ, какъ о людяхъ даровитыхъ, много сдѣлавшихъ и еще болѣе обѣщающихъ, но, паче всего, какъ о людяхъ чистыхъ и благородныхъ, было хоть и съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣкогда и твоимъ собственнымъ мнѣніемъ; не раздѣляя всѣхъ ихъ убѣжденій, по меньшей мѣрѣ столь же искреннихъ, какъ и твои, ты, однако, не могъ отказать имъ въ уваженіи. Мало того, ты раздѣлялъ съ ними тѣ побужденія, которыя заставили ихъ отказаться отъ каѳедры въ здѣшнемъ университетѣ; ты не разъ говорилъ и мнѣ, и всѣмъ своимъ знакомымъ, что не можешь и самъ служить съ товарищемъ, на котораго падаетъ сильное подозрѣніе во взяточничествѣ и который, сверхъ того, обнаружилъ свое глубокое неблагородство недостойнымъ обращеніемъ съ женой, низкими происками и гнусными доносами. Профессоръ, сказалъ ты мнѣ однажды, то-жь, что служитель алтаря:

не только его общественная, но и частная жизнь должна быть чиста, ничѣмъ незапятнана».

Поддавшись негодяямъ, Шевыревъ измѣняетъ себѣ. По Москвѣ ходятъ слухи о его будущемъ ректорствѣ; Мельгуновъ очень сожалѣлъ бы, если бы слухи оправдались: это было бы режимъ реакціи; черезъ него обскуранты съумѣютъ подвергнуть всѣхъ преподавателей цензурѣ «въ смыслѣ православія, самодержавія и народности». Мельгуновъ кончаетъ письмо словами: «Отъ твоего отвѣта (если ты сочтешь нужнымъ отвѣчать) и отъ твоего дальнѣйшаго поведенія зависитъ судьба нашихъ будущихъ сношеній». Мы не знаемъ, что отвѣчалъ Мельгунову Шевыревъ, но отвѣтъ былъ настолько успокоительный, что отношенія ихъ существенно не измѣнились, и Мельгуновъ черезъ 5 дней (27-го декабря) снова написалъ Шевыреву; онъ повторилъ нѣкоторыя изъ своихъ обвиненій, но тономъ болѣе дружественнымъ.

Обращаемся къ печатнымъ трудамъ Мельгунова за это время. Безъ сомнѣнія, новые друзья сблизили его съ Бѣлинскимъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще по Москвѣ. Мы видѣли выше, что для его сборника Мельгуновъ еще въ 1845 году писалъ статью о Вернетѣ, которая очень понравилась знаменитому критику. Статья появилась въ № 1 «Современника» [1]), и Мельгуновъ сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ удачно обновленнаго журнала. Въ № II, за тотъ же 1847 годъ, онъ помѣстилъ за подписью Л. статейку: «Нѣсколько словъ о Москвѣ и Петербургѣ», очень сочувственную старой столицѣ. Москва, по его мнѣнію, въ умственномъ отношеніи болѣе европейскій городъ, чѣмъ Петербургъ; вѣдь изъ нея Карамзинъ воевалъ за европеизмъ съ петербургскими славянофилами. Ей предстоитъ огромная будущность: желѣзныя дороги свяжутъ ее со всѣми украйнами и сильно увеличатъ ея торговое и промышленное значеніе. Правда, она всегда останется огромной деревней; но вѣдь и всѣ лучшіе города на Западѣ теперь стремятся стать какъ можно болѣе похожими на деревню и т. д.

Въ томъ же №, въ «Смѣси», за подписью Н. Л—скій, онъ начинаетъ отдѣлъ «Современныя замѣтки» (стр. 159—177), въ которыхъ, на этотъ разъ, больше всего бесѣдуетъ о Московскомъ университетѣ. Онъ осуждаетъ сливки студентовъ за французскій языкъ

[1]) Мельгуновъ пишетъ о ней Шевыреву: «Ее нѣсколько обчекрыжила цензура, да въ иныхъ мѣстахъ изуродовала корректура».

въ аудиторіяхъ и за сословную гордость: онъ находитъ, что въ последнее время профессорскій персоналъ прогрессируетъ очень заметно. Онъ хвалитъ Лясковскаго за его публичныя лекціи, но дольше всего останавливается на курсѣ Шевырева. Изложивъ нѣсколько его лекцій, онъ сдержанно и трезво возражаетъ противъ его мистицизма и мечтаній о славянской будущей поэзіи духа и проч.; но онъ очень хвалитъ его за жизненность вопросовъ, имъ поднимаемыхъ, за стремленіе сблизить науку съ обществомъ, за его журнальную и общественную дѣятельность. «Если его теоретическія мысли, — говоритъ онъ въ заключеніе, — представляютъ много неудовлетворительнаго и спорнаго, его историческія обозрѣнія заслуживаютъ полной похвалы».

Такимъ образомъ Мельгуновъ и печатно стремится къ своей благородной цѣли — примиренію западниковъ съ славянофилами. Чтобы отзываться такъ тепло о Шевыревѣ въ журналѣ, гдѣ выдающуюся роль игралъ Бѣлинскій, надо было пользоваться уваженіемъ и симпатіей молодой редакціи. Едва ли мы ошибемся, если припишемъ эту симпатію именно примирительнымъ стремленіямъ Мельгунова. Самолюбивому Шевыреву, безъ сомнѣнія, было пріятно, что къ его дѣятельности такъ относится журналъ, сразу пріобрѣтшій большую популярность [1]).

Въ томъ-же II томѣ за 1847 годъ (отд. IV, стр. 83 — 95) за тою же подписью, онъ печатаетъ статейку подъ заглавіемъ «Народная одежда и европейская мода», гдѣ, пользуясь этимъ ничтожнымъ поводомъ, излагаетъ свои воззрѣнія на народность.

«Истинная, самобытная народность,—говоритъ онъ,—не отправляется отъ идеи народности. Она пріобрѣтается и ростетъ сама собою, путемъ не теоріи, а жизни, естественно, наивно, нося въ себѣ самой зерно своего дальнѣйшаго развитія. Кто народу проповѣдываетъ народность, тотъ въ ней сомнѣвается. Здоровые не говорятъ и не думаютъ о здоровьи; говорятъ и хлопочутъ о немъ лишь больные. Если же народъ занемогъ чужеземной немощью, то отъ нея можетъ вылечить лишь его собственная натура». Стремленіе извѣстной партіи имѣть свою особую р у с с к у ю науку, с в о е искусство напоминаютъ автору прежнихъ помѣщиковъ, которые, по-

[1]) «Современникъ» въ первый же годъ имѣлъ, говорятъ, до 2.000 подписчиковъ, тогда какъ «Москвитянинъ» въ это время расходился въ 300 экземпляр. съ небольшимъ.

казывая аляповатую мебель, съ гордостію говорили: это мой столяръ сдѣлалъ и пр.

Въ III томѣ «Современника» за 1847 годъ Мельгуновымъ въ «Смѣси» безъ подписи напечатана статейка «Московскія новости» [1]), разсказывающая о московскихъ салонахъ, гдѣ мирно уживаются Восточные и Западные, о музыкѣ, о дешевыхъ товарахъ и пр.

Въ томъ-же III т. «Современника» (стр. 136 и слѣд.) Мельгуновъ перенесъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» свой споръ съ Шевыревымъ о благотворительности [2]).

Онъ честно перепечаталъ юмористическую мистерію Шевырева и растолковалъ смыслъ спора такимъ образомъ: Шевыревъ—за подачу милостыни, онъ, Мельгуновъ—за то, чтобы люди въ ней не нуждались; Шевыревъ—за чувство любви, онъ—за дѣло любви.

На этомъ, сколько знаемъ, сотрудничество Мельгунова въ «Современникѣ» и окончилось [3]).

Въ томъ-же 1847 году Мельгуновъ на страницахъ своего прежняго прибѣжища «Москвитянина» (III, 147 — 158) вступилъ въ споръ съ самымъ умнымъ его сотрудникомъ Ю. Самаринымъ, за что такъ жестоко досталось отъ друзей слишкомъ терпимому редактору Погодину [4]).

Затѣмъ наступаетъ періодъ въ жизни Мельгунова, для насъ совершенно темный; гдѣ жилъ онъ, что дѣлалъ, мы не вѣдаемъ; мы только можемъ кое о чемъ догадываться, на основаніи немногихъ записочекъ безъ датъ и позднѣйшихъ писемъ къ Шевыреву.

Надо думать, что его письма по поводу Крыловской исторіи были послѣднимъ проявленіемъ его идейной и идеальной дружбы съ Шевыревымъ, а его отвѣтъ Самарину—послѣдней попыткой ис-

---

[1]) Стр. 94 — 109; авторъ здѣсь ссылается на свою предыдущую статью въ т. II.

[2]) См. о немъ Барсукова о. с. IX, 362—3.

[3]) Съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» Мельгуновъ въ это время былъ почему-то въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ, какъ это видно изъ письма его отъ 18-го января 1847 года (см. бумаги А. А. Краевскаго въ Публичной Библіотекѣ), гдѣ онъ титулуетъ Краевскаго «милостивый государь», жалуется на неисправность доставленія журнала въ Фатежъ, напоминаетъ объ обѣщаніи отправить впредь до разчета сто рублей отрекомендованному имъ сотруднику и пр., но все это сухимъ, недружественнымъ тономъ.

[4]) Разсказъ объ этомъ и краткое изложеніе статьи Мельгунова см. у Барсукова IX, 37 и слѣд.

полнить свою примирительную миссію. Съ «Москвитяниномъ» онъ, сколько знаемъ, не возобновлялъ сношеній, а съ Шевыревымъ онъ, повидимому, остался въ отношеніяхъ простой пріязни, которая на длинныя и откровенныя письма не вызываетъ.

Но почему онъ прекратилъ свои корреспонденціи въ «Современникѣ?» Вѣроятно, въ эти годы (1847—1849), скончался отецъ Мельгунова, и идеалистъ по-натурѣ долженъ былъ превратиться на время въ практика. Тогда-то, весьма возможно, онъ отчасти изъ отвращенія къ крѣпостному праву, а больше изъ любви къ собственной независимости распродалъ свои имѣнія и превратилъ все свое состояніе въ деньги. Но эти деньги у него не залежались. Павловъ, разбогатѣвшій женитьбой на m-lle Яннишъ, на средства своего тестя завелъ (или купилъ?) большую суконную фабрику въ Муриинѣ и взялъ подрядъ на поставку суконъ. Въ это огромное предпріятіе онъ втянулъ и Мельгунова, который подъ векселя Янниша далъ 15,000 руб. сер. для представленія залоговъ. Сперва дѣла шли хорошо, но съ 1853 года Мельгуновъ уже пересталъ получать проценты.

Весной 1854 года Мельгуновъ живетъ въ Петербургѣ, повидимому, вполнѣ достаточнымъ человѣкомъ. Лѣтомъ онъ имѣетъ дачу въ Павловскѣ и съ помощію связей своихъ многимъ оказываетъ протекцію. «Отъ души радуюсь этому; весело быть хоть на что нибудь годнымъ [1]), пишетъ онъ Шевыреву; ты же имѣешь двойное право располагать мною».

Шевыревъ просилъ его взять на себя хлопоты о помѣщеніи его сына Бориса въ Пажескій корпусъ, черезъ который было легче получить офицерскіе эполеты. Мельгуновъ съ радостью принялъ на себя эту задачу и смотрѣлъ за Борисомъ Степановичемъ какъ за роднымъ сыномъ. Въ это время, несмотря на болѣзнь глазъ, Мельгуновъ по вечерамъ занятъ большимъ романомъ. «Первую часть уже кончилъ, остается еще двѣ. Если онъ появится въ печати, и ты прочтешь его, то не мало ему удивишься: онъ весь направленъ противъ гнилого Запада, и въ немъ я стараюсь придать всемірный смыслъ теперешней войнѣ» [2]).

Съ осени 1855 года Мельгуновъ уже въ Москвѣ, гдѣ возобнов-

---

[1]) Стало быть, онъ не служитъ и не имѣетъ другого опредѣленнаго дѣла.

[2]) Письмо отъ 29-го октября 1854 года.

ляетъ свои прежнія литературныя связи (между прочимъ заботится вмѣстѣ съ другими о полнотѣ изданія Гоголя).

Весною 1856 года мы его находимъ вмѣстѣ съ женою въ Парижѣ, куда онъ поѣхалъ безъ достаточнаго количества денегъ, вложивъ, надо думать, все, чѣмъ онъ могъ располагать, въ предпріятіе Павлова. Въ Парижѣ пробылъ онъ болѣе года, болѣлъ невралгіей глаза, былъ въ долгахъ вслѣдствіе неаккуратности и легкомыслія Павлова, но жилъ все-таки-же какъ достаточный русскій баринъ, не отказывающій себѣ даже въ чтеніи русскихъ журналовъ. Несмотря на болѣзнь, онъ успѣлъ написать статью о современной Франціи и въ маѣ отослалъ ее при письмѣ къ Каткову. Слухъ о ней почему-то дошелъ и до Краевскаго, который, вѣроятно, высказалъ желаніе имѣть ее въ своихъ рукахъ [1]).

Лѣто и часть осени 1857 года Мельгуновъ прожилъ ради лѣченья въ Гунценбахѣ близъ Баденъ-Бадена и переписывался съ Шевыревымъ почти исключительно о своихъ денежныхъ дѣлахъ, продолжая жаловаться на Павлова.

Затѣмъ въ письмахъ Мельгунова къ Шевыреву, находящихся въ Публичной Библіотекѣ, слѣдуетъ перерывъ почти на 10 мѣсяцевъ: уничтоженъ рядъ интимныхъ сообщеній Мельгунова о пережитой имъ драмѣ [2]). Судя по послѣдующему, за это время Мельгуновъ лишился своей жены [3]) и попалъ, не безъ своей вины, въ ужасныя денежныя затрудненія: онъ задолжалъ и небогатымъ людямъ и взялъ деньги подъ поручительство нашего посланника во Франкфуртѣ, Фонтона. Тонъ его писемъ Шевыреву дѣлается какой-то обиженный и приниженный: онъ, повидимому, оскорбленъ упреками стариннаго пріятеля (хотя и признаетъ ихъ справедливость), но не смѣетъ высказать своего недовольства, такъ какъ очень нуждается въ помощи. Онъ даже съ внѣшней стороны сталъ писать хуже и небрежнѣе и сталъ дѣлать такія ошибки, какихъ никогда не дѣлалъ прежде. Онъ

1) Письмо Мельгунова къ Краевскому изъ Франкфурта на Майнѣ 15-го (27-го) ноября 1857 г. Въ немъ Мельгуновъ поручаетъ Краевскому добыть эту статью отъ Каткова и напечатать ее «хоть въ газетѣ». Здѣсь же онъ проситъ его высылать въ Бѣлградъ Екатеринѣ Ильиничнѣ И... (бывшая жительница Фатежа) «Отечественныя Записки», «Радугу» и «Журналъ узоровъ».

2) «Не разъ и подробно писалъ я о причинахъ моей связи ... пишетъ онъ Шевыреву въ іюнѣ 1858 года.

3) Въ письмѣ отъ 1-го (13-го) декабря 1858 г. онъ называетъ себя одинокимъ человѣкомъ.

живетъ теперь въ Гомбургѣ близъ Франкфурта. 1-го (13-го) декабря 1858 года сообщаетъ онъ Шевыреву, что задолжалъ хозяину гостиницы около 1500 франковъ, и тотъ «морщится». «Я уже и теперь вынужденъ отказывать себѣ во всемъ, въ самыхъ необходимыхъ мелочахъ; такъ, напримѣръ, насилу, насилу нашелъ денегъ, чтобы сходить въ баню и заплатить за это письмо...» «Тюрьма за долги виситъ надо мною, какъ Дамокловъ мечъ [1]). Спасите меня!»

Мы пропускаемъ длинный рядъ характерныхъ, но однообразно-скорбныхъ писемъ Мельгунова, показывающихъ, до чего могъ упасть духомъ и даже нравственностью интеллигентный баринъ 30-хъ—40-хъ годовъ, вслѣдствіе непривычки къ борьбѣ съ жизнью [2]).

Но мы не можемъ не упомянуть о фактѣ болѣе отраднаго свойства, доказывающемъ, какая прочная связь соединяла и подъ старость этихъ передовыхъ людей 30-хъ годовъ. Въ бумагахъ князя Одоевскаго въ Публичной Библіотекѣ (XVII. 14) хранится, такъ сказать, небольшое дѣло объ отчаянномъ положеніи Мельгунова въ февралѣ 1859 года. 20-го февраля А. А. Краевскій пишетъ князю Одоевскому, тогда директору Румянцевскаго музея въ Петербургѣ, что онъ только что получилъ «отчаянное» письмо отъ Мельгунова, который уже состоитъ ему должнымъ рублей 700; онъ не знаетъ, что дѣлать, и препровождаетъ письмо на усмотрѣніе князя, который, безъ сомнѣнія, снесется съ А. В. Веневитиновымъ.

Письмо Мельгунова отъ 13-го (25) февраля 1859 года начинается такъ: «Когда человѣку хотятъ перерѣзать горло и мольба о помилованіи не производитъ дѣйствія, онъ обращается всюду за помощью, за спасеніемъ». Онъ сообщаетъ, что только что послалъ Краевскому телеграмму съ просьбою лично или при помощи Веневитинова, Одоевскаго и Павлова спасти его отъ тюрьмы высылкою 1350 гульденовъ, причемъ перечисляетъ статьи и романы, предназначенные имъ для «Отечественныхъ Записокъ» [3]). Затѣмъ онъ разъ-

[1]) «А тюрьма здѣсь ужасная», пишетъ онъ черезъ $3^1/_2$ недѣли, и въ томъ же письмѣ проситъ позаботиться о Екатеринѣ Ильиничнѣ, живущей въ Бѣлградѣ!

[2]) Онъ бранитъ Фонтона за то, что тотъ его подвелъ, заставилъ заплатить долгъ, мечтаетъ только о томъ, какъ бы бѣжать отъ кредиторовъ въ Швейцарію и пр. При этомъ, почти очевидно, что онъ скрываетъ отъ самыхъ близкихъ людей какое-то обстоятельство, удерживающее его въ Гомбургѣ, ясно, что оно не дѣлаетъ ему чести.

[3]) Вотъ текстъ телеграммы или станціи, какъ называетъ ее Мельгуновъ, съ его дополненіями и разъясненіями: Je partais (dans un lieu de sûreté dans le but) d'achever pour vous observations sur Paris (Замѣтки о Парижѣ), Ame timide (Сирая душа), Favorit (послѣдніе два почти оконченные романы): mais (l')hôtelier

ясняетъ свое денежное положеніе, причемъ цѣнность Мурмина, которое непремѣнно должно быть скоро продано въ его пользу, значительно увеличиваетъ, увѣряя, будто въ немъ 1000 душъ (по его письмамъ Шевыреву въ немъ около 500 душъ). Крайній срокъ уплаты 16-го февраля.

Князь Одоевскій немедленно пересылаетъ это письмо А. В. Веневитинову, который немедленно-же отвѣчаетъ ему: «Возвращаю тебѣ письма Краевскаго и бѣднаго Мельгунова, который. дѣйствительно, жертвою безстыдныхъ поступковъ Павлова». Веневитиновъ можетъ предложить съ своей стороны отъ 400 до 500 рублей. «Постарайся найти къ тѣмъ деньгамъ, которыми я могу располагать, еще отъ 150 до 200 рублей». Но Веневитиновъ боится, что помощь окажется не вполнѣ своевременной: срокъ 16-го, а самъ, Мельгуновъ. написалъ только 13-го [1]); «что за безмозглый фантазеръ!» По всей вѣроятности, «несчастный и невинный» Мельгуновъ не избавится хоть отъ кратковременнаго пребыванія въ гомбургскомъ долговомъ отдѣленіи.

Князь Одоевскій, очевидно, не нашелъ дополнительной суммы и на Веневитиновскіе 500 рублей взялъ у Штиглица вексель въ 1875 франковъ, который и переслалъ священнику Матвѣевскому, изъяснивъ ему (въ дополненіе къ своей телеграммѣ), что письмо Мельгунова было получено только въ субботу на масляницѣ и до понедѣльника ничего нельзя было сдѣлать, а переводы телеграммой у Штиглица не принимаютъ.

Опасенія Веневитинова оправдались только отчасти: въ тюрьму Мельгуновъ не попалъ, но подвергся домашнему аресту за долги, при чемъ ему еще угрожалъ процессъ [2]).

Несмотря на скандалъ, который долженъ былъ произвести въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ арестъ русскаго барина, Мельгуновъ послѣ этого оставался въ Гомбургѣ почти полтора года; только въ

(de) Hombourg veut être immediatement payé. Si non, prison pour très longtemps. Vous, Venevitinoff, Odoyevski etc. sauvez moi, envoyez télégraphiquement 1350 florins au prêtre russe Mathveyevski (à) Wiesbaden. Mandez immediatement (la) même chose (à) Pavloff. Cotisez vous Vendez (выноска подъ звѣздочкой: нельзя ли вашему фениксу комисіонеру?) (la 2-de édition de mon) roman: Cour (d') assises. Melgounoff.

[1]) Телеграмма, по словамъ Краевскаго, почему то не дошла до него.

[2]) «Арестъ и процессъ, пишетъ онъ Шевыреву 2-го (14-го) апрѣля 1859 г.— двѣ вещи, мнѣ еще невѣдомыя. Oh! l'as voulu, George Dandin!»

началѣ іюля 1860 г. мы находимъ его въ Берлинѣ на пути въ Россію; деньги на выѣздъ прислалъ ему «добрый Кошелевъ» [1]).

Во второй половинѣ іюля Мельгуновъ уже въ Москвѣ, живетъ въ домѣ Шевырева, обѣдаетъ у Павлова, который снабжаетъ его деньгами «по рублю» и работаетъ для Краевскаго.

Само собою разумѣется, что во время такой жизненной встряски Мельгуновъ не былъ способенъ написать что-нибудь хорошее; поэтому его «Сирая душа», «Favorit» и пр., сколько знаемъ, или вовсе не были окончены, или не были приняты. Къ счастію, тѣ статьи, съ которыми онъ выступалъ въ «Отеч. Зап.» въ 1859 г. были, по всей вѣроятности, написаны или по крайней мѣрѣ подготовлены имъ въ лучшія для него времена [2]); но такъ какъ онѣ отдѣлывались подъ вліяніемъ гнетущихъ обстоятельствъ, въ нихъ встрѣчаются противорѣчія и небывалыя у него шероховатости. Приведемъ одинъ примѣръ, въ которомъ Мельгуновъ опять-таки является посредникомъ между «восточными» и «западными», но посредникомъ увы! на этотъ разъ плохо примиряющимъ. Въ статьѣ «Народности въ исторіи», по поводу гегеліанцевъ, видящихъ въ нѣмцахъ новѣйшихъ эллиновъ, онъ говоритъ въ примѣчаніи (стр. 182): «И у насъ нѣкоторые гегелирующіе славянофилы пытались перевести эту теорію (о преобладающей народности) на русскіе нравы, т. е. доказать, на основаніи гегелевой философіи, что всемірный, всечеловѣческій народъ — это народъ русскій, котораго исторія развилась безукоризненно стройно, логически, по вѣчнымъ законамъ духа; а потому... ему и палка въ руки».

А въ послѣдней статьѣ «Замѣтки русскаго въ Парижѣ» тотъ же Мельгуновъ, остроумно охарактеризовавъ французовъ и англичанъ, говоритъ:

«Антитезъ между Франціей и Англіей, между равенствомъ и свободой неизбѣженъ, даже необходимъ, по свойству историческаго развитія; онъ до сихъ поръ былъ плодотворенъ для остальнаго міра.

[1]) Кошелевъ съ самаго начала года принималъ дѣятельное участіе въ его дѣлахъ. Помогали ему за это время, повидимому, также и Шевыревъ и Хомяковъ; высылалъ деньги и Павловъ, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что эти присылки возбуждали алчность кредиторовъ, не удовлетворяя ихъ.

[2]) № 3-й «Туристы вообще и особенно русскіе», № 6-й «Голосъ русскаго въ европейской распрѣ» (онъ вполнѣ убѣжденъ въ скоромъ пораженіи Австріи); № 9-й и слѣд. «Замѣтки русскаго въ Парижѣ»; подписаны статьи то Н. Ливенскій то Н. А. М—въ (Н. Ливенскій).

Но этотъ антитезъ или осужденъ на вѣчный диссонансъ, или долженъ, рано ли, поздно ли, разрѣшиться въ созвучіи, въ синтезѣ.

«На Западѣ едва ли синтезъ можетъ совершиться. Скорѣй у народа, едва знавшаго завоеваніе, дружелюбно расположеннаго къ присоединеннымъ племенамъ и составляющаго въ самой средѣ государства безсословное, сплошное и цѣльное ядро огромнаго объема. Правда, такая будущность еще далеко впереди: солнечная система теперешнихъ народовъ еще полна жизни, несмотря на умножающіеся признаки органическаго разстройства. Для новой системы надо, чтобъ повернулась историческая ось и образовались новые фокусы будущей орбиты.

«Но предчувствовать, угадывать новый порядокъ позволительно и не мечтателю: это тотъ порядокъ, когда люди увидятъ невозможность достигнуть братства путемъ доставшихся съ боя исключительныхъ началъ (fraternité ou la mort). Англія и Франція, конечно, и безъ того ихъ у себя выработали, но односторонне и въ кровавой борьбѣ; на выработанныя же кровью сокровища не купить имъ высшаго блага—любви. Братство не пріобрѣтается ни борьбой, ни насиліемъ, ни даже разсчетливыми сдѣлками: оно дается. Братья, какъ, поэты, non fiunt, sed nascuntur».

Несмотря на эти и подобныя имъ шероховатости, Краевскій, какъ видно по его примѣчаніямъ къ этой статьѣ, придавалъ корреспонденціямъ Мельгунова не малое значеніе; да и не могъ онъ при своей редакторской опытности не оцѣнить огромной начитанности автора, основательнаго знанія Франціи и Германіи, легкости его изложенія и искуснаго сопоставленія фактовъ западной народной жизни съ нашими, тоже довольно близко ему знакомыми.

Между прочемъ, во 2-й статьѣ «Замѣтокъ» Мельгуновъ высказываетъ болѣе опредѣленный и ясный, чѣмъ когда-нибудь, свой взглядъ на р у с с к у ю к р е с т ь я н с к у ю о б щ и н у, которую такъ высоко ставили славянофилы. Онъ убѣжденъ (стр. 88), что по мѣрѣ успѣховъ земледѣлія и распространенія болѣе здравыхъ хозяйственныхъ понятій, вызываемыхъ, между прочимъ, постепеннымъ истощеніемъ почвы, общинное начало будетъ у насъ неминуемо ослабѣвать, пока наконецъ уступитъ мѣсто личной наслѣдственной собственности. Но онъ не думаетъ, что м і р ъ исчезнетъ вмѣстѣ съ общиннымъ владѣніемъ, и мечтаетъ о замѣнѣ послѣдняго ассоціаціей—а р т е л ь ю.

По возвращеніи на родину, которая въ продолженіе его отсутствія такъ далеко шагнула впередъ, Мельгуновъ не оказался отсталымъ старикомъ: не такова была его подвижная, вѣчно юная натура, да и не таковъ былъ складъ его убѣжденій. Но на первое время онъ былъ такъ подавленъ личными дѣлами и непріятностями, что ему некогда было осмотрѣться. Тѣмъ не менѣе, заставъ своего друга-непріятеля Н. Ф. Павлова редакторомъ большой политической газеты «Наше Время», онъ сейчасъ же кинулся въ публицистику [1]), къ которой, какъ мы видѣли, онъ началъ переходить уже въ концѣ сороковыхъ годовъ. Когда же стало ясно, что «Наше Время» не будетъ имѣть большого успѣха, Мельгуновъ, сильно нуждавшійся въ деньгахъ, поспѣшилъ перебраться въ «Петербургскія Вѣдомости» Краевскаго, а потомъ съ нимъ вмѣстѣ въ его «Голосъ». Публицистомъ онъ оказался даже и въ то богатое талантами время далеко не изъ послѣднихъ.

Но мы отказываемся излагать этотъ періодъ его литературной дѣятельности, такъ какъ онъ можетъ быть уясненъ только въ связи съ исторіей русской публицистики «эпохи реформъ», для которой теперь едва лишь подбираются матеріалы, и такъ как Мельгуновъ, всецѣло увлеченный злобами дня, теперь рѣшительно отказался отъ своего посредничества «между славянофилами и западниками». Мы ограничимся только нѣсколькими цитатами изъ его частныхъ писемъ къ Шевыреву и Краевскому, характеризующими его отношеніе къ тому, что переживало тогда русское общество [2]).

---

[1]) Въ «Нашемъ Времени», судя по его письмамъ къ Краевскому, ему принадлежатъ статьи: въ № 29-мъ «Бить иль не бить», въ № 30-мъ «Кое-какъ»; въ одномъ изъ слѣд. №№ должна была быть помѣщена «Уваженіе къ труду и опрятность». Въ концѣ 1860 г. и началѣ 1861 г.: «Барство», «Верхушка», «Сибирская язва въ нравахъ». Въ авг. 1861 г. онъ готовилъ для него же статью: «Химико-физіологическіе вопросы въ связи съ русской исторіей». Кромѣ того въ цензурѣ застряла его статья «Наканунѣ тысячелѣтія Россіи». Всѣ эти статьи онъ собирался соединить съ «Письмами съ дороги» (см. слѣд. примѣчаніе) и издать отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Русскій народъ въ виду улучшенія его быта». (письмо отъ 23 авг. 1861 г.). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ Москвѣ полнаго экземпляра «Нашего Времени».

[2]) Мы только позволимъ себѣ привести нѣсколько его мыслей изъ «Писемъ съ дороги», которыя онъ въ числѣ 12 напечаталъ между 18-го іюля и 4-го октября въ «Спб. Вѣд.» за полной подписью: Н. Мельгуновъ. Онъ считаетъ русскаго мужика человѣкомъ практичнымъ и ловкимъ, неискреннимъ (съ помѣщикомъ), осторожнымъ и насмѣшливымъ до крайности. Онъ убѣжденъ, что съ нимъ не трудно сладить и сговориться и «безъ постороннихъ внушеній», но не надо торопиться. «Только, ради Бога, поменьше принудительныхъ мѣръ и побольше знанія человѣческаго сердца, да въ особенности русскаго сердца, ума, привычекъ, пріемовъ» (2-е письмо). Гораздо менѣе доволенъ онъ помѣщиками, ихъ некультур-

Уже 10-го августа 1860 г. Мельгуновъ, выражая Краевскому свое недовольство полемикой «Новаго Времени» съ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» изъ-за энциклопедическаго словаря, пишетъ: «Я напомнилъ этимъ господамъ слова Ивана Кирѣевскаго. обращенныя ко мнѣ въ Петербургѣ не задолго до его смерти: «Краевскій больше сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія, чѣмъ иной министръ (было сказано даже нѣсколько энергичнѣе). А Кирѣевскаго въ пристрастіи къ вамъ заподозрить нельзя». Вообще мнѣ тяжело видѣть какой-то разладъ между литераторами и духъ исключительности, вслѣдствіе усиливающейся наклонности къ кружкамъ. Радъ я, что самъ не принадлежалъ ни къ одному приходу и держалъ

ностью, отсутствіемъ инициативы, поголовной «обломовщиной». Онъ находитъ, что наше такъ называемое петровское раздвоеніе въ сущности мало отличается отъ того, что было на Западѣ; рознь у насъ идетъ только отъ крѣпостного права, которое виновато въ самодурствѣ какъ помѣщика, такъ и мужика. «Всѣ мы, говоритъ онъ въ концѣ 7-го письма, отъ высшихъ до низшихъ отличаемся неодолимымъ отвращеніемъ къ мѣрѣ, къ вѣсу и къ правилу: отъ этого у насъ и формализмъ господствуетъ; мы въ немъ ищемъ спасенія отъ безурядицы».

8-е письмо начинаетъ онъ такъ: «Въ моихъ замѣчаніяхъ есть и горечь, и досада, и негодованіе, но я ихъ не подавляю подъ своимъ перомъ, потому что ихъ корень въ любовномъ чувствѣ, потому что мнѣ хотѣлось бы хоть сколько-нибудь помочь нашему славному народу побороть въ себѣ всякую кривду и лихо, да вызвать на Божій свѣтъ тотъ чудный драгоцѣнный кладъ, который заколдованъ въ его груди и, какъ спящая царевна, ждетъ только пробудителя (пробудителемъ будетъ правдивое слово). Народъ нашъ уменъ; въ немъ много здороваго смысла, быстроты пониманія, живой любознательности; на бѣду все это въ залежи, отдыхаетъ и ждетъ плуга» (письмо 10-е). А пока состояніе его ужасно: безалаберность крестьянскаго хозяйства доходитъ до послѣдней крайности. Единственное спасеніе въ просвѣщеніи, но именно въ просвѣщеніи, а не въ простой грамотности». Мельгуновъ мечтаетъ о журналѣ для народа, о дешевыхъ народныхъ изданіяхъ, распространяемыхъ черезъ мировыхъ посредниковъ и съѣзды, и мечты его выражены съ такой вѣрою въ великое дѣло, что сама благоразумная редакція въ выноскѣ предлагаетъ свои столбцы для заявленій о согласіи будущихъ авторовъ.

Въ предпослѣднемъ письмѣ Мельгуновъ поднялъ излюбленный имъ вопросъ объ общинѣ и объ артели, и редакція тоже предлагаетъ желающимъ высказаться по этому важному предмету. Мельгуновъ не ограничился одними мечтами о правдивомъ словѣ русскому народу. Изъ его письма отъ 2-го августа 1861 года къ Краевскому, мы узнаемъ, что онъ сообща съ С. Т. Славутинскимъ составилъ брошюру для руководства крестьянъ, которую Славутинскій въ началѣ іюля долженъ былъ представить въ цензурный комитетъ съ именемъ Мельгунова какъ автора. Этой брошюры подъ Мельгуновымъ нѣтъ въ Публичной Библіотекѣ.

себя независимо отъ партій. Плохо отказываться отъ независимости своихъ убѣжденій ради такого или такого общественнаго лозунга; въ-десятеро хуже играть ими и своей свободой изъ за приходскихъ интересовъ. Роль благочинныхъ, поповъ и причта, право. не къ лицу писателямъ».

Въ письмѣ ему-же отъ 21-го августа того же года, замѣтивъ наклонность цензуры къ реакціи, Мельгуновъ замѣчаетъ: «Охъ ужъ эти спасители отечества! Когда-то отечество спасется отъ нихъ!»

Въ письмѣ отъ 9-го (21-го) февраля 1861 года къ Шевыреву въ Италію, Мельгуновъ разсказываетъ ему исторію возникновенія газеты Павлова. «Вяземскій, выхлопотавъ ему разрѣшеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ для него тысячъ десять серебромъ, изъ которыхъ больше половины ушло на размѣщеніе типографіи, а остальное на долги. Затѣмъ князь занемогъ опять безсонницей и уѣхалъ за-границу; а подписка, благодаря общему безденежью и плохой редакціи прежнихъ лѣтъ, да къ тому-же отчасти, и благодаря слегка оффиціальному характеру газеты, который не совсѣмъ отвѣчаетъ либерализму публики,—подписка идетъ плохо. Я не знаю, какъ извернется. Это вздоръ, чтобъ онъ былъ subventionné, какъ выражаются вѣжливо на Западѣ. Онъ продался только въ томъ смыслѣ, что обѣщалъ принять направленіе, не враждебное правительству. Газета отличается до сихъ поръ опредѣленнымъ цвѣтомъ (въ ней главныя статьи самого Павлова, который такъ и печетъ; затѣмъ Б. Чичеринъ, Ѳ. Дмитріевъ и пр.). Кромѣ того она литературна по формѣ и редактируется съ талантомъ».

Въ маѣ 1861 года въ письмѣ тому же Шевыреву Мельгуновъ ликуетъ, какъ юноша, по поводу радостнаго событія освобожденія крестьянъ. По его убѣжденію, «учрежденіе мировыхъ посредниковъ сулитъ много прекраснаго». И далѣе: «моя надежда на надежу—Царя и на его достойнаго брата: они не допустятъ, чтобы реакція, тупая и гибельная, подняла опять свою голову Вотъ, при слабыхъ опасеніяхъ, и наши великія ожиданія. Исторія никогда не идетъ по прямой линіи; уклоненія, всегда временныя и случайныя, неизбѣжны; но въ цѣломъ, мы неотразимо подвигаемся впередъ: это ясно, какъ день».

20-го октября 1861 года студенческіе безпорядки вызываютъ слѣдующія его мысли: «много безтолковщины и грустныхъ явленій, хотя бы, напримѣръ, со стороны петербургскихъ и московскихъ сту-

дентовъ. Но въ самыхъ безпорядкахъ проявляется какая то жизнь, живая струя, изъ которой авось либо вынырнетъ что-нибудь новое. Царь дѣйствуетъ до сихъ поръ мягко, осмотрительно и въ самомъ примирительномъ духѣ. Дай Богъ, чтобы онъ и общественное мнѣніе (которое рѣшительно выдвигается впередъ) шли дружно и черезъ то сильно, неуклонно. Для Россіи наступаетъ великая эра».

Мельгуновъ, какъ человѣкъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, вовсе не на сторонѣ крайней партіи: статьи Каткова противъ Чернышевскаго онъ признаетъ рѣзкими, но благородными и дѣльными (Письмо отъ 1-го августа; здѣсь же «Время» Достоевскаго и «Свѣточъ» онъ называетъ ублюдкомъ славянофильства съ «чернышевщиной»).

21-го декабря 1861 года онъ пишетъ Шевыреву: «Положеніе нашей литературы, какъ и общества, довольно печально, т. е. восколько (sic) оно переходное. Представь, есть люди, которые печатно перещеголяли Чернышевскаго. Онъ теперь уже чуть не «отсталый». Все это въ Петербургѣ. У насъ вещь удивительная! Корши, Кетчеръ (!!) и др. сражаются подъ знаменами Бор. Чичерина, Соловьева и Дмитріева за самодержавіе (beaucoup), православіе (un peu) и народность (въ придачу), но съ фанатизмомъ, ожесточеніемъ, и вызываютъ бури въ университетѣ. Словомъ, Петербургъ—это крайняя лѣвая сторона, гора (которая, разумѣется, родитъ мышь), а Москва—крайняя правая. Середину занимаютъ: здѣсь Катковъ, въ Питерѣ Дудышкинъ («Отечественныя Записки»). У нихъ, право, всего больше можно найти здраваго смыслу».

Но всякая насильственная мѣра глубоко возмущаетъ его. 3-го іюля 1862 года онъ выражаетъ горячее негодованіе по поводу запрещенія «Современника» и «Русскаго Слова». По его словамъ, «спасительная реакція противъ нелѣпаго направленія становилась часъ-отъ-часу сильнѣй, даже между студентами, какъ вдругъ—дерзкихъ невѣждъ «Мѣра» превратила чуть не въ мучениковъ.

Всякая новая реформа вызываетъ новый юношескій восторгъ стараго идеалиста. 20-го апрѣля Мельгуновъ пишетъ тому же Шевыреву: «Не знаю, будутъ ли уже новостью великія событія, которыя совершились и совершаются. 17-го апрѣля, въ день своего рожденія, царь отмѣнилъ тѣлесное наказаніе, какъ-то; шпицрутены, клейменіе, кнутъ и пр. Въ этотъ день ему были поднесены адресы во множествѣ; а за ними послѣдуютъ сотни и другихъ. Что-то скажутъ разные Плонъ-Плоны, утверждающіе будто мы Азія и патрі-

отическое чувство намъ неизвѣстно! Это великая эпоха для русскаго народа... Оживленіе здѣсь громадное, неподдѣльное. Можно безъ преувеличенія сказать, что народное связующее чувство съ самого 1812 года не высказывалось съ такою силою».

Этотъ бодрый восторгъ отнюдь не въ связи съ удачей въ собственныхъ дѣлахъ Мельгунова; напротивъ; послѣднія никогда не шли такъ плохо, какъ въ это время. Всѣ его предпріятія по мурминской фабрикѣ и имѣніямъ Павловыхъ близки къ окончательному паденію.

Изъ-за вынужденной неаккуратности въ расплатѣ онъ едва не поссорился съ стариннымъ пріятелемъ, сынъ котораго готовъ былъ по его словамъ, засадить его въ долговую тюрьму.

Въ началѣ лѣта 1863 года Мельгуновъ уѣзжаетъ за границу отчасти по болѣзни, отчасти въ надеждѣ занять денегъ въ Берлинѣ для фабрики (sic! вѣроятно, онъ самъ себя обманывалъ), поселяется въ Висбаденѣ и живетъ на гонораръ, получаемый съ «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» [1]). При его привычкахъ, этого гонорара не хватаетъ ему на самую скромную жизнь; ему вѣчно деньги нужны до зарѣзу, и онъ принужденъ унижаться, выпрашивать у Краевскаго по 50 и даже «на разныя мелкія издержки, уже сдѣланныя», по 10 рублей, неполученіе которыхъ «отразится на статьяхъ» его (письмо Краевскому 7-го (19-го) сентября 1863 года, гдѣ Мельгуновъ подписывается: Вашъ батракъ). Въ такомъ положеніи Мельгуновъ прожилъ половину 1863 года и весь 1864 годъ [2]). Гдѣ жилъ онъ 1865 годъ и начало 1866 года, мы не знаемъ.

По словамъ некролога московской газеты, выписка изъ которой находится въ вышеупомянутыхъ бумагахъ князя Одоевскаго (свѣдѣнія, ею сообщаемыя о жизни Мельгунова хотя очень кратки, но довольно вѣрны, о его литературной дѣятельности— болѣе чѣмъ поверхностны), «онъ возвратился изъ-за границы весною 1866 года, и послѣдніе мѣсяцы его жизни были почти непрестаннымъ и продолжительнымъ страданіемъ», Онъ скончался въ Москвѣ 4-го февраля 1867 года, на 63 году своей жизни.

[1]) Онъ упоминаетъ въ письмахъ о слѣдующихъ своихъ статьяхъ: «Почему на Западѣ не любятъ Россію и русскихъ», «Жизнь на водахъ», «Выборы въ Пруссіи», «Передъ прусскими выборами» и рядъ политическихъ корреспонденцій, за подписью Н. Л. Кромѣ того онъ все пишетъ свой романъ и думаетъ о «Запискахъ».

[2]) Послѣднее его письмо къ Краевскому отъ 15-го декабря 1864 года; къ Шевыреву—отъ 13-го января того же года.

Въ № 80 «Голоса» отъ 21-го марта за 1867 годъ въ фельетонѣ «Московская жизнь» С. П. сообщаетъ свой взглядъ на Мельгунова и свои личныя о немъ воспоминанія. Приводимъ и то и другое дословно. «Покойный Мельгуновъ былъ именно литераторомъ; онъ жилъ всегда въ кругу литераторовъ, былъ ими любимъ и уважаемъ: его мнѣнія узнавали писатели всякій разъ, когда хотѣли выпустить свое произведеніе въ свѣтъ, и мнѣніе это было всегда вѣрно и основано на художественномъ чувствѣ, которымъ Н. А. обладалъ вполнѣ. Былъ членомъ того кружка, въ которомъ одну изъ главныхъ ролей игралъ Чаадаевъ.

«Одно время, лѣтъ пять назадъ, я имѣлъ случай видѣть почти ежедневно вмѣстѣ Павлова и Мельгунова; послѣдній приходилъ обѣдать къ тогдашнему редактору газеты; оба старика чрезвычайно любили молодиться, знали другъ за другомъ эту слабость и постоянно острили одинъ на счетъ другого. Однажды Павловъ, говорившій всегда очень краснорѣчиво, завелъ разговоръ о производствѣ слѣдствій нашими слѣдователями и вспоминалъ свои собственныя занятія по этой части. Мельгуновъ не упустилъ случая воспользоваться этими воспоминаніями Павлова, чтобы напомнить ему о его лѣтахъ.

– Ты очень опытный слѣдователь, я вижу,—замѣтилъ онъ,—ну да и старый.

— То-есть, какъ старый?—спросилъ Павловъ.

— Такъ, судя по воспоминаніямъ твоимъ. Вѣдь ты, кажется, производилъ слѣдствіе объ убійствѣ Каина Авелемъ (sic)?

Павловъ расхохотался и не остался въ долгу.

— Тебѣ лучше помнить,--возразилъ онъ,—ты былъ при этомъ слѣдствіи понятымъ, а понятыхъ всегда выбираютъ изъ стариковъ

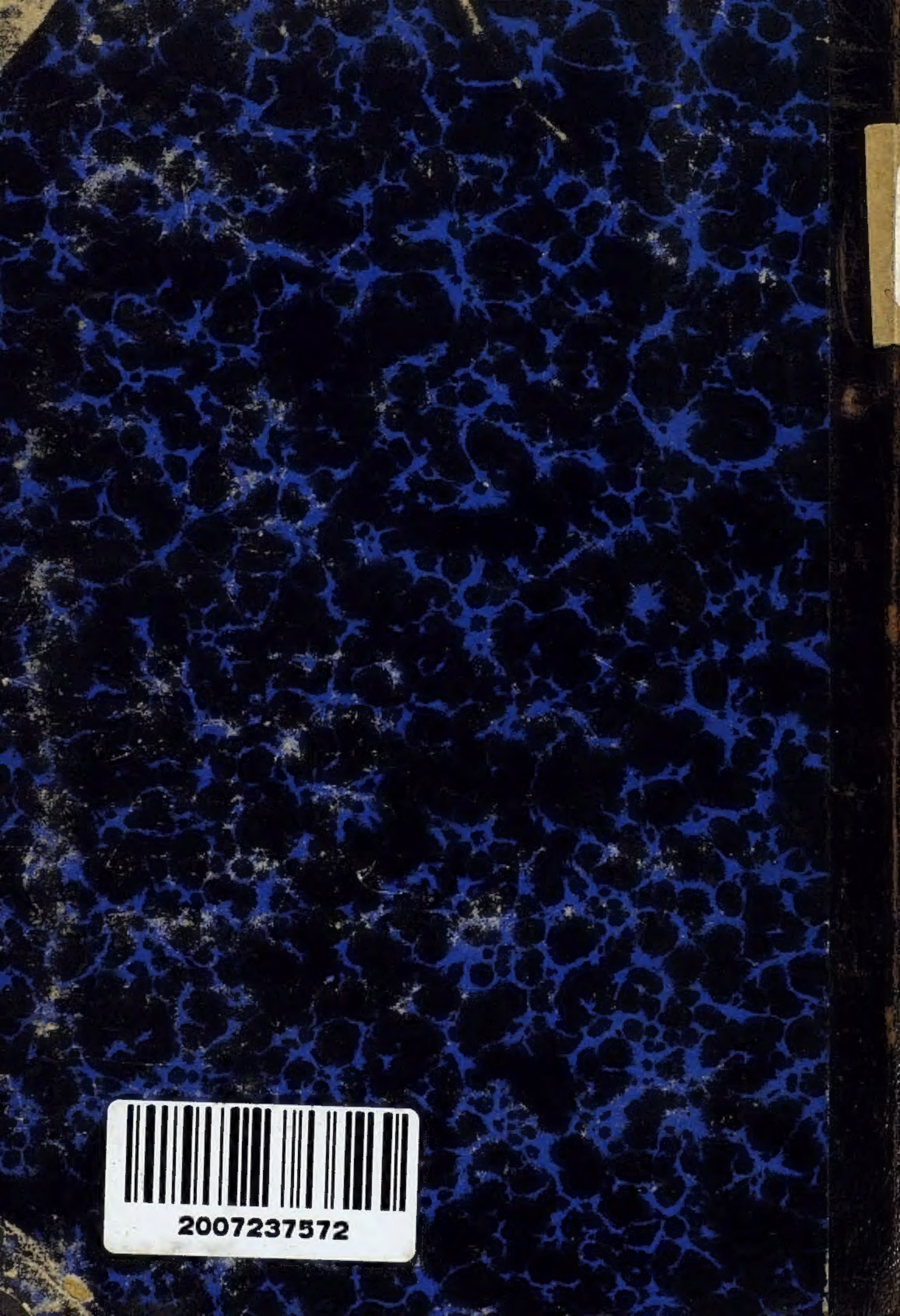
«Мельгуновъ до конца своей жизни былъ идеалистъ и поэтизировалъ самыя простыя явленія жизни. Онъ написалъ партитуру оперы, которая была исполнена гдѣ-то на водахъ въ Германіи, и очень досадовалъ, что ее не хотѣли играть здѣсь въ Москвѣ. Изъ изданій Мельгунова я припоминаю теперь краткое, общедоступное изложеніе «Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», которое онъ напечаталъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ и продавалъ по пяти копѣекъ».

Авторъ некролога, очевидно, имѣетъ въ виду ту книжку, которую Мельгуновъ составлялъ вмѣстѣ съ Славутинскимъ; но видѣлъ ли онъ ее напечатонною или только слышалъ о ней (причемъ намѣреніе могло смѣшаться съ исполненіемъ), намъ неизвѣстно.

Мельгуновъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, былъ очень ревностнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ архивѣ котораго должны бы сохраниться важныя о немъ свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, архивъ этотъ погибъ, кажется, безвозвратно.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007237572